

Научный журнал

Сетевое издание

Издается с 2021 года

Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

4 (04) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместитель главного редактора:

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол.н.

Выпускающий редактор

С. Д. Дарбасова, к. пед. н.

Члены редакционной коллегии:

Т. Аргунова-Лоу, доктор философии, Абердинский Университет, Великобритания

В. А. Бигуаа, д. филол. н., в. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Каффи Наоми, доктор философии, доцент, Рид Колледж, Портленд, США

Б. Т. Койчуев, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан

М. Ф. Надъярных, к. филол. н., с. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., в. н. с., Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

П. А. Слепцов, д. филол. н., г. н. с., ИГИиПМНС СО РАН, Российская Федерация

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Национальная Академия наук Республики Казахстан

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-балкарский государственный университет, Российская Федерация

Ж. В. Бурцева, к. филол. н., с. н. с., ИГИиПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. И. Данилова, д. филол. н., г. н. с., ИГИиПМНС СО РАН, Российская Федерация

У. А. Донгак, к. филол. н., с. н. с., Тувинский институт гуманитарных исследований, Российская Федерация

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

С. С. Имихелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, Российская Федерация

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Институт крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Российская Федерация

Г. С. Кунафин, д. филол. н., профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация

С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., с. н. с., Хакасский НИИ языка, литературы и истории, Российская Федерация

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., доцент, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Российская Федерация

М. Х. Надергулов, д. филол. н., г. н. с., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

В. Б. Окорокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГИиПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. Н. Романова, к. филол. н., в. н. с., ИГИиПМНС СО РАН, Российская Федерация

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ю. Г. Хазанович, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Тел./факс: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет

Academic periodical

Online edition

Published since 2021

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

4 (04) 2021

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editor:

P. V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philology Sciences

Issuing Editor:

S. D. Darbasova, Ph.D. in Pedagogy

Members of the editorial board:

T. Argounova-Low, Ph.D. in Anthropology, University of Aberdeen, UK

V. A. Biguua, Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS, Moscow

A. A. Burtsev, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Kaffi Naomi, Ph.D., Associate Professor, Reed College, Portland, USA

B. T. Koichuev, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan

R. H. Kulyeva, Doctor of Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan

M. F. Nadyarnykh, PhD in Philology, Senior Researcher, IMLI RAS, Moscow

Y. B. Orlitskiy, Doctor of Philology, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow

P. A. Sleptsov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Sector of lexicography of the Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

K. K. Sultanov, Doctor of Philology, Professor, IMLI RAN, Moscow

A. T. Khamraev, Doctor of Philology, Professor, Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

K. K. Bauaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

Zh. V. Burtseva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Institute of Philology and Social Sciences, SB RAS, Russian Federation

L. P. Grigorjeva, Ph.D. in Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. I. Danilova, Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

U. A. Dongak, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Tuvan Institute for Humanitarian Research, Russian Federation

L. S. Efimova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. V. Illarionov, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

S. S. Imikheleva, Doctor of Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation

I. A. Kerimov, Doctor of Philology, Professor, Institute of Crimean Tatar Philology of History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Russian Federation

G. S. Kunafin, Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Russian Federation

S. O. Kuryanov, Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Russian Federation

N. S. Mainagashsheva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation

O. A. Melnichuk, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

L. Kh. Mukhametzyanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov ANRT, Russian Federation

N. Kh. Nadergulov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

V. B. Okorokova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. V. Pokatilova, Doctor of Philology, Professor, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

L. N. Romanova, Ph.D. in Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

V. G. Semenova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Yu. G. Khazankovich, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovskiy str., office 228, Yakutsk, Russia, 677000

Telephone/Fax: +7 (4112) 49-67-54

<http://litteraesvfu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Гаврильева Н. Г. История создания проекта «Şamanin Rüyasi»: перевод поэмы «Сон шамана» Алексея Кулаковского на турецкий язык (к 145-летию основоположника якутской литературы, поэта-мыслителя А. Е. Кулаковского (1877-1926)).....	5
Манчурина Л. Е., Максимова А. Д. Современные переводы русскоязычной художественной литературы на якутский язык (на основе переводов, опубликованных в литературном альманахе «Күрүлгэн»).....	14
Федорова М. Я. Художественное и фольклористическое наследие Михаила Догордурова.....	26

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

Борисова А. А. Персонажи-помощники в образной системе эпических чудовищ абаасы.....	33
Хусайнова Г. Р. Татарские романические дастаны: причины распространения и особенности, характерные для письменных и устных вариантов.....	40

ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ

Дарбасова А. Г. Из истории создания повести Р. А. Кулаковского «Жизнь отца».....	48
Корякина А. Ф. История публикаций ранних записей эпических памятников якутов (вторая половина XIX-начало XX вв.).....	58
Орехов Б. В. Башкирская антология «Из века в век» в стиховедческой перспективе.....	69

РЕЦЕНЗИЯ

Сивцева Н. А. Сообщение о книге: «Ырыа буолбут олох» (=«Жизнь, ставшая песней»): Советской Союз Геройа Ф. К. Попов кэризнигэр анаммыт уус-урган айымнылар, ахтылар, чинчийилэр / [Хомуйан онордулар: П. В. Сивцева-Максимова, Е. А. Архипова, И. И. Коркин; науч. ред. П. В. Сивцева-Максимова]. – Дьюкуускай: ХИФУ кинигэ кылата, 2021. – 372 с.....	77
---	----

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

Степанова В. Е. Всероссийская конференция «Актуальные вопросы изучения национальных литератур».....	79
---	----

CONTENT

HISTORY AND CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

Gavrilyeva N. G. The history of the «Şamanin Rüyasi» project: translation of the Kulakovskiy's poem “The Shaman's Dream” into Turkish (to the 145th anniversary of Alexei Kulakovskiy (1877-1926), the founder of Yakut literature).....	5
Manchurina L. E., Maksimova A. D. Modern translations of Russian-language fiction into the Yakut language (based on translations published in the literary almanac «Kurulgen»).....	14
Fyodorova M. Ya. Literary and folklore legacy of Mikhail Dogordurov.....	26

THE LITERARY LIFE OF FOLKLORE. POETICS

Borisova A. A. Character-helpers in the figurative system of the epic monsters Abaahy.....	33
Khusainova G. R. Tatar romantic dastans: reasons for the spread and features characteristic of written and oral variants.....	40

TEXTUAL CRITICISM, POETRY RESEARCH

Darbasova A. G. From the history of the creation of the novel « My father's life» by Reas Kulakovskiy.....	48
Koryakina A. F. The history of documenting and publishing early records of the Yakut epic monuments (second half of the 19th – early 20th century).....	58
Orekhov B. V. The Bashkir anthology “Century after century” from a verse study perspective.....	69

REVIEW

Sivtseva N. A. The message about the book: “Yrya buolbut oloh” (=”Life that became a song”): Sovietskai Soyuz Geroi F. K. Popov careyhiger anammyt uus-uran ayymnylar, akhtyylar, chinchiyiler / [Homuyan oordular: P. V. Sivtseva-Maksimova, E. A. Arkhipova, I. I. Korkin; scientific ed. P. V. Sivtseva-Maksimova]. – Dyokuuskai: HIFU kinige kyhata, 2021. – 372 p.....	77
---	----

INFORMATION. CHRONICLE

Stepanova V. E. All-Russian scientific “Topical issues of studying national literatures”.....	79
---	----

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157-1 Кулаковский.03=512.161

Н. Г. Гаврильева

**История создания проекта «Şamanin Rüyasi»: перевод поэмы
«Сон шамана» Алексея Кулаковского на турецкий язык
(к 145-летию основоположника якутской литературы,
поэта-мыслителя А. Е. Кулаковского (1877-1926))**

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Аннотация: Размышления о переводе произведений якутского поэта-мыслителя А.Е. Кулаковского (1877-1926) в турецкой культуре становятся сегодня крайне важными. Этому способствует тот факт, что поэма «Сон шамана» (1910) Алексея Кулаковского, написанная в начале XX века, спустя 110 лет признана самым сложным видом якутской поэтической словесности, сотканным из сотни символов, звуков, слов, тысячи грамматических конструкций и слов. Целью предпринятого нами перевода было желание представить этот уникальный памятник якутской аллитерационной поэзии в мировом поэтическом пространстве.

Ключевые слова: А. Е. Кулаковский, турецкий язык, перевод, переводчик, поэма.

N. G. Gavrilyeva

**The history of the «Şamanin Rüyasi» project: translation of
the Kulakovskys poem “The Shaman’s Dream” into Turkish
(to the 145th anniversary of Alexei Kulakovskiy
(1877-1926), the founder of Yakut literature)**

Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia

Abstract. Reflections on the translation of the works of the Yakut poet-thinker in Turkish culture are becoming extremely important today, according to our feelings, and, perhaps, should come to the fore for the Yakut humanities. This is facilitated by the fact that the poem “The Shaman’s Dream” (1910) by Alexey Kulakovskiy, written at the beginning of the twentieth century, 110 years later, is recognized as the most complex type of Yakut poetic literature, woven from hundreds of symbols, sounds, syllables,

ГАВРИЛЬЕВА Надежда Гариеvna – к. филол. н., докторант кафедры теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).

E-mail: ngavrileva@yandex.ru

GAVRILYEVA Nadezhda Garievna – Candidate of Philological Sciences, Doctoral Student, Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities (RSUH).

thousands of grammatical constructions and words. Keywords: Alexei Kulakovsky, Turkish, translation, translator, poem. The purpose of our translation was the desire to present this unique monument of Yakut alliterative poetry in the world poetic space.

Keywords: A. E. Kulakovsky, Turkish, translation, translator, poem.

Введение

Корни расцвета якутской литературы и так называемый «золотой век поэзии» пришелся именно на начало XX столетия. Алексей Кулаковский, Анемподист Софонов, Платон Ойунский – такие литературные гиганты редко появляются в одном и том же маленьком народе, да и еще практически в одно и то же время. Якутия времен основоположников была по большей части обществом, основанным на устной традиции, когда мнемоническая сила поэзии впервые дала поэтам возможность считать себя «хозяевами истины». Это было время, когда устный эпический язык встретился с литературным якутским.

Поэты-мыслители создали не только самостоятельную литературу, но и особый тип художественного мышления. Феномен якутского типа миропонимания основан на возврениях западной и восточной мысли и опирается на принципы мифологической, религиозной и философской традиций. Именно в произведениях вышеуказанных поэтов впервые «якутское миропонимание» сложилось в самостоятельную систему, которая включает в себе и своеобразие народной мудрости, и аутентичность якутского мышления, и уникальность философских возврений якутов.

Философ по своей природе и основоположник якутской литературы по определению А. Е. Кулаковский был первым, кто обнаружил отношение поэзии к подражанию, что способствует ее легкой постижимости и интерпретации на любой языке. Фундаментом для использования этого метода выступил тот факт, что Вселенная, по мнению поэта, состоит из двух миров: духовного («интеллектуального») и телесного («чувственного»). Особенностью поэтических текстов является наличие в них соответствия между этими двумя мирами. Поэзия есть обожествление духовного в чувственных вещах. Чувственная жизнь поэзии заключается в духовном содержании, который скрыт от восприятия большинства. Благодаря герменевтическому прочтению этот чувственный мир поэзии становится миром свидетельства, который все могут видеть и понять. И этот мир чувств становится отправной точкой для восхождения к миру авторского разума.

Проблема сочетания явного и скрытого хорошо отражена и в творчестве самого поэта, в частности, в поэмах «Дары реки» (1909), «Сон шамана» (1910), «Наступление лета» (1924) [1], в которых тема судьбы родного народа приобрела всестороннее развитие. Читатели слышали в его стихах не столько рассказ и размышления поэта о народе, а сколько рассказ народа о себе на его собственном, народном языке. В наиболее переведенном и известном произведении «Сон шамана» каждая часть поэмы имеет скрытую суть. Для объяснения тайного смысла своего текста Кулаковский привлекает понятие «шаман» (служитель культа), который согласно якутской мифологии является проводником между миром людей и духов, т.е. интеллектуального и чувственного. В данном случае особенность авторского шамана состоит в том, что, созерцая конкретные объекты, он видит за ними духовные идеи. Идеи оказываются сначала представленными его внутреннему видению, а затем воображением авторской мысли. По мнению поэта,

воображение – это что-то вроде материала, из которого лепится «подобие», «подражание». Еще в середине XIX в. немецкий теолог и богослов Ф. Шлейермакер (1768-1834) обозначил герменевтическую методологию как «метод создания подражаний» или как «метод уподобления» [2, с. 112]. Развивая эту мысль, в своих научных трудах А. Кулаковский пишет, что всякий перевод стихотворения есть свободное поэтическое подражание, следовательно, самостоятельное произведение искусства [3, с.119].

Подтверждением являются его вольные переводы из русской литературы, а именно стихотворение М. Лермонтова «Клятва демона» («Абааны андааца») и элегия Н. Цыганова «Речка» («Үрүйэ»). Литературоведы пишут, что «структурный анализ языка художественных интерпретаций доказывает, что каждое созданное им произведение занимает особое место в якутской литературе как явление художественное, наделенное собственной эстетической ценностью» [4, с. 433-578.]. И вправду перевод на якутский язык потребовал у поэта переосмыслиения, перетолкования основных понятий в системе другого языка и другого мировоззрения. Однако индивидуальность передачи стихотворных текстов проявляется не только в процессе понимания, но и собственно в интерпретации, которое было создано личной виртуозностью толкователя.

Сказанное поясняем следующим примером из «Клятвы демона»: «Ол киэн Орто-дойду ойуута, Аан-дойду мандара, Ий-дойду симээ буолбут, көрөртөн суөл учүгэй, этэртэн илэ дыкти, анаарартан алыс бэрт, Хапхаас (Кавказ) ыраахтаа ѿтын баар эрэ маанылаах кыына, Тамаара дыэн барахсан, сүктэр ўоруулээх утю күнэ буолан, оонньоон дьоройо, үнкүүлээн күөгэйэ, ыллаан сыйылла сылдьар үүг...» [4, с. 164]. Дословный перевод фрагмента рассказывает, как «однажды настал день замужества Тамары, единственной дочери кавказского царя, девушки удивительной внешности, украшения срединной земли, красоты всей Вселенной и как она этому была рада, звонко пела и плясала». Сразу обращает на себя внимание оформление якутского текста, написанное в форме стихотворения в прозе, что приближает его к жанру надгробной надписи, эпитафии. В оригинале описываемое действие простирается на несколько стихотворных строк, полных психологизма и романтического пафоса диалога, содержащий многообразие мифологических и фольклорных мотивов.

Поэма Лермонтова была создана в духе романтической школы, о чем свидетельствуют сюжет и композиция произведения, наличие образа могучего духа, носящего на челе печать проклятия и отвержения; похожий герой встречается в поэмах «Падение ангела» Альфонса де Ламартина и «Каин» Джорджа Гордона Байрона, мистерии «Элоа» Альфреда де Винни и др. Но демон Кулаковского не похож на библейского сатану. Под маской злого духа он прячет вполне человеческое лицо разочарованного романтического героя: «үөдэн уола сордоо...муус болоо сүрээ булгуярга былы гынна, сымара таас быара маннныярга былы гынна» [4, с. 165]. Дословный перевод описывает, как «при виде красавицы грузинки у него растаяло ледяное сердце, развелновалась каменная печенка несчастного сына нижнего мира». Далее диалог Тамары с демоном в якутском тексте передается аллитерационным стихом. «Люди, способные воспринимать только явное, ограничиваются тем буквальным истолкованием, которое представляет любой художественный язык. Но, если очистить воображение и освободиться от предрассудков, то, можно увидеть за внешней формой авторских слов внутреннее измерение произведения, его тайный смысл» [5, с. 47].

Придавая своему переводу форму народной песни, Кулаковский сумел раскрыть скрытый смысл текста, своеобразно претворил и создал нечто совершенно новое. В данном случае задача поэта как интерпретатора заключалась не в точном воссоздании русскоязычного оригинала на якутский язык, а в умении оценить и проецировать на себе содержание иноязычного текста, что гораздо важнее традиционной герменевтической методики осмыслиения и понимания. Для достижения своей цели он выбирает конкретный изобразительный язык и определенный жанр повествования,

необходимые лексические и синтаксические средства для полноты раскрытия содержания своего текста. Согласно герменевтическому подходу, сознание автора должно быть принципиально открытым навстречу разговору с любым читателем, будь это переводчик или реципиент. Поэтому выбранный поэтом смысловой способ интерпретации, который подразумевает собой приближение оригинала к нормам принимающей культуры, в данном случае якутской, имеет право на существование. Он стремился сделать восприятие текстов удобным и легким для яктоязычного читателя, ради чего ему пришлось сглаживать и даже устранять языковые и содержательные особенности оригинала. В его вольных переложениях речь идет уже не о мире автора и той действительности, о которой говорится в оригинале.

История проекта в диалогах

Мало кто понимает, насколько трудно сделать перевод текста, созданного на языке Кулаковского на современный турецкий язык. История создания перевода «Сон шамана», взятая из нашего собственного профессионального опыта, разрушают некоторые связанные с переводом поэзии мифы и знакомят читателей с проблемами, с которыми переводчики художественной словесности сталкиваются в своей деятельности. Ведь до реформы Ататюрка Кемаля (1881-1938) весь турецкий народ говорил и писал на османском языке (османский язык представляет собой симбиоз турецкого, арабского и персидского), а литературным языком у них считался язык фарси. И когда турки перешли на латиницу, а якуты, наоборот, с латиницы на кириллицу, у народов произошло смещение не только языков, но и смыслов и понятий. Как нам кажется, построение мостов понимания между якутским и турецким народом – это важнейшая интеллектуальная задача, но при этом необходимо уважать лингвистическую и культурную самобытность каждого из них. Сохранение баланса между достижением взаимопонимания и сохранением самобытности является основной целью данного проекта.

Надежда: Когда мы начали работу над переводом поэмы на турецкий язык, мне на ум всегда приходил фильм «Уроки фарси» (2020) Вадима Перельмана, содержание которого отсылает нас к трем уровням контактов. Первое – это наблюдение, контакты второй степени – это влияние, и последнее – это взаимодействие двух людей с разной культурой, и их влияние друг на друга. Контакт первой степени раскрывается во время процесса перевода; влияние мы замечаем, когда видим, к каким успехам приводит это взаимодействие, а вот к третьему – реальному пониманию роли перевода в нашей жизни, приходят лишь немногие из нас.

Юмют: Думаю, мы с Надеждой выполнили очень важную миссию. Мы не только живо и захватывающе описали процесс перевода такого сложного произведения, но и превратили его из труднопостижимой абстракции, в понятное и увлекательное занятие. Перед тем как начать работу над переводом, Надежда у меня спросила, на каком языке мне будет удобно работать. Я сказал, что русский у меня очень слабый, поэтому я выбираю язык Кулаковского.

Надежда: Мой турецкий друг, с которым мы сделали подстрочный перевод поэмы, плохо ориентировался в русском тексте, соответственно, нам пришлось выполнять подстрочный перевод с якутского текста. Нам пришлось работать по видео связи, то есть перевод проходил устно, в режиме онлайн. Сначала я проговаривала на якутском языке текст поэмы, потом на этом же языке объясняла Юмюту значения отдельных слов и выражений. В ходе работы над переводом мне приходилось проверять правильность восприятия и понимания Юмютом культурных, языковых, семиотических составляющих подлинника. Литературная обработка перевода происходила стамбульскими переводчиками с опорой на русский текст, поскольку они лучше владели русским языком, и для них вспомогательным текстом послужил русский перевод поэмы, выполненный Аитой Шапошниковой.

Юмют: В ходе прочтения поэмы я для себя понял, что мировоззрение якутского поэта Ексеуляха очень схожи с мыслями турецкого философа Зии Гёкалпа (1876-1924), основателя концепции разумного влияния Востока и Запада. Его идеиные представления послужили основой для многих политических трактатов Ататюрка Кемаля, нашего первого президента. При этом Зия был не только философом, но и поэтом, чьи художественные произведения освещали проблему сохранения истории и национального языка турков. Я был поражен глубиной и широтой мыслей Алексея Кулаковского, выходца из малочисленного якутского народа, поэта, жившего в прошлом веке.

Надежда: С одной стороны, мне было легче работать с моим турецким другом благодаря некоторой схожести наших языков. Многие турецкие слова имеют общетюркское значение. Поэтому я интуитивно понимала Юмюта даже тогда, когда он проговаривал строки поэмы на турецком языке целыми словосочетаниями, например, *слуга божественного Айыы – İlahi Aiyy'nin kulu, оперенье бурое - tuyleri boz* и др. Иногда мне казалось, что в турецком языке используются устаревшие якутские слова или понятия, что подтверждает тот факт, что модели и способы современного турецкого словообразования имели место быть в якутском языке еще несколько веков тому назад. С другой стороны, Юмюту было очень сложно ориентироваться в специфическом корпусе лексической системы языка Кулаковского и якутской художественной поэзии в целом. И я его прекрасно понимаю. Даже свободное владение разговорным якутским языком не всегда позволяет справиться с переводом поэтического текста на другой язык, так как это требует специальных навыков.

Юмют: При работе с текстом поэмы «Сон шамана», я впервые столкнулся с тем, как неправильный перевод может иметь самые разнообразные последствия: от забавных до глубоко трагичных. Например, в турецкой культуре нет понятия «шаман», но есть, другое – «шайтан», злой дух, враждебный Аллаху и людям. Почему-то я всегда представлял шаманов людьми, наделенными какими-то нечеловеческими магическими силами и наводящими ужас на людей. И когда я перевел строку *Айыы намынын ойууна абаам как şeytanın kulu* (досл. пер. «слуга шайтана»), Надежда пришла в недоумение. Она дала понять, что ни в коем случае, не стоит так переводить. После того как она объяснила мне значение и роль шаманов в якутской религии, отличия черного и белого шаманов, я понял, что при переводе нужно каждый раз вникать в языковые нюансы и разбираться, как те или иные понятия влияют на общий смысл произведения.

Надежда: Каждый народ имеет свою картину мира, по-своему членит мир, имеет свой способ концептуализации, содержание иноязычного высказывания организовывает в соответствии с этой картиной. В случае с «шаманом» следует отметить, что понятие этого слова в якутском сознании выступает как особый знак, у которого есть не только языковое значение, но и культурная коннотация. В этой связи у турецкого переводчика возникли две ассоциации: «шайтан» (*şeytan*) и «джинн» (*çin*). Джинн оказался более близким по своим функциональным характеристикам, у них это что-то вроде колдуна, но это не совсем то, что якуты подразумевают под своим шаманом. Поэтому мы решили оставить слово «шаман» без изменений – «Şaman» и стихотворную строку: *Айыы намынын ойууна абаам* перевели как *İlahi Aiyy'nin kulu*, русский перевод звучит как: «Слуга божественных Айыы». Пришлось учитывать и тот факт, что Юмют принадлежит к поколению современных людей, которые как и остальные представители молодого поколения, привыкли разговаривать сленгами и не особо разбираются в традиционной культуре своего народа. По этому поводу профессор Н. Гавриленко отмечает, что «специфическая деятельность переводчика художественных текстов состоит в том, что он должен обеспечивать успешность общения между посторонними, знания, опыт и коммуникативные интенции которых ему, строго говоря, чужды и лежат порою далеко за пределами личностного опыта людей той социально-возрастной категории, к которой он сам объективно принадлежит» [6, с. 315].

Юмют: Прошло почти 1000 лет с тех пор, как турецкий народ принял исламскую веру. При этом в традиционном языческом веровании якутского народа встречаются моменты, чем-то похожие на нашу древнюю религию. Например, в тексте поэмы имеются названия многочисленных мифических персонажей и богов. Насколько я понял, Юрюнг Аар Тойон и Айыы Тойон Абабыт – это две разные личности, но порой их имена связывают и воспринимают как единое целое. Во время летнего солнцестояния якуты празднуют Йысыах и совершают обряды, связанные с богом Юрюнг Айыы Тойон. В турецком фольклоре так же существуют поверья, связанные с культом Хызыра и Ильяса, живущих на второй ступени пятиуровневой жизни. Братья пророки воспринимаются как символы весны и обновления. Во время праздника Хыдырлез, который проходит в начале мая, турки разжигают большой костер и прыгают через него. Считается, что огонь имеет очищающую силу. Этот веселый земледельческий праздник перекликается с иранским Наврузом, славянским Иваном Купалой и якутским Йысыахом.

Надежда: Устаревшая лексика хранит в себе огромный поток национально-исторической информации. Историзмы и архаизмы являются ценным приемом воссоздания исторического колорита жизни и быта якутского народа. Их исследование раскрывает целый культурный пласт прошлой эпохи. Мы понимаем, что сноски и комментарии не всегда приветствуются при переводе художественных текстов, поскольку они отвлекают читателя от общего контекста. Однако следует отметить, что «если для обычного читателя, достигшего критического уровня понимания, характерно критическое осмысление предметного содержания высказывания, то для переводчика предметом осознания оказывается как смысл высказывания, так и его языковое выражение» [7, с. 263]. Например, устойчивое выражение *ат таппатынан Айыы бајады аангнаабыт эбит* мой турецкий друг перевел как *в оригинальном стихотворении поэт описывает, как он поднялся над небом и скакал, как лошадь*. На самом деле дословный перевод пословицы звучит примерно так: *столько грехов навалилось, что и коню не вытянуть*. За этим народным изречением глубокий подтекст, который важен не только для понимания основного содержания, но и авторской мысли. Кулаковский как бы предупреждает, что на род людской надвигается тяжелое бремя. Неправильный перевод получается, когда стирается грань важного признака устойчивого выражения якутского языка по причине отсутствия аналогичного в турецком языке. Поэтому при переводе мы все время ориентировались на общий контекст, который сам подсказывал нам правильный вариант перевода.

Юмют: Было бы неправильно пытаться переводить якутские архаизмы на турецкий язык одним понятием. Нам пришлось каждый раз составлять тезаурус и подробно объяснять значение отдельных мифических и религиозных персонажей. Например, *Үрүн Аар Тойон* перевели методом транслитерации: *Ürүүн Aar Toyon*, а после сделали сноска и объяснили, что это по-турецки означает примерно *Ak Tanrı* (*Светлый Бог*). А вот аутентичность следующего имени *Айыы Тойон абабыт* мы перевели как *Tanrıımız (Наш Бог)*. При этом были случаи, когда мы прибегали к комбинированному переводу, например, при передаче имени бога войны *Ohol уола On Соллон*, *Обот Мэнэгэй*, *Уот Солуоннай - Ohol oğlu Op Sollon* (*Savaş Tanrısı*), *Obot Menegey*, *Uot (Ateş) Soluonnay*, в скобках пришлось написать общее значение выражений, исходя из полного имени персонажа: *Savaş Tanrısı* – Бог Войны, *ateş* – огонь. Отсутствие якутско-турецкого и турецко-якутского словаря заставляло меня каждый раз заглядывать в якутско-русский словарь. Для начала мне приходилось искать русское значение якутского слова, а после находить его турецкое значение в русско-турецком словаре. Затруднял работу и тот факт, что нет словаря якутской поэзии. Ведь стихи – это особый язык поэта, особые обороты, эпитеты, изобразительные слова, по-другому построенные предложения... Занятие художественным переводом действительно требует у переводчика знаний не только по определенному языку, но и литературе, фольклору, истории, этнографии другого народа.

Надежда: Первые части поэмы давались Юмюту довольно легко. Ему было приятно и даже любопытно работать с именами якутских мифических персонажей. В ходе перевода он часто делал сравнения со своей, турецкой мифологией, находил общие черты, я его знакомила с пантеоном якутских божеств, с основами языческого верования... В тот момент мы оба были под влиянием Кулаковского, когда его текст превратился в некий портал, через который нам открылась возможность генерации наших мыслей с душой произведения, сотканной из авторского голоса и кода. Но начиная где-то с шестой части поэмы, у Юмюта начались проблемы с поиском смысла, он начал отдаляться от мира автора, будучи слишком погруженным в национально-культурный контекст поэмы. При симптомах эмоционального выгорания, приверженцы постмодернизма (Е. Баженова, М. Можайко) предлагают переводчику воспринимать авторский текст как палимпсест, как некую установку на присвоение произведению нового смысла читателем (переводчиком) в противовес извлечению смысла, предназначенного автором [8, с.139]. В этом случае переводчик как бы признается соавтором текста, поскольку усиливается роль его влияния на переводной текст.

Юмют: Трудности, с которыми я столкнулся при переводе поэмы на турецкий язык, связаны не только с устаревшей лексикой, но и строением самого поэтического текста, который был изложен по принципу якутского олонхо. Невозможно передать синтаксический параллелизм строк без потерь на турецкий язык. Мне пришлось либо пропускать, либо объединять целые три-четыре подряд идущие строки поэмы в одну длинную строку. Для меня было очень сложно воспринимать якутский способ стихосложения Кулаковского, когда об одном и том же действии говорится несколько раз подряд разными способами. Мне кажется, многочисленные параллелизмы и повторы создают впечатление громоздкости, однообразности якутской стихотворной строки. Но, это особенность якутской речи, и я понимаю, что по-другому быть не может.

Надежда: Если сравнить якутскую художественную литературу и новую поэзию Турции начала XX века, то можно обнаружить много общего в плане развития литературных жанров и направлений. В Турции, как и в Якутии, в это время происходит модернизация в культурной жизни народа, складывается типологически современная литература, появляются новые поэты, такие как Назым Хикмет, Орхан Вели и др., которые не только призывали народ к борьбе с феодальным устоем, защите прав человека, культурному прогрессу, но и ввели в турецкую литературу совершенно новую для того времени систему стиха – верлибр.

Для Якутии начало прошлого столетия было временем, когда писатели и поэты начали осваивать с помощью переводов достижения мировой и русской классической литературы, а также советских авторов. В плане архитектоники стихотворного текста, конечно же, встречаются значительные расхождения из-за особенностей звучащей речи турков и якутов. Однако и здесь можно найти компромисс и вполне эквивалентно передать версификацию якутской фольклорной поэзии на турецкий язык. У турков имеется популярная форма устной народной поэтической словесности (поэзия ашиков), которая наиболее близка по форме нашему олонхо, исполняется в стиле повествования, состоит из семи, восьми и одиннадцати сложных четверостиший. Система стиха якутской фольклорной поэзии предполагает наличие в стихе аллитерации, рифмы и синтаксического параллелизма. Эти особые моменты якутской версификации не подходят турецкой стихотворной форме. В турецкой поэзии нет понятия начального созвучия (аллитерации), у них чаще встречается конечная рифма. Из-за указанных особенностей якутского фольклорного стиха русские переводчики поэмы «для достижения наибольшей смысловой близости опускали целые строки или полностью переделывали на русский манер авторское видение, его стиль» [9, с. 90]. Чтобы не повторять их ошибок, при переводе мы старались сохранить прежде всего поэтическое звучание текста, а не превращать произведение Кулаковского в свободное переложение на турецкий язык. Благодаря

профессионализму стамбульских переводчиков мы восполнили изъяны подстрочного варианта и сумели без потерь воссоздать каждую строку Алексея Кулаковского на турецкий язык.

Юмют: В турецком народном стихе встречаются от 5 до 15 сложных строк, нередко у них бывает свободный безразмерный стих. Например, рассмотрим отрывок стиха из поэзии Йунус Эмре:

Yalancı dünyaya konup göçenler

Ne söylerlər ne bir haber verirler

Üzerinde türlü otlar bitenler

Ne söylerlər ne bir haber verirler

Данный отрывок написан в традициях народного стиха и представляет собой стихотворный период, состоящий из нескольких повторяющихся слов, за счет чего в стихах образуется рифма внутри и в конце строк. Однаковые по звучанию конечные рифмы как бы набегают друг на друга, перекликаясь схожим звучанием. По сравнению с турецкой поэзией якутские стихи богаты не только повторами и аллитерацией, но и парными, звукоподражательными, образными словами. Все это передать на турецкий язык без искажений практически невозможно.

Надежда: Когда мы с Юмютом закончили подстрочный перевод поэмы на турецкий язык, необходимо было выполнить литературную обработку перевода. И тут нам сильно помогли опытные переводчики из Стамбула. Литературный вариант перевода, конечно же, сильно отличается от подстрочного. Над ним работали профессионалы, он стал не поэтичным, но более художественным, местами даже можно проследить сохранение единоначатия начальных звуков в строке, что уже говорит о том, что переводчики сумели воссоздать национальную поэзию, и в то же время сделали ее понятной и близкой носителям турецкого языка.

Заключение

Летят годы, меняется мир, вместе с ним меняются и люди, но неизменным остается интерес человека к истории, культуре, жизни предшественников, создателям великих художественных произведений. Идея создания турецкого варианта «Şamanın Rüyası» (2021) Алексея Кулаковского поистине стала гениальным проектом, объединившим эмоции и мысли людей разных национальностей, живущих в Якутске, Москве, Сербии, Анкаре и Стамбуле. Издание выйдет на двух языках (русском и турецком) в Москве.

Автором и научным консультантом проекта является Надежда Гаврильева, исследователь, литературовед, докторант Российского государственного гуманитарного университета; подстрочный перевод на турецкий язык был сделан Юмютом Шахиным, аспирантом и преподавателем института Анкары; литературная обработка перевода выполнена профессиональными переводчиками из Стамбула. Автор выражает благодарность якутским и московским коллегам за помощь в издании поэмы «Сон шамана» на турецкий язык.

Л и т е р а т у р а

1. Кулаковский А. Е. Ырыа-хоһоон / Өксөкулээх Өлөксөй; [хомуйан онордо, аан тыллын уонна коммент. сурuida, бэчээккэ бэлэмнээтэ филол.н.к. Л. Р. Кулаковская]. Дьокуускай: Бичик, 2012. – 368 с.
2. Шлейермахер Ф. Герменевтика. Перевод с немецкого А. Л. Вольского СПб.: «Европейский Дом». 2004. – 242 с.
3. Кулаковский А. Е. Труды по якутскому языку / [сост.: Л. Р. Кулаковская; редактор: А. А. Кузнецова]. – Якутск: Медиа-Холдинг Якутия, 2017. – 280 с.
4. Кулаковский А. Е. Ырыа-хоһоон / Поэтические произведения. Т. 1. Сост. Л.Р. Кулаковская, отв. ред. П.В. Максимова. – Новосибирск: Наука, 2009. – 631 с.
5. Ингарден Р. Очерки по философии литературы. – Благовещенск, 1999. – 184 с.

6. Гавриленко Н. Н. Основы дидактики переводческой деятельности: монография. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 560 с.
7. Алексеева И. С. Текст – перевод – культура. Избранные труды / сост. С. А. Гончарова, А. М. Антонова. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. – 400 с.
8. Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология: коллективная монография / под общ. ред. Л. В. Кушниной. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 183 с.
9. Гаврильева Н. Г. Проблема эквивалентного перевода поэмы «Сновидение шамана» А. Е. Кулаковского. – М.: Наука, 2020. – 187 с.

R e f e r e n c e s

1. Kulakovskij A. E. Yrya-hohoон / Øksekyleekh Øløksej; [homujan oñordo, aan tylyn uonna komment. surujda, becheekke belemneete filol.n.k. L. R. Kulakovskaya]. D'okuuskaj: Bichik, 2012. – 368 s.
2. Shlejermaher F. Germenevtika. Perevod s nemeckogo A. L. Vol'skogo SPb.: «Evropejskij Dom». 2004. – 242 s.
3. Kulakovskij A. E. Trudy po yakutskomu yazyku / [sost.: L. R. Kulakovskaya; redaktor: A. A. Kuznecova]. – Yakutsk: Media-Holding Yakutiya, 2017. – 280 s.
4. Kulakovskij, A. E. Yrya-hohoон / Poeticheskie proizvedeniya. T. 1. Sost. L. R. Kulakovskaya, otv. red. P. V. Maksimova. – Novosibirsk: Nauka, 2009. – 631 s.
5. Ingarden R. Ocherki po filosofii literatury. – Blagoveshchensk, 1999. – 184 s.
6. Gavrilenko N. N. Osnovy didaktiki perevodcheskoj deyatel'nosti: monografiya. – M.: FLINTA, 2021. – 560 s.
7. Alekseeva I. S. Tekst – перевод – kul'tura. Izbrannye trudy / sost. S. A. Goncharova, A. M. Antonova. SPb.: RGPU im. A. I. Gercena, 2017. – 400 s.
8. Teoriya perevoda v klassicheskoy i sovremennoy issledovatel'skoj paradigme: ontologiya, metodologiya, aksilogiya: kollektivnaya monografiya / pod obshch. red. L. V. Kushninoj. – M.: FLINTA, 2020. – 183 s.
9. Gavril'eva N. G. Problema ekvivalentnogo perevoda poemy «Snovidenie shamana» A. E. Kulakovskogo. – M.: Nauka, 2020. – 187 s.

УДК 811.161.1'25=512.157

Л. Е. Манчурина, А. Д. Максимова

**Современные переводы русскоязычной
художественной литературы на якутский язык
(на основе переводов, опубликованных
в литературном альманахе «Күрүлгэн»)**

СВФУ им. М. К. Аммосова. г. Якутск, Россия

Аннотация. В настоящее время переводы мировой и русской художественной литературы на якутский язык остаются малоизученными, а переводы, осуществленные и опубликованные за последние два десятилетия и вовсе выпадают из поля исследовательской деятельности якутской литературы. Настоящая статья призвана восполнить недостающее звено в истории художественного перевода русскоязычной литературы на якутский язык, которое, несомненно, внесет свою лепту в современную периодизацию художественного перевода. Выбор темы исследования обусловлен актуальностью роли и значения художественного перевода в развитии национальных литератур России. Цель исследования заключается в классификации современных переводов русскоязычных художественных произведений на основе переводов, опубликованных в якутоязычном литературном альманахе «Күрүлгэн» (‘Литературный водопад’). Материалом исследования послужили публикации рубрики «Тылбаас» (‘Перевод’), которая выходила в номерах литературного альманаха «Күрүлгэн», начиная с 2006 года по 2021 год. С использованием сплошного метода информационного поиска авторами были изучены переводы поэтических, прозаических и драматических произведений, осуществлены их жанровые и тематические классификации; определены переводчики, печатавшиеся в данном альманахе. Выявлено всего 142 переведенной на якутский язык русскоязычной художественной литературы, из них 125 поэтических, 16 прозаических произведений и 1 драматическое произведение. Жанровая классификация художественных переводов представлена следующим образом: поэзия – 1 поэма, 1 хроника, 2 песни, 18 рубаи и 107 стихотворений; проза – 1 новелла, 1 притча, 3 повести, 3 романа и 8 рассказов; 1 драматическая поэма, написанная на тему героизма. В журнале были опубликованы работы 25 переводчиков, напечатаны переводы художественных произведений 15 народов мира. В перспективе планируется дальнейшее исследование переводов, опубликованных в других источниках, с целью систематизации современного якутского художественного перевода.

Ключевые слова: якутская литература, художественный перевод, русско-якутский перевод, жанровая классификация, тематическая классификация, переводчик.

МАНЧУРИНА Лидия Егоровна – к. филол. н., доцент кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова.

E-mail: manchurinale@mail.ru

MANCHURINA Lidiya Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

МАКСИМОВА Анна Дмитриевна – студентка 4 курса Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова.

E-mail: anna_maksimova2000@mail.ru

MAKSIMOVA Anna Dmitrievna – Student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

A. D. Maksimova, L. E. Manchurina

Modern translations of Russian-language fiction into the Yakut language (based on translations published in the literary almanac “Kurulgen”)

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Currently, translations of world and Russian fiction into the Yakut language remain poorly studied, and translations carried out and published over the past two decades have completely fallen out of the field of research activities of Yakut literature. This article is intended to fill in the missing link in the history of literary translation of Russian-language literature into the Yakut language, which will undoubtedly contribute to the modern periodization of literary translation. The choice of the research topic is due to the relevance of the role and importance of literary translation in the development of national literatures of Russia. The purpose of the study was to identify and classify modern translations of Russian-language works of fiction based on translations published in the Yakut-language literary almanac "Kurulgen" ("Literary Waterfall"). The research material was the publications of the heading "Tylbaas" ("Translation"), which was continuously published in the issues of the literary almanac "Kurulgen" from 2006 to the current 2021. Using the continuous method of information search, the authors studied translations of poetic, prose and dramatic works published in the almanac "Kurulgen"; carried out their genre and thematic classifications; and also identified the translators published in this almanac. The study revealed a total of 142 Russian-language fiction translated into the Yakut language, including 125 poetic, 16 prosaic works and 1 dramatic work. The genre classification of literary translations is presented as follows: poetry – 1 poem, 1 chronicle, 2 songs, 18 rubai and 107 poems; prose – 1 novella, 1 parable, 3 novellas, 3 novelettes and 8 short stories; and 1 dramatic poem written on the theme of heroism. The journal published translations of works of fiction from 15 nations, done by 25 translators. In the future, it is planned to further study the translations published in other sources in order to systematize the modern Yakut literary translation.

Keywords: Yakut literature, literary translation, Russian-Yakut translation, genre classification, thematic classification, translator.

Введение

Исследование современного состояния русско-якутского художественного перевода должен основываться на истории перевода. Основоположник якутской литературы А. Е. Кулаковский высоко ценил значение художественного перевода в становлении якутской литературы: «Первым и существенным шагом к созданию якутской литературы должны быть переводы с русского на якутский язык» [1, с. 60].

В существующей периодизации истории русско-якутского перевода, осуществленной А. А. Васильевой, художественному переводу отводится особое место, мы выделили следующие периоды: 1) первые переводы церковнослужителей (начиная с 1705 г.); 2) переводы во времена работы комитета по Переводу в Наркомпросе (1920-1930 гг.); 3) переводы художественной литературы в рамках всесоюзного движения “Дружба литератур – дружба народов” (1970-80 гг.); 4) переводы, осуществленные в период принятия Суверенитета Республики Саха (Якутия), когда якутскому языку был присвоен статус государственного языка (1990-е гг.) [2, с. 59].

В настоящее время переводы художественной литературы с русского языка на якутский довольно востребованы, имеются немало новых переводов как современных писателей, так и классиков русской и зарубежной литературы. Например, в 2021 г. вышла книга переводов известного писателя, лауреата престижной литературной премии «Национальный бестселлер» Андрея Геласимова под названием «Утатыы» [3]. Перевод был сделан якутскими прозаиками и переводчиками Д. Н. Макеевым, А. Г. Гуриновым-Арчылан и В. Н. Луковцевым-Дыурустаан. Перевод разностилевого, многопланового в языковом отношении Андрея Геласимова на якутский язык дает для литературы на якутском языке многое. Это и новые темы, новые проблемы, а также хоть и знакомая нам, но все же далекая для якутоязычной литературы действительность, описывающаяся в его произведениях. Кроме этого, перевод языка современных писателей, который охватывает не только литературную русскую речь, но и язык разных слоев общества, становится своеобразным тренажером для якутских переводчиков.

Казалось бы, в сегодняшней действительности перевод с русского языка на якутский язык особо не нужен, тогда как в 1930-1940-е гг. перевод был необходимостью, обусловленной социально-культурными причинами. А сейчас билингвы-саха могут приобщаться к иноязыковой литературе и на русском языке. Однако художественные произведения продолжают переводиться на якутский язык, он востребован, его ждут читатели, он и сегодня вызывает интерес. Так, в литературном журнале «Күрүлгэн» имеется рубрика художественного перевода, где печатаются современные и не очень современные переводы (т.е. перепечатка старых переводов) [4]. К этому журналу надо добавить и литературный альманах «Чолбон», журнал «Байанай», в которых также публикуются художественные переводы на якутский язык. Значит имеется читательский интерес к переводным произведениям.

Одним из объяснений востребованности русско-якутского художественного перевода является его назначение. Если якутско-русский художественный перевод становится воротами для выхода якутской литературы в иное российское и мировое культурное пространство, то перевод с русского на якутский язык, прежде всего, предназначен для сохранения и развития родного якутского языка. Не секрет, что сегодня в якутском литературном языке происходят огромные изменения под влиянием русского языка, которые носят одновременно и отрицательный, и положительный характер. В такой ситуации перевод становится тем средством, который при грамотном и профессиональном подходе может минимизировать, а иногда и нейтрализовать эти самые изменения. Грамотный перевод всемирно известных произведений на якутский язык является способом популяризации родного языка среди молодежи. Поэтому в настоящее время художественный перевод на якутский язык носит не только культурное, но и глубокое социальное значение.

Учитывая все вышесказанное, авторами статьи ставится цель выявить переводы русскоязычных художественных произведений, опубликованных в якутоязычном литературном альманахе «Күрүлгэн» («Литературный водопад») и сделать их классификацию по жанрам, темам, а также определить переводчиков, печатающихся в альманахе. В качестве основного метода исследования был выбран сплошной метод информационного поиска, а также использованы метод статистического анализа и метод описания. Материалом исследования послужили публикации рубрики «Тылбаас» (‘Перевод’) литературного альманаха «Күрүлгэн», выходившие с 2006 года по 2021 год.

Жанровая классификация переводов поэтических произведений

По количеству на первом месте стоит стихотворение как самый распространенный жанр литературного перевода. С 2006 по 2021 гг. мы насчитали всего 107 переведенных стихотворений, что занимает 82 % из всего опубликованного перевода поэтического произведения. Имеются два перевода **песен**, которые были изданы в 3 номере 2019 г.

Это – знаменитая “Темная ночь” Владимира Агатова, написанная для фильма «Два бойца» в 1943 г. и один из самых известных рождественских гимнов «Тихая ночь» Йозефа Мора, переводчик В. Комиссарова-Күлүмүрэ (‘Харанга түүн…’, ‘Чуумпу да түүн’). Жанр **поэмы** представлен переводом на якутский язык «Черного человека» С. А. Есенина, переводчик Г. Томская (‘Хара киhi’), а **поэтическая хроника** – гениальным стихотворением Олжаса Сулейменова «Безымянная высота», переводчик М. Тимофеев (‘Аата сух үрдэл’). Перевод хроники, как и стихотворения «...Одна война окончилась другой...» О. Сулейменова были ранее изданы в сборнике переводов М. Тимофеева под одноименным названием «Безымянная высота» в 1989 г. Таким образом, журнал публикует не только новые переводы, но и отвечающие политике редакции произведения, переведенные ранее.

Анализ репертуара переводных **стихотворений** выявил, что русская классическая поэзия продолжает вызывать интерес как для переводчиков, так и для якутоязычных читателей. Из классической поэзии переводят стихи С. Есенина («Не жалею, не зову, не плачу», «Зеленая прическа, девическая грудь...», «Над окошком месяц, под окошком ветер», «Письмо матери, Закружила листва золотая», «Песнь о собаке», «Корова»); А. Пушкина («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», «Клеветникам России»); М. Лермонтова («Выхожу один я на дорогу»); О. Мандельштама («За гремучую доблесть грядущих веков»).

В истории русско-якутского перевода имеется немало переводов произведений указанных русских поэтов, которые были осуществлены якутскими писателями и поэтами. А новые переводы русской классики сделаны В. В. Ушницким-Сэки, М. Е. Ивановым-Чуона Мэхээлэ, известной поэтессой Г. Томской-Айыны, В. Комиссаровой-Күлүмүрэ. В новых переводах также наблюдается продолжение соревновательной традиции переводчиков. Например, у Чуона Мэхээлэ и Г. Томской мы находим два разных перевода одного произведения С. Есенина «Клен ты мой опавший» (‘Сэбирдэйн сыйданан чонгкуйбут күлүөнүм’, ‘Туохтан эн, күлүөнүм, сонуора чонгкуйан’).

Однако наибольшее количество переводов стихотворений, опубликованных в литературном альманахе, приходится на родственную тюркоязычную поэзию. В номерах журнала издавались переводы именитого балкарского поэта и прозаика, журналиста Кайсына Шуваевича Кулиева; башкирской поэтессы, кандидата филологических наук, журналиста Гульназ Миратовны Кутуевой; башкирского поэта Хисматулла Хасановича Юлдашева; кумыкского поэта, члена союза журналистов России Багавутдина Самадовича Самадова; известного казахского поэта Олжаса Сулейменова; поэтессы, Заслуженного деятеля культуры Кыргызской Республики Бактыгүл Чотуровой; татарского и башкирского поэта Назар Наджми.

Интерес редакции литературного альманаха «Күрүлгэн» к тюркской поэзии носит системный и обоюдный характер. Не случайно все тюркоязычные поэты, опубликованные в альманахе, имеют отношение к средствам массовой информации. Журнал «Күрүлгэн» как медийное информационное средство поддерживает тесную связь с ассоциацией национальных компаний, вещающих на языках народов России, которая была создана в сентябре 2017 г. в Калмыкии. Одним из результатов совместной деятельности национальных вещательных компаний России стала обоюдная работа по переводу национальных литературу. И литературный альманах стал основной площадкой для публикации результатов переводческой работы, и главным мостом, соединяющим разные народы и страны [5; с. 72]. Якутские поэты, в свою очередь, переводятся и публикуются в других тюркоязычных журналах и книгах. Например, стихи Н. Михалевой-Сайя, М. Решетниковой-Алексеевой-Арылы Дуйдаах, В. Васильева-Муттухай Борон были опубликованы в журнале “Гюнджэл санат” (“Современное искусство”) на турецком языке. Примечательно, что якутские поэтессы Сайя и Арылы Дуйдаах сами активно переводят и являются одними из основных переводчиков поэзии в журнале «Күрүлгэн».

В поле зрения альманаха находится не только тюркоязычная литература, но и литература других народов России. Так, рубрика “Тылбаас” 2-го номера журнала за 2019 г. посвящена бурятской поэзии, которая представлена переводами стихов Цыцык Дамбаевой, Санжай-Ханда Дармаевой, Тимура Гомбожапова и молодых поэтов Валерии Шираповой (Жанчиповой) и Элбэг Зандраева. Из современной русской поэзии опубликованы переводы знаменитого русского поэта-песенника Н. А. Зиновьева («Платье» – ‘Тангас’), члена Союза писателей России Надежды Кудашкиной («Летний вечер» - ‘Мүөт сыйтаах от быыын сырдата’), русской поэтессы Ирины Самариной-Лабиринт (“Привыкайте счастливыми быть” – ‘Ып-ыраастык ылнынын...’) в переводах Күлүмүрэ. Стихи русских поэтов, выбранных для перевода, объединяет одно – они все являются известными песнями. Местную русскоязычную поэзию представляют переводные стихи Сергея Москвитина, лауреата премии Ил Дархана в области художественного слова. Опубликовано всего 13 переводов стихотворений С. Москвитина.

В альманахе английская поэзия представлена стихотворением «Заповедь» автора знаменитой «Книги джунглей» Редьярда Киплинга. Данное стихотворение на якутский язык переложил Николай Линдин (‘Уолбар кэс тыл’), из множества русских вариантов выбрав русский перевод Михаила Лозинского в качестве источника перевода. В журнале «Күрүлгэн» есть письмо самого переводчика, где он признается, что принялся за перевод этого произведения по непосредственной просьбе главы Вилюйского улуса С. Н. Винокурова. По собственному признанию Н. Линдина, перевод ему дался не сразу. С самого начала работы над переводом свое основное внимание он обратил на воспроизведение формы стихотворения, что ему не удавалось. Затем по совету поэта А. Г. Старостина стал изучать анализ А. Гуринова-Арчылан о вольном переводе стихотворения Немировича-Данченко «Родина», осуществленном классиком якутской литературы А. Софоновым-Алампа. Переводческая стратегия Алампа и стало основной точкой опоры для его собственного перевода стихотворения Р. Киплинга [6, с. 90-91].

В 2016 г. в журнале были опубликованы переводы 18-ти стихотворений председателя ЦК партии Китая Мао Цзэ-дуна, которые были переведены на якутский язык еще в 1959 году Г. М. Васильевым. Публикация переводов Мао Цзэ-дуна были сопровождены обширным предисловием от редакции. В своем предисловии редакция причину выбора данных произведений объясняет дружественной политикой двух государств, которая в последние десятилетие только крепнет, а перевод здесь играет роль культурного моста. Другой причиной публикации переводов 18-ти стихотворений Мао Цзэ-дуна стало их качество. В 1959 г. над публикацией книги переводов работали сразу четыре писателя в качестве редакторов.

Следующим жанром, опубликованным в журнале, являются переводы знаменитых *рубаи* Омара Хайяма. Здесь мы имеем возможность сравнить два разных перевода к каждому рубаи, первый из которых сделал поэт С. А. Попов-Сэмэн Тумат, а второй вариант – поэтесса Н. В. Михалева-Сайя. Замечательный подарок сделала редакция своим читателям, опубликовав вместе русский и якутский варианты восемнадцати рубаи великого философа, тем самым предоставив пытливым читателям самим оценить сложную работу по художественному переводу такого на вид короткого, но сложного для перевода жанра как рубаи. Опубликованные в журнале в 2016 г. рубаи Омара Хайяма и стихотворения Бактыгуль Чотуровой, перевод которых сделала Наталья Михалева-Сайя, были изданы в составе отдельной книги «Живые звуки перевода» в 2018 г. Следовательно, журнал также становится экспериментальной площадкой для переводчиков, где переводы проходят апробацию среди читателей и критиков.

Таким образом, жанровая характеристика переводных поэтических произведений дает следующую картину: 82 % – стихотворения, 14 % – рубаи, 12 % – песни, 2 % – поэтическая хроника, 2 % – поэма.

Жанровая классификация переводов прозаических произведений

Художественные переводы в альманахе «Күрүлгэн» начинают печататься с 2011 г., первым стал перевод **рассказа** В. Серошевского «Украденный парень» ('Уоруллубут уол'), переводчиком которого выступил лауреат Государственной премии им. П. А. Ойунского С. Н. Горохов. Дальше идут переводы рассказов Джека Лондона «Кусок мяса» ('Кырбас эт'), «Перья солнца» ('Күн сырдыга'), «Мексиканец» ('Мексика уола'), с русского текста Наталии Ман на якутский язык переложил Павел Неустроев. Также были опубликованы на якутском языке рассказы народного писателя Киргизской Республики Кенеша Джусупова «Мое сердце в горах» ('Сүрэйим миэн хайаларга'), башкирского писателя Мунира Кунафина «Под устаревшим солнцем», члена союза писателей и журналистов России Владимира Федорова «Новогодний вальс» ('Сана дыыл вальса'), писателя, сценариста, переводчика и журналиста А. А. Амбросьева-Сиэн Мунду «Анджелина Джоли живет в Якутии» ('Анджелина Джоли Саха сиригэр олорор') в переводах главного редактора литературного альманаха Афанасия Гуринова-Арчылан.

В двух номерах 2012 г. был опубликован перевод повести Чингиза Айтматова «Белое облако Чингисхана». Переводил на якутский язык заслуженный работник образования РС (Я), основатель музея А. А. Иванова-Кюндэ Т. С. Кириллин-Күндүмэн. О переводе повести Ч. Айтматова А. Гуринов-Арчылан написал статью под название «Послесловие. К публикации якутского перевода произведения Ч. Айтматова «Белое облако Чингисхана» в литературно-публицистическом журнале «Күрүлгэн»». В своей статье Афанасий Гуринов пишет: «Т. С. Кириллин свой перевод принес в редакцию в начале прошлого года. Тогда, после прочтения, переводчику было сказано доработать, чтобы перевод был достойным одного лучшего произведения великого Чынгыза Айтматова (1928-2008). После этого Трофим Семенович еще раз кропотливо поработал по переводу, что и издаем» [7]. Из статьи видно, что редакция журнала «Күрүлгэн» очень серьезно относится качеству переводов.

Повесть Андрея Геласимова «Жажда», переводчиком которого выступил Вячеслав Хон ('Тамах хатыыта'), был опубликован в 5-м номере 2013 г. В 2021 г. национальная издательство «Айар» издало книгу переводов современного русского писателя А. Геласимова, куда был включен другой перевод этой повести под названием «Утатыы», здесь переводчиком выступил якутский писатель Данил Макеев. Издательство сначала предложило Д. Макееву отредактировать перевод Вячеслава Хона, однако он отказался и дал собственный вариант перевода повести «Жажда». Так, якутская литература получила два разных варианта перевода известного писателя современности А. Геласимова.

В 2016 г. в 5 номере журнала вышла повесть киргизского переводчика, поэта и прозаика Шаршеналы Абдылдаева 'Дыүүктэ уутугар тахсыбыт арыы оюто'. Ш. Абдылдаев, в свою очередь, среди якутской общественности знаменит тем, что переводил на кыргызский язык якутский героический эпос олонхо «Дылуруйар Ныргун Бootур».

Жанр романа представлен тремя переводами: «Уйти, чтобы остаться» Владислава Ивановича Авдеева (2015-3); “l'amant de la reine margot” Люка Берниера (2013-3,4); «Цзюго» Мо Янь (2013-1).

Исторический роман русскоязычного писателя олекминского происхождения В. И. Авдеева, повествующий о древней истории народа саха, был опубликован в 2011-2012 гг. в журнале «Полярная звезда». В 2014 г. в издательстве «Бичик» был издан отдельной книгой под названием «Омобой уонна Эллэй», якутский перевод которого был сделан Валерием Луковцевым-Дырустаан. Перевод отрывка из романа лауреата Нобелевской премии в области литературы, китайского писателя Мо Янь был сделан А. Гуриновым-Арчылан с русского текста И. Егорова.

Большой заслугой литературного альманаха является раскрытие новых имен в якутской литературе, которые помимо публикации собственных произведений занимаются еще и художественным переводом. Одним из них является Александр

Иннокентьевич Алексеев из села Бордонг Сунтарского улуса – человек, прекрасно знающий мировую классическую литературу, профессионально владеющий русским, французским, английским языками. В 2013 г. в 3 и 4 номерах журнала был опубликован перевод части романа французского писателя Люка Берньера “Tamant de la reine margot” (‘Хотун Марго көссүүтээ’). За этот перевод Александр Алексеев получил письменную благодарность французского посла Жан де Глинисти и приглашение на недельный бесплатный тур по Франции.

Притча всемирно известного ливанского автора Халиля Джебрана «Честолюбивая фиалка» (2016-1) была опубликована в переводе Русланы Полянской (‘Киэмсийбит фиалка’). Арабский писатель, который был переведен множество раз на разные языки мира, заговорил и на якутском языке. Новелла японского прозаика Сига Наоя «Преступление Фаня», перевод которого был сделан Ю. Винокуровым был опубликован в 2012 г. (2012-5).

Таким образом, жанровая характеристика переводных прозаических произведений дает следующую картину: 50 % – рассказ, 19 % – отрывки из романа, 19 % – повесть, 6 % – новелла, 6 % – притча.

В литературном альманахе «Күрүлгэн» за все время его издания был опубликован перевод всего одного драматического произведения. Это драматическая поэма «Якут Манчара» Матвея Александрова (2018-3), который был переведен на якутский язык Валерианом Николаевым (‘Манчаары’). Тема драматической поэмы – героизм Манчаары – образ известного всему народу саха национального героя, выступавшего против гнёта местных феодалов («благородный разбойник»).

Тематическая классификация переводов, опубликованных в журнале

Тематическая классификация произведений, переведенных на якутский язык и опубликованных в журнале разнообразен. Тематика переводов передает вечные ценности человечества: любовь, жизнь, родная природа, защита экологии, дружба, ненависть к войне. Темы также отражают жизнь во всех его проявлениях: грусть и одиночество, время и смерть, предательство и обман, власть и честность. Переведенные и опубликованные в литературном альманахе «Күрүлгэн» произведения можно классифицировать по следующим темам:

Природа занимает самое большое количество (16). Имеются переводы следующих произведений: “Осень” – Тимур Гомбожапов (2019-2); “Түннүкпэр сэбирдэх сыынна...” – Санжай-Ханда Дармаева (2019-2); “Клен ты мой опавший” (2017-4), “Закружилась листва золотая...” (2019-3) – Сергей Есенин; “Три стихотворения по 16 слов”, “Куньлуунь”, “Почтенному Лю Яцзы” – Мао Цзэ-дун (2016-4); “Ночка”, “Майский снег”, “На берегу”, “Осеннний лес”, “Мимолетное”, “Март” – С.В. Москвитин (2019-5); “Мрак ляжет...” – Назар Наджми (2018-2); “Ыйданга түүн” – Валерия Ширапова (Жанчипова) (2019-2); “Сулустартан намынах – халлаан эрэ...” – Хисматулла Юлдашев (2021-1).

Любовь занимает вторую строчку (12): “Түүнгү ардах...” – Санжай-Ханда Дармаева (2019-2); “Өскөтүн сүрэбим аанын тонгуйдаххына...” – Зандраев Эдгар (2019-2); “Бу тымныы кыынгынты күн...” – Зандраев Эдгар (2019-2); “Тангас” – Николай Зиновьев (2019-3); “Возглас” – Гульназ Кутуева (2017-6); “Арашан таңыгар кыынгыры”, “Ааспыйты хайынах көрдөххө”, “Эн билбэт эбиккин!”, “Эйигин ким миэхэ ыыппытай?”, “От күөзэ куурка” – Бактыгүл Чотурова (2017-2); “Женщина с заплетенной косой” – Хисматулла Хасанович Юлдашев (2021-1); “Анджелина Джоли живет в Якутии” – А. А. Амбросьев-Сиэн Мунду (2018-3).

Одиночество и грусть идет наравне с темой любви, что очень символично (12): “Бу кыяар иччитэ мин баарбын сөбүтөх...” - Цыцык Дамбаева (2019-2); “Выхожу один я на дорогу” – М.Ю. Лермонтов (2019-3); “Союзотхсүйүү”, “Кытылга” – Бактыгүл Чотурова (2017-2); “Я, над раненым камнем склоняюсь, горевал...” – Кайсын Шуваевич Кулиев (2020-5); “Безысходность” – Гульназ Кутуева (2017-6); “Как?” – Гульназ Кутуева (2017-6).

6); “Анам алды юрегимни, гёнгюмню” – Багавутдин Самадович Самадов (2020-1); “Цзюго” – Мо Янь (2013-1); “Дыўкүтэ уутугар тахсыбыт арыы ојото” – Шаршеналы Абдылдаев (2016-5); “Уйти, чтобы остаться” – В.И. Авдеев (2015-3); “l'amant de la reine margo” – Люк Берниер (2013-3,4).

Жизнь, война и родина разделяют третью строчку по числу (9) переведенных произведений. Например, тема жизни представлена следующими переводами: “Хлеб и книга”, “Аал уот” – К. Ш. Кулиева (2020-5); “Знаки” – Гульназ Кутуева (2017-6); “Чанша”, “Дабоди”, “Снег”, “Хауньсиша” – Мао Цзэ-дун (2016-4); “Чувство земли”, “Станет сумрачной дорогой...” – Хисматулла Юлдашева (2021-1). А тема войны “Темной ночью” Владимира Агатова (2019-3), “Цзинганьшань”, “Хуэйчан”, “Застава Лоушаня” Мао Цзэ-дуна (2016-4), “Безымянной высотой” Олжаса Сулейменова (2020-6), “Жаждой” Андрея Геласимова (2013-5). Тема родины отражается в стихах “По степям, по равнинам широкой моей Бурятии...”, “Среди деревьев моего тоонто душа (hүлдэ) моя зарыта...” Тимура Гомбожапова (2019-2), “Летний вечер” Надежды Кудашкиной (2019-3), “Горы мои” Кайсына Кулиева (2020-5), “Бунинская Русь” С. В. Москвитина (2019-5), “Слово о Родине” Назара Наджми (2018-2).

Тема **поэт и поэзия** волнует многих поэтов современности (8): “За гремучую доблесьт грядущих веков...” Осипа Мандельштама (2017-4), “Поэзия”, “Стихи – это отдушина души...”, “Когда мне плохо, я пишу стихи...” С. В. Москвитина (2019-5), “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...” А. С. Пушкина (2019-5), “Есенин туңунан” Бактыгүл Чотурова (2017-2), “Бастакы хохоннорум” Валерия Ширапова (Жанчипова) (2019-2), “Поэт” Хисматуллы Юлдашева (2021-1).

Тема **Человек** насчитывает 8 произведений: “Черный человек” (2017-4) Сергей Есенин, “Женщина” С.В. Москвитин (2019-5), “Гетеиз...” Б. С. Самадов (2020-1), “Ып-ыраастык ылъынын...” Ирина Самарина-Лабиринт (2019-3), “Корни”, “Нужен”, “Хисматулла” Хисматулла Юлдашев (2021-1), “Новогодний вальс” Владимир Федоров (2019-6).

В группу **Животные** входит все живое, окружающее человека, но больше популярны собаки и лошади, особенно в тюркоязычной поэзии: (7) “Үрүмәччи үрүмэ қыннатарап” Санжай-Ханда Дармаева (2019-2), “Песнь о собаке” (2017-4) Сергея Есенина, “Абалаар қырачаан ыт ојотун...” Эдгара Зандраева (2019-2), “Черный конь умирает...” Кайсына Кулиева (2020-5), “Прельщение” Гульназа Кутуева (2017-6), “Конь мой”, “Төрүт түбәбәр” Хисматуллы Юлдашева (2021-1).

Размышления о **времени и смерти** занимают думы писателей не меньше, чем животные: (7) “Хаар буолан туртайар мин икки чанчыгым...” Цыцык Дамбаева (2019-2), “Байдайхэ” Мао Цзэ-дун (2016-4), “Айаннга” Бактыгүл Чотурова (2017-2), “Корова” (2017-4) Сергей Есенин, “Моя голова”, “Өлүү уонна олох” Хисматулла Юлдашев (2021-1), “Кусок мяса” Джек Лондон (2015-6).

Тема **Пути** встречается как в прямом, так и в иносказательном значении: (6) “Плавание”, “Великий поход”, “Люпаньшань” Мао Цзэ-дун (2016-4), “Мы по Лене в “Казанке” летим...” С. В. Москвитин (2019-5), “В горах Памира...” Олжас Сулейменов (2020-6), “В поле” Хисматулла Юлдашев (2021-1).

Темы дружбы и страха тоже имеют одинаковое количество. **Дружба:** (3) “Аленушка” Назар Наджми (2018-2), “Добор” Валерия Ширапова (Жанчипова) (2019-2), “Под устаревшим солнцем” Мунир Кунафин (2020-2); **Страх:** (3) “Уж полночь...”, “Куттанабын” Назар Наджми (2018-2), “Тень” Хисматулла Юлдашев (2021-1).

Темы веры и мечты имеют по два перевода. **Вера в бога:** (2) “Тихая ночь” Йозеф Мор (2019-3), “Башня желтого аиста” Мао Цзэ-дун (2016-4); **Мечта:** (2) “Бессонница! Опять рожаются мысли...” С. В. Москвитин (2019-5), “Честолюбивая фиалка” Халиль Джебран (2016-1).

По одному произведению охватывают темы **культуры** – “Төрүкү тойукка маҳталым” Арслан Байыр (2020-2), **дети** – “Заповедь” Редьярд Киплинг (2019-2), **любви к матери** –

“Письмо матери” (2017-1), **вражды** – “Вой раненого волка” Хисматулла Юлдашев (2021-1), **обмана** – “Перья солнца” Джек Лондон (2019-3), **силы духа** – “Мексиканец” Джек Лондон (2017-5), **счастья** – “Украденный парень” Вацлав Серошевский (2011-6), **честности** – “Преступление Фаня” Сига Наоя (2012-5) и **власти** – “Белое облако Чингисхана” – Ч. Айтматов (2012-3, 5).

Языки оригиналов

Языки, на которых были написаны оригинальные произведения разные: русский язык (это произведения Серошевского В., Геласимова А., Авдеева В. И., Амбросьева А.-Сиэн Мунду, Федорова В., Айтматова Ч., Александрова М. Лермонтова М.Ю., Есенина С., Кудашкиной Н., Самариной И.-Лабиринт, Пушкина А.С., Москвитина С., Агатова В.Г., Зиновьева К., Мандельштама О.); французский язык (Берниер Л.); английский язык (Лондон Дж., Киплинг Р.), китайский язык (Мо Янь); японский (Наоя С.); башкирский язык (Кунафин М., Байыр А., Кутуева Г., Наджми Н., Юлдашев Х.); киргизский язык (Джусупов К., Айтматов Ч., Чотурова Б.), арабский язык (Джебран Халиль); бурятский язык (Дамбаева Ц., Дармаева С-Х., Гомбожапов Т., Шарапова (Жанчиева) В., Зандраев Э.); кумыкский язык (Самадов Б.); карачаево-балкарский язык (Кулиев Н. М.); казахский язык (Сулейменов О.); австрийский язык (Йозеф Мор); персидский язык (Омар Хайям).

Однако якутские переводы, опубликованные в журнале, в основном сделаны через язык-посредник. Перевод через язык посредник производится с английского, китайского, башкирского, киргизского, арабского, бурятского, кумыкского, карачаево-балкарского, казахского, персидского и австрийского языков. Языком посредником выступает русский язык как один из крупных языков межнационального общения. В журнале иногда указывается какой русский текст был взят в качестве источника. Однако есть единичные случаи, когда переводят с языка оригинала. В качестве примера можно назвать перевод с французского языка романа Люка Берньера “L'amant de la reine margot” (‘Хотун Марго көсүүтээ’). Так, через перевод мы имеем возможность познакомиться с художественной литературой и культурой разных народов.

Переводчики, задействованные в литературном альманахе «Күрүлгэн»

Изданных в художественном альманахе переводчиков можно рассматривать с точки зрения отношения к переводу и разделить на: **переводчиков-писателей и переводчиков-практиков**. Наиболее часто в журнале “Күрүлгэн” печатаются писатели-переводчики, у которых имеется большой опыт в художественном переводе.

Переводчики-писатели:

Г. М. Васильев: “Чанша”, “Арафас аист башнята”, “Цзиганышань”, “Сана дыыл”, “Хуэйчан”, “Дабоди”, “Лоушань заставата”, “Уон алталыны тыллаах үс хохон”, “Улуу бохуот”, “Люпань хайата”, “Куньлунь”, “Хаар”, “Ытыктабыллаах Лю Я-Цзыга”, “Хауньсиша”, “Устан иңэн”, “Байдайхэ”.

Сем. П. Данилов “Өлөн эрэр хара ат” (Кулиев).

Михаил Тимофеев: “Килиэп уонна кинигэ”, “Баас ылбыт чакыр таас үрдүгэр санныйдым...”, “Аал уот”, “Хайаларым миэнэ” (Кулиев); “Төрөөбүт дойдум”, “Аленушка”, “Харанга барык буоллар эрэ...”, “Түүн үөхэ...”, “Күттәнабын” (Наджми); “Төрөөбүт буор”, “Аата суюх үрдэл”, “Самырын бытаан мотуога...” (Сулейменов).

С. А. Попов-Сэмэн Тумат: “Эйгэни саахымат дуоскатьгар тэннибин...”, “Бу сиргэ кэлэммин — мин байдым-тайдым дуо?...”, “Биңиги кэммитин салайар, абыыхах ахсааннаах...”, “Ханна барытыгар үнэ-сүктэ Коран хохонун ааһаллар...”, “Буор иңээччини киэр анныма! Ханан баһарар...”, “Дынгэр, өйтөн мунурданыны диэн суюх олохпутутугар...”, “Иннитээх арыгыбар сүүнэ улахан рубин...”, “Ыраланан да диэн туһа суюх! Үтүргэннээх бу күн сирэ...”, “Ардыгтар илэ кэлэн ааһар, үксүгэр көстүбэт...”, “Абыйыатылар дојотторум! Бэйэм күнтэн күн...”, “Күпсүүннаах арыгыны туттахпына — ўөрэбин...”, “Бүгүн иирсээн, ый-хай — ойоум сордооу булла...”, “Олох ааһар — айанга турардын түргэнник...”,

“Кистэлэн кэпсэтигэ ынырбыт киhi, Тапталы!..”, “Арыгыны ihэр — аньыы диииллэр. Өйдөөн көр. тиэтэйимэ!..”, “Күн аайы аяах хамсатардаах буоллаххына...”, “Олоххор этэннэ буолар туһугар маны бил...”, “Түнг-танг олохтоммут эн эрэ буолбатаххын...” (Омар Хайям).

Н. В. Михалева-Сайа: “Хаар буолан туртайар мин икки чанчгым”, “Бу кыйаар иччите мин баарбын сојотох...” (Цыцык Дамбаева); “Бу олох саахымат хонуутун кэриэтэ...”, “Мин төhө байыттым, бу сири — баарбынан?..”, “Олођу салайар ааргы дьон сыыhынын...”, “Корангна үнгэрэг-сүктэрэг дылылар...”, “Аргыhыты кэриэтээмэ! Баџарбыта буоллар, Тангара...”, “Киhi да хомойуох — бу ёйтөн туha суюх...”, “Мин көрдүм, утажпар күн тааһа кыыспытын...”, “Ыра дизн — таах күдэн! Бу дойду билиммэт кинини...”, “Ардыгар баар үhу, көрбүт суюх үксүгэр...”, “Атаhы ажыайт! Тус бэйэн күннэтэ...”, “Мин илиим арыгылаах иhиккэ үөрүүнэн талаhар...”, “Бүгүн миэхэ дьалынг күнэ. Ойохпунуун...”, “Олохпут ааhара — кыннатаах кэриэтэ түргэн...”, “Эн биhi куомуннаах буолбапыят, Таптал!..”, “Арыгы ihэр аньыы үhу. Ыксаабакка толкуйдаа!..”, “Оо. күн аайы кэмчиллэн ыстырым баар буоллун...”, “Элбэх да билиини бу олох киһиттэн эрэйэр...”, “Эн эрэ дьоло суюх үhтугүн. Өсөhен...” (Омар Хайям); “Есенин туhунан”, “Сојотохсуйуу”, “Арашан таhыгар кыhыары”, “Айанна”, “Аасптыы хайыhан көрдөххө” (Чотурова).

М. А. Алексеева (Решетникова)-Арылы Дүйдаах: “Түүнчүнч арда...”, “Түүнүкпэр сэбирдэх сыhынна...” (Санжай-Ханда Дармаева); “Мунурданыы”, “Маннныйыы”, “Ааттал”, “Хайдах?”, “Билгэлэр” (Кутуева); “Эн билбэт эбиккин!”, “Эйигин ким миэхэ ыыппытай?”, “Кытылга”, “От күөбэ куурка” (Чотурова).

В. В. Ушницкий-Сэки: “Өйдөбүннүк туурууннум”, “Арассыйаны бааhааџырдааччыларга” (Пушкин).

А. Г. Гуринов-Арчылан: “Дьүүктэ уутугар тахсыбыт арыы обото” (Абдылдаев Ш.), “Анджелина Джоли Саха сиригэр олорор” (Амбрөсьев А.-Сиэн Мунду), “Сүрэжим миэнэ хайаларга” (Жусупов К.); “Эргэрбит күн анныгар” (Кунафин М.); “Цзюго” (Мо Янь); “Саңа дыыл вальса” (Федоров В. Н.); “Күhүн”, “Киэн Бүрээтийэм кыяарынан...”, “Дойдум маhын төрдүгэр мин һүлдэм көмүллүбүт...” (Т. Гомбожапов); “Аал дуођа күөрэппиттэрэ ажалар”, “Бары бииргэ хараллыбыт ииннэрин”, “Барыахпыт...”, “Ийэм иэттэ сүрэхпин, куппун-сүрбүн” (Самадов); “Силис”, “Бааhырбыт бөрө улуйуута”, “Төбөкөм”, “Туhaын” (Юлдашев).

М. Е. Иванов-Чуона Мэхээлэ: “Ийэбэр сурук” (Есенин); “Өрүүлээх суhохтаах дъахтарга”, “Моhой курдук тобулу...”, “Сулустартан намыhах — халлаан эрэ...”, “Төрүт түбэбэр”, “Иилэн турар сис тыа ыраатар...”, “Хисматулла” (Юлдашев).

В. Н. Луковцев-Дыурустаан “Омоhой уонна Эллэй” (Авдеев В. И.).

Г. Томская-Айына: “Ыт туhунан ырыа”, “Туохтан эн, күлүөнүөм, сонуора чонкуйан”, “Тииhэ түспүт, бүдүгүрбүт”, “Хара киhi” (Есенин); “Үүнөхтээх үйэ дирбиинин...” (Мандельштам).

Е. Н. Егорович-Николай Линдин “Уолбар кэс тыл” (Редьярд Киплинг).

А. Алексеев “Хотун Марго көссүүтэ” (Л. Берниер).

В. Хон “Тамах хатыыта” (А. Геласимов) Мирнинский поэт.

М. Данилова-Күн Мичээрин, Янцен Ольга: “Биир түүн”, “Ыам ыйын хаара”, “Кытылга”, “Күннээби бүдүмэх сүпсүгүм быыhынан...”, “Күhүнчү ойуур”, “Ааhар санаа”, “Поэзия”, “Бунин Россията”, “Дъахтар”, “Хохонум — дууhам тахсар ыллыга...”, “Казанкабыт” өрө көтөр...”, “Кулун тутар ый”, “Санаам түстэ да, хохон айабын...” (Москвитин).

Переводчики-практики:

В. П. Николаев: “Манчаары” (Матвей Александров), “Бэйиэт”, “Күлүк”, “Мин атым”, “Төрүт буорбар турабын”, “Суол омооно эрэ көстөр...”, “Өлүү уонна олох” (Юлдашев).

Т. С. Кириллин: “Чынгыс Хаан үрүн ыллыта” (Ч. Айтматов). Родом из Кутана Сунтарского улуса, основатель музея А.А. Иванова-Кюндэ.

Р. Полянская: “Киэмсийбит фиалка” (Джебран).

П. Р. Неустроев: “Күн сырдыга”, “Кырбас эт”, “Мексика уола” (Дж. Лондон). Родом из с. Алтан Амгинского улуса, бульдозерист предприятия «Алмазы Анабара».

Ю. Винокуров: “Фань буруйа” (Сига Наойя), перевод на якутский язык сделан с русского текста В. Скрипника «Преступление Хана».

В. Комиссарова-Күлүмүрэ: “Харана түүн...” (Агатов), “Чуумпу да түүн” (Йозеф Мор), “Таас суолбар соютох таъстым” (Лермонтов), “Күлүмнүүр сэбирдэх ардаа” (Есенин), “Танас” (Николай Зиновьев), “Мүөт сыйтаах от быынын сырдата” (Надежда Кудашкина), “Ып-ыраастык ылышын” (И. Самарина-Лабиринт). Врач, Отличник Здравоохранения РС (Я), успешно практикуется на переводе слов песен, свободный поэт.

Х. Хайырсевер: “Төрүк тойукка махталым” (Арслан Байыр). Турок, филолог. Литературную обработку осуществил А. Гуринов-Арчылан.

А. Ксенофонтова: “Добор”, “Бастакы хонооннорум”, “Йыданга түүн” (В. Ширапова (Жанчипова).

Г. Решетников: “Өскөтүн сүрэбим аанын тонгсуйдаххына”, “Абалаар кырачаан ыт оботун”, “Бу тымныы кыңынны күн” (Элбэг Зандраев).

Заключение

В заключении следует отметить, что в данное время развились и развиваются все виды художественного перевода, а именно: перевод поэтических произведений, прозаических произведений, драматических произведений, а также перевод детской литературы. Русско-якутский перевод художественных произведений вносит немаловажный вклад в становлении якутской художественной литературы. Если вначале переводились богослужебные молитвы и книги, то затем начали переводить учебники, русскую классическую литературу. После начали организовывать школы перевода, где можно учиться правильно переводить, осваивать перевод с профессиональной стороны.

В журнале «Күрүлгэн» всего изучено 142 перевода художественных произведений, из них 125 – поэтических произведений, в том числе перевод четырех жанров поэзии: 1 поэмы (1% от общего числа), 1 хроники (1%), 2 песен (2%), 18 рубаи (14%) и 107 стихотворений (82%). Перевод 16 прозаических произведений, в том числе перевод пяти жанров прозы: 1 новеллы (6% от общего числа), 1 притчи (6%), 3 повестей (19%), 3 романов (19%) и 8 рассказов (50%); перевод жанра драмы – драматической поэмы, написанной на тему героизма. Всего в журнале опубликованы работы 25 переводчиков. Наибольшее количество переводов у поэтессы Н. В. Михалевой-Сайа – 24 перевода, что составляет 15% от общего числа. Переводчики чаще всего переводят художественные произведения, написанные на темы природы, любви, войны, жизни, одиночества, грусти, родины. Всего насчитано 24 тем, наиболее распространенной темой из них является тема природы.

В журнале переведены и опубликованы художественные произведения 15 народов: русская, французская, английская, китайская, японская, башкирская, киргизская, арабская, бурятская, кумыкская, карачаево-балкарская, казахская, австрийская, персидская литературы.

Изучив современные переводы художественных произведений на якутский язык, можно прийти к выводу, что перевод развивается, количество переводов, переводчиков становится больше. Переводчики помимо того, что переводят разные жанры художественных произведений, еще и переводят художественные произведения разных народов, повествующие об их самобытной культуре, образе жизни, мудрости. Переводят не только с русского языка или используя русский язык, как язык-посредник, но и многие переводчики искусно владеют разными языками других национальностей, что дает возможность переводить с языка оригинала. Переводчики по отношению к переводу делятся на переводчиков-писателей и переводчиков-практиков. Больше всего переводчиков-писателей.

В Якутии художественный перевод не стоит на месте, не отстает от времени. Современный перевод требует еще большего, углубленного изучения, сопоставления и анализа.

Л и т е р а т у р а

1. Кулаковский А. Е. Научные труды; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. – 483 с.
2. Васильева А. А. Нууччалыы-сахалыы тылбаас. Сахалыы-нууччалыы [тылбаас]: научнай үлэ хомууруннуга / М. К. Аммосов аат. Саха гос. ун-та, Саха филол. уонна культуратын фак., Истилиистикэ уонна тылбаас каф.; [сост.-ред. Т. И. Петрова]. – Дьокуускай: СГУ изд-вота, 2004, Вып. 3. – 2006. – 63 с.
3. Геласимов А. В. Утатыы: [сэхэн, кэлсээннэр] / Андрей Геласимов: нууччалыыттан тылбаастаатылар: И. Г. Гуринов, В. Н. Луковцев, Д. Н. Макеев. – Дьокуускай: Айар, 2021. – 272 с.
4. Күрүлгэн: уус-урган альманах / [ред. А. Г. Гуринов]. – Дьокуускай: Ситим Медиа, 2006 – 2021.
5. Күрүлгэн: уус-урган альманах / [ред. А. Г. Гуринов]. – Дьокуускай: Ситим Медиа, 2017, № 6 – С. 72.
6. Күрүлгэн: уус-урган альманах / [ред. А. Г. Гуринов]. – Дьокуускай: Ситим Медиа, 2019, № 2 – С. 90-91.
7. Гуринов А. Послесловие. К публикации якутского перевода произведения Ч. Айтматова «Белое облако Чингисхана» в литературно-публицистическом журнале «Күрүлгэн» // <http://www.literatura.kg/articles/?aid=2196>.
8. Башарина З.К. Художественный перевод как средство межкультурной коммуникации / З. К. Башарина; Федер. агентство по образованию, ГОУ ВПО "Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова". – Якутск: Изд- во ЯГУ, 2007. – 79 с.
9. Официальный сайт Национальной библиотеки / Тематические подборки / «Күрүлгэн»: уус-урган суруунаал [Электронный ресурс]. – <https://e.nlrs.ru/collections/342>.
10. Интернет-портал «Литературная Якутия» создан при поддержке Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) / «Күрүлгэн» – литературный водопад [Электронный ресурс]. – <https://sakhalitera.ru/kurulgen/>.

R e f e r e n c e s

1. Kulakovskij A. E. Nauchnye trudy; Akad. nauk SSSR, Sib. otd-nie, Yakut. fil., In-t yaz., lit. i istorii. – Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo, 1979. – 483 s.
2. Vasil'eva A. A. Nuuchchalyy-sahalyy tylbaas. Sahalyy-nuuchchalyy [tylbaas] : nauchnaj yle homuurunn'uga / M. K. Ammosov aat. Saha gos. un-ta, Saha filol. uonna kul'turatyn fak., Istiliistike uonna tylbaas kaf.; [sost.-red. T. I. Petrova]. – D'okuuskaj : SGU izd-vota, 2004, Vyp. 3. – 2006. – 63 s.
3. Gelasimov A. V. Utatyy: [sehen, kepseenner] / Andrej Gelasimov: nuuchchalyytthan tylbaastaatylar: I. G. Gurinov, V. N. Lukovcev, D. N. Makeev. – D'okuuskaj: Ajar, 2021. – 272 s.
4. Kыргылген: uus-uran al'manah / [red. A. G. Gurinov]. – D'okuuskaj: Sitim Media, 2006 – 2021.
5. Kыргылген: uus-uran al'manah / [red. A. G. Gurinov]. – D'okuuskaj: Sitim Media, 2017, № 6 – С. 72.
6. Kыргылген: uus-uran al'manah / [red. A. G. Gurinov]. – D'okuuskaj: Sitim Media, 2019, № 2 – С. 90-91.
7. Gurinov A. Posleslovie. K publikacii yakutskogo perevoda proizvedeniya Ch. Ajmatova «Beloje oblako Chingiskhana» v literaturno-publicisticheskem zhurnale «Kыргылген» // <http://www.literatura.kg/articles/?aid=2196>.
8. Basharina Z. K. Hudozhestvennyj perevod kak sredstvo mezhkul'turnoj kommunikacii / Z. K. Basharina; Feder. agentstvo po obrazovaniyu, GOU VPO "Yakut. gos. un-t im. M. K. Ammosova". – Yakutsk: Izd- vo YAGU, 2007. – 79 s.
9. Oficial'nyj sajt Nacional'noj biblioteki / Tematicheskie podborki / «Кыргылген»: uus-uran surunaal [Elektronnyj resurs]. – <https://e.nlrs.ru/collections/342>
10. Internet-portal «Literaturnaya Yakutiya» sozdan pri podderzhke Ministerstva kul'tury i duhovnogo razvitiya Respubliki Saha (Yakutiya) / «Кыргылген» - literaturnyj vodopad [Elektronnyj resurs]. – <https://sakhalitera.ru/kurulgen>

УДК 821.512.157 Догордиров.09

M. Я. Федорова

Художественное и фольклористическое наследие Михаила Догордурова

СВФУ им. М.К. Аммосова, г.Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению художественного и фольклористического наследия якутского поэта, прозаика, писателя, драматурга и фольклориста М. Ф. Догордурова (1906-1961). До настоящего времени не написано целостного труда, посвященного изучению его биографии, динамике творческого развития и его научному осмыслению. Отдельные статьи и критический материал о творчестве писателя появлялись в республиканской периодической печати в 1950-1970-е гг., а также по юбилейным датам позднего времени. Источниковой базой исследования послужили рукописи, документы, записные книжки, дневники, письма из архива М. Ф. Догордурова, хранящиеся в Национальном архиве РС(Я), воспоминания современников писателя. Цель работы состоит в раскрытии творческой индивидуальности М. Ф. Догордурова, в выявлении тематики художественных произведений периода 1929-1955 гг. в свете литературной критики, освещении неизданных произведений из личного архива писателя как фольклориста и писателя на материале его личного архива. Методологическую основу исследования составляет системно-комплексный подход в изучении явлений литературы, следование принципам и методам конкретно-исторического анализа. Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в дополнении материалов развития якутской литературы, создании источниковедческой базы, дающей фундамент для изучения творчества М. Ф. Догордурова. Основные положения и выводы могут быть использованы для дальнейших теоретических разработок при исследовании многонациональной литературы народов Российской Федерации, в вузовских и школьных курсах и спецкурсах по истории якутской литературы в той ее части, которая имеет отношение к творчеству М. Ф. Догордурова.

Ключевые слова: фольклористическое наследие, художественное наследие, фельетоны и сатирические стихотворения, “производственная” повесть, история якутской литературы, неизданные произведения.

M. Y. Fyodorova

Literary and folklore legacy of Mikhail Dogordurov

СВФУ им. М. К. Аммосова, г.Якутск, Россия

Abstract. The article is devoted to the study of the artistic and folkloristic heritage of Mikhail Dogordurov (1916-1961). Until present, there is no any written work devoted to the study of his biography, the dynamics of creative development and his scholarly comprehension. Some articles and reviews on the writer's works appeared in the republican periodicals during 1950-1970, as well as on anniversary dates of the later time. The research is based on manuscripts, documents, notebooks, diaries, letters from the archive of Mikhail Dogordurov, kept in the National Archives of the Sakha Republic (Yakutia), memoirs of the writer's contemporaries. The purpose of the work was to reveal the creative individuality of Dogordurov as a writer and folklorist, to reveal the theme of fiction of the period

ФЕДОРОВА Марианна Ясоновна – магистрант Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: my.fedorova@s-vfu.ru

FYODOROVA Marianna Yasonovna – Master's student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

of 1929-1955, to highlight unpublished works from the writer's personal archive, to reveal the creative individuality of Dogordurov as a folklorist based on the material of his personal archive. The methodological basis of the research was a system-integrated approach to the study of the phenomena of literature, based on principles and methods of particular historical analysis. The theoretical and practical significance of the research is in addendum the materials on development of Yakut literature, creating a source study base that provides a foundation for studying the works of Dogordurov. The main findings and conclusions can be used for further theoretical developments in the study of the multinational literature of the peoples of the Russian Federation, at university and school courses and special courses on the history of Yakut literature related to the works of Mikhail Dogordurov.

Keywords: folkloristic heritage, artistic heritage, satirical articles and satirical poems, "production" story, history of Yakut literature, unpublished works.

Введение

Многогранное, емкое по тематике, острое по социально-нравственному звучанию творчество якутского поэта, прозаика, писателя, драматурга и фольклориста М. Ф. Догордурова до сих пор не становилось предметом специального монографического исследования.

Михаил Федосеевич Догордуров (1906-1961) родился 25 сентября 1906 г. в Болтогинском наслеге Чурапчинского района [10, с. 25]. Жизнь писателя прошла в период больших политических потрясений в истории Якутии и России, что несомненно наложило отпечаток на его творчество. М. Ф. Догордуров является уникальным по своей природе писателем. Сын батрака, отанный на воспитание, не имеющий школьного образования, благодаря своему таланту, целеустремленности вырастает до члена Союза писателей СССР.

Из воспоминаний Народного поэта Республики Саха (Якутия) С. И. Тарасова: «Михаил Добордуурал үөрээб суюа, быната, уруккулуу этэллэринэн, «халлаан суруксуга этэ». Ол гынан бааран, ангардас талаанын күүхүнэн кини көннөрү суройааччы эрэ буолбакка, саха улахан суройааччыта буола үүнэн тахсыбыта» [1, с. 23].

В личном архиве писателя сохранилась автобиография, написанная рукой писателя на развороте кассовой книги. Из автобиографии Михаила Федосеевича: “1926 сыллаахха сааңыары кыңын “Саалтырыдьыт” – дин төбөлөөх биир материалы ыыппытым, ес киирбэх “Кыым” ханыакка тахсан қэллэ. Ол ханыат бэрт өргө диири мин архивпар уурууллан сылдыбыта. Ити мин большевистской бэчээккэ бастакы сүрэхтээнийн этэ» [10, с. 26].

В 1929-1938 гг. начинает активную творческую деятельность, становится корреспондентом газет “Социализм суола” (Путь социализма) и “Кыым” (Искра), впоследствии становится редактором газеты “Социализм суола”.

В период работы корреспондентом газет М. Ф. Догордуров под псевдонимом “Миша Баңаарыскай” активно печатает фельетоны и сатирические стихотворения, высмеивающие пережитки прошлого и пороки настоящего, которые пользовались у читателей большим успехом. Из под пера М. Ф. Догордурова вышли такие сатирические рассказы: “Уордаахап уостара” (Губы Требухова), “Түннүк анныгар” (Под окном), “Ат үнсүүт” (Жалоба лошади), “Хаайыллыбыт ханыат” (Арестованная газета), “Абааы” (Дьявол), “Суот туорабынан” (Костяшками счетов) и др.

М. Ефимов в своем письме от 11.02.1956 года пишет рецензию на рассказы М. Ф. Догордурова. Один из них на сатирический рассказ “Уордаахап уостара” (Губы Требухова): “Көрүдүөс остуоруя. Олохxo баарга тирэбүрбүт художественай өттүттэн күүстээх сатира. Бу курдук кылгастык, сыйытык биңиги олохпутугар баар итэбэстэри саха литературыгар кымныылыны иликтэр” [13, с. 976]. Предположительно, по

автографу можно определить, что рецензию на рассказ написал якутский поэт и переводчик, народный поэт Республики Саха (Якутия), член Союза писателей СССР М. Д. Ефимов.

«“Абааы” диэн кэпсээни эмээ исторической диибин. Уус-урган өттүттэн күүстээх, итэбэли утары кыайылаахтык туһайыллыбыт, киши үөрээр-көтөр юмористической кэпсээнэ тахсыбыт», – пишет М. Д. Ефимов [13, 97в].

В произведениях М. Ф. Догордурова более позднего периода нашли свое отражение события, произошедшие в жизни народа в переломные моменты нашей страны. При жизни писателя были изданы четыре книги: “Аныгы Лонкууда” (Современная Лонкуда) (1952 г.), “Александр Сергеев” (1955 г.), “Үс мөхөл” (Три препятствия) (1957 г.), “Кытыастар кыымнэр” (Неугасимые искры) (1960 г.). Также в литературно-художественном и общественно-политическом журнале “Хотугу сулус” (Полярная звезда) издан ряд его произведений: драма “Аймалжан» (Волнение, 1960 г.), рассказы “Кыыллыы араспааннья” (Звериная фамилия, 1950 г.), “Сүйт туорабынан” (Костяшками счетов, 1958 г.) и др. В 1939 г. в сборнике “Художественная литература: сборник Союза советских писателей Якутии” № 3 было напечатано стихотворение «Хаан баңар бэлэммит» (Всегда готовы), данное произведение было напечатано латинским шрифтом.

Широкую известность писателю принесли повести “Александр Сергеев”, “Аныгы Лонкууда” и драма “Волнение”.

Повесть “Александр Сергеев” показывает читателю тяжелый гнет, которому подвергались бедняки-якуты в царское время, как в якутской деревне постепенно происходит классовое расслоение и проникают социалистические идеи. Автор правдиво показывает борьбу, которая возникла между меньшевиками и большевиками после февральской революции. Стоящий на большевистских позициях Александр Сергеев проводит в своем селе подлинно революционные реформы. Отменяются многолетние долги князю и тойонам, производится справедливый раздел земли.

“Сэһэн геройдарын суройааччы киши өйүгээр-санаатыгар ингэн хаалар гына ойуулуур. Александр Сергеевы аабааччы бэркэ бишириир – кини эр санаатын, норуот дыялатыгар бэриниилээбин, таптала ырааын, халбаннаабатын. Кини дьонгно ылыннарыылаах тыллаах, улахан сабыдьыаллаах. Дъаданы дьоннор образтара кишихэ сөбүлэтэллэр, ис киирбэхтэр. Баайдар уонна кинилэр хос моонньохторун хара дьайдаах быһыларын арыян суройааччы кинилэртэн кэлэйни санаатын үөскэтэр. Хас биирдии персонаж бэйэтин тус уратылаахтык көрдөрүллэр. Айымны сюжета кудуххайдык сайдан иһэр, тыла-өһө хомобой, баай” (Писатель изображает героев повести запоминающимися читателю. Мужество, преданность народному делу, искренность любви Александра Сергеева импонирует читателю. В силу мудрой поставленной речи герой имеет большое влияние на людей. Образы бедняков милы и объективны. Писатель раскрывает черные деяния богачей и их прихвостней, что создает у читателя чувство отвращения. Каждый персонаж имеет свою особенность. Сюжет произведения динамичен, язык – богат. Перевод наш – М. Ф.) – пишет поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей СССР Феоктист Софонов в статье “Умнуллубат соргуланны”, посвященной 70-летию со дня рождения М. Ф. Догордурова напечатанной в газете “Кыым” [14, с. 20].

В драме “Аймалжан” (Волнение) отражена история борьбы классов в период гражданской войны. В центре произведения – трагическая судьба Ивана Очурова и его семьи. Раскрывается сила характера и непоколебимая вера в правоту своего дела и несгибаемая воля. Образно показываются все тяготы, выпавшие на долю якутского народа, рост внутреннего самосознания от исключительной политической наивности до полного понимания идей социалистической революции. В конце произведения мы находим описание печально-знаменитой “чурапчинской колотушки”, когда бандиты устроили кровавое избиение десятков мирных жителей. И судьба семьи Ивана Очурова является частью этой трагедии.

Можно сделать сопоставление действий драмы “Волнение” М. Догордурова и романа С. С. Яковлева-Эрилик Эристиин (1892-1942) “Маарыкчаан ыччаттара” (Молодежь Марыкчана). В обоих произведениях описаны исторические события, произошедшие в один и тот же период гражданской войны. Различные социальные слои, представители противоборствующих сил тех времен представлены в произведениях в интерпретации писателей-современников, которые были свидетелями событий, произошедших на их исторической родине. Однако в произведении М. Ф. Догордурова события, психологические и эмоциональные переживания передаются через историю одной семьи.

Примечательно, что драма в 1958 г. была поставлена на сцене Якутского музыкально-драматического театра и получила положительные рецензии в прессе. Из статьи Г. Окорокова “Сильнее смерти”: “Пройдя сюровую школу классовой борьбы, в эти поворотные дни истории закалилась и окрепла воля трудового якутского народа. Он научился познавать, кто его смертельный враг. И автор, и молодой режиссер передали то, что сохранил в своей памяти народ о событиях тех суровых лет” [14, с. 6].

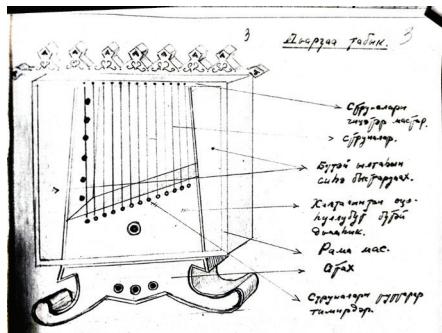
Повесть “Аныгы Лонкууда” издана Якутским книжным издательством в 1952 г. Главной темой произведения становится борьба с засухой, самоотверженный труд колхозников в борьбе за преодоление суровых условий Севера. В лице главного героя Анания Золотовского, участника Великой Отечественной войны, прошедшего путь от Сталинграда до Берлина, создается образ коммуниста-организатора, способного возглавить трудовые массы колхозников.

В архивах писателя обнаружена рецензия на повесть, автор которого не установлен. Особое внимание уделяется языку произведения: “Здесь сжато, простым и сочным языком автору удалось создать яркую картину дикой природы, необжитой глуши” [13, с. 28], но при этом автор статьи указывает на основной, на его взгляд, недостаток – влияние языка фольклора, а именно олонхо, на язык произведения. Высокохудожественные описания прихода времен года, критик относит к неудачным моментам, объясняя это механическим перенесением языка олонхо на страницы произведения.

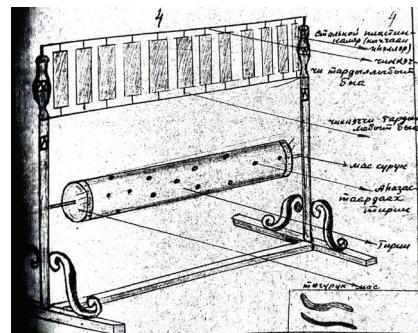
Сохранилась также рецензия на повесть якутского поэта и переводчика, члена Союза писателей СССР Г. И. Макарова-Дыун Дыанылы (1914-1956) от 14.07.1955 г. Основной проблемой повести автор считает воссоздание послевоенной жизни якутской колхозной деревни. Называя повесть “производственной” Г. И. Макаров отмечает, что характеры героев раскрываются в процессе общественного труда. В этом он видит отличие повести от традиционных семейно-бытовых романов и рассказов. Автор пишет: “Писатель пером художника-реалиста подробно описывает процессы труда: расчистку покосных угодий от кустарников и кочек, строительство плотины, раскорчевку пашни, посевые и уборочные работы Севера, борьбу с заморозками, постройку нового поселка и строительство крупной электростанции” [13, с. 90]. Не обходит вниманием и язык произведения, называя его образным и красочным. Отдельно отмечает насыщенность повести песнями: “Особенно сильна и художественно ценна «Песня кузнеца «Ивана»-балагура» [13, с. 95]. Будучи собирателем фольклора, исполнителем олонхо, М. Ф. Догордров прекрасно владел языком фольклора.

В архиве сохранилась рецензия якутского драматурга, прозаика, переводчика, первого якутского киносценариста, члена Союза писателей СССР Л. Л. Габышева: “Михаил Дөйордуурал, урукку да айымныыларыттан көстөрүн курдук, саха умсулбанинаах дэлэгэй тылын балачча билэр, национальный уратылаах уонна фольклор тылыгар-өнүгэр тирээжирэр образтаах санга этиилэри онортуур, тылын саппааын ойуччу ыллахха, син байым собус, хомоёй тыллаах суруйяаччы” [13, с. 159]. (Как видно и из предыдущих произведений писателя Михаил Догордров хорошо знал образный якутский язык, он строит предложения, на основе богатого языка фольклора, если взять словарный запас отдельно, то он достаточно богат и выразителен. Перевод наш – М.Ф.).

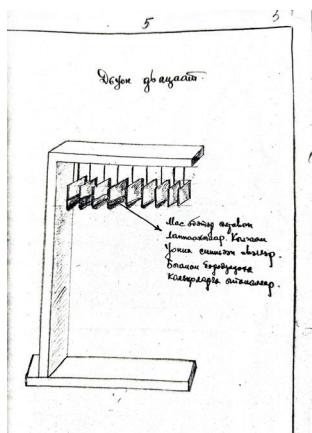
В личном фонде писателя нами обнаружены рукописи неизданных произведений, среди которых особого внимания требует произведение «Абыс былас сууохтаах

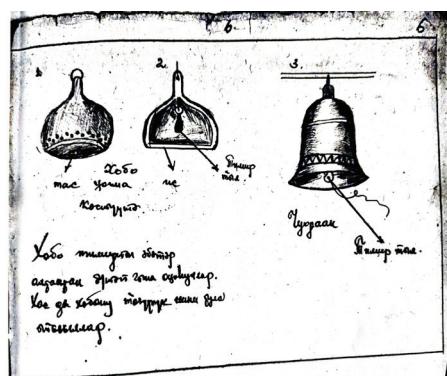
1. Дъарбаа табык

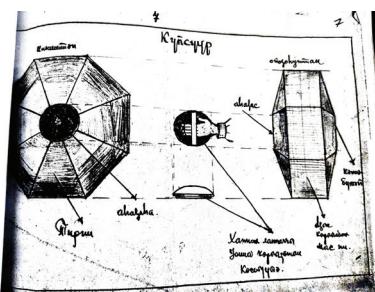
2. Чүолбаннаах табык

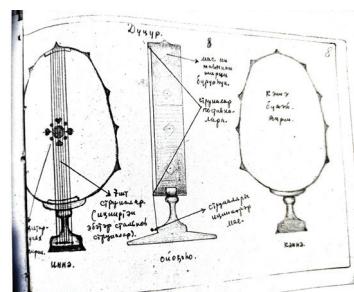
3. Дъуон дъанаат

4. Чуораан (вспомогательный инструмент)

5. Күнсүүр

6. Дүнгүр

Айталынын Кую» (Длиннокосая красавица Айталынын) – драматизированное олончо, которое было поставлено на сцене Вилюйского передвижного театра в 1959 г.

В период своей работы в должности заведующего краеведческим музеем с. Чурапча М. Ф. Догордурев занимается исследованием и собирательством забытых национальных музыкальных инструментов. Создает их эскизы с подробным описанием материалов, используемых при изготовлении, это: дъарбaa табык, чуолбаннаах табык, күпсүүр, дъон дъянаат, дүнүр, кырыымпа, чуораан (вспомогательный инструмент), хобо (вспомогательный инструмент), кылааан, илии табыга (развивающий инструмент), талах кырыымпа.

В национальном архиве Республики Саха (Якутия), в личном фонде писателя, архивный шифр Ф.Р.1482, дело № 63 «Рисунки национальных инструментов. Дъарбаа табық, күпсүүр и др.» сохранились эскизы инструментов и письмо-прощение об использовании данных

инструментов на втором фестивале молодежи и студентов Якутии в 1959 г. Вырезка из газеты свидетельствует об использовании инструментов на фестивале [11, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу, что становление М. Ф. Догордурова как писателя прошла в переломные для всей страны годы – это первая мировая война, революция, гражданская война и Великая Отечественная война. В своих произведениях писатель показывает все тяготы, выпавшие на долю якутского народа, его борьбу за свободу и независимость, становление сельского хозяйства в послевоенные годы.

Отдельного изучения требуют неизданные произведения в рукописном варианте, в личном архиве писателя, хранящемся как в семье, так и в Национальном архиве РС(Я). Это пьесы “Ариасовтар солооңуннара” (Просека Ариасовых), трагедия “Чороохонтор” (Чороковы), пьесы “Абатын кэризиннэн” (По завещанию отца), “Помонаревтар дыиэлэрэ” (Дом Пономаревых), комедия “Омуннаах таптал” (Пылкая любовь), пьеса “Аяа эстиитэ” (Выстрел самострела), а также стихи, скороговорки, загадки.

Разностороннее дарование писателя иллюстрирует и тот факт, что мы нашли либретто к балету “Кустук сууохтай”, а также либретто к символическому балету «Сардааналар».

Особое внимание из неизданного необходимо обратить на драматизированное олонхо «Абыс былас сууохтаах Айталыын Куо» (Длиннокосая красавица Айталыын), рукописи которого хранятся в личных фондах М. Ф. Догордурова в государственном архиве РС(Я).

Несомненно, М. Ф. Догордуров прошел тяжелый жизненный путь от сына батрака до признанного прозаика, драматурга, писателя и фольклориста, члена союза писателей СССР. Имеющийся материал периодической печати, рукописи писателя, записные книжки, варианты произведений, личные документы, эпистолярное наследие, а также статьи и воспоминания современников, станут основой для более глубокого исследования его биографии и творчества.

Л и т е р а т у р а

1. Гаврильева Т. М. Мэхээлэ Добордуурал. 100 сааңыгар ананар. – Дьюкуускай, 2006. – 84 с.
2. Догордуров М. Ф. Михаил Добордуурал, Аныгы Лонкууда: (повесть). – Якутской: САССР Госиздата, 1952. – 161 с.
3. Догордуров М. Ф. Михаил Добордуурал. Александр Сергеев: [сэхэн] - Якутской: Саха сиринээби кинигэ издательствата, 1955. – 165 с.
4. Догордуров М. Ф. Михаил Добордуурал. Ус мохол; [художник Э. С. Сивцев]. – Якутской: Саха сиринээби кинигэ издательствата, 1957. – 68 с.: ил.
5. Догордуров М. Ф. Михаил Добордуурал. Кытыастар кыым: Кэпсээннэр. - Якутской: Кинигэ изд-вота, 1960. – 120 с.
6. Михаил Добордуурал. Талыллыбыт айамныылар. Сэхэн уонна кэпсээннэр / сост. Н. Н. Павлов. – Якутской: Саха сиринээби кинигэ издательствата, 1963. – 256 с.
7. Догордуров М. Ф. Михаил Добордуурал. Сэхэн уонна кэпсээннэр. / С. И. Тимофеев ред. – Якутской: Саха сиринээби кинигэ издательствата, 1972 с. – 416 с.
8. Догордуров М. Ф. Михаил Добордуурал. Кытыастар кыымнар: кэпсээннэр, сэхэннэр, драма / хомуйан онгордо уонна аан тылы суруйда Петр Аввакумов. – Переизд. – Якутской: Саха сиринээби кинигэ издательствата, 1987. – 255 с.
9. НА РС(Я), Ф.Р1482, д. 61.
10. НА РС(Я) Ф.Р.Р1482, д. 62.
11. НА РС(Я) Ф.Р.Р1482, д. 63.
12. НА РС(Я) Ф.Р.Р1482, д. 66.
13. НА РС(Я) Ф.Р.Р1482, д. 74.
14. НА РС(Я) Ф.Р.Р1482, д. 75.

R e f e r e n c e s

1. Gavril'eva T. M. Mekheelee Doğorduurap. 100 saahygar ananar. – D'okuuskaj, 2006. – 84 s.
2. Dogordurov M. F. Mihail Doğorduurap, Anygy Lorikuuda: (povest'). – Yakutskaj: SASSR Gosizdata, 1952. – 161 s.
3. Dogordurov M. F. Mihail Doğorduurap. Aleksandr Sergeev: [sehen] – Yakutskaj: Saha sirineeđi kinige izdatel'stvata, 1955. – 165 s.
4. Dogordurov M. F. Mihail Doğorduurap. Ys mohol; [hudozhnik E. S. Sivcev]. – Yakutskaj: Saha sirineeđi kinige izdatel'stvata, 1957. – 68 s.: il.
5. Dogordurov M. F. Mihail Doğorduurap. Kytyastar kyym: Kepseenner. – Yakutskaj: Kinige izd-vota, 1960. – 120 s.
6. Mihail Doğorduurap. Talylybyt ajamm'yylar. Seheen uonna kepseenner / sost. N. N. Pavlov. – Yakutskaj: Saha sirineeđi kinige izdatel'stvota, 1963. – 256 s.
7. Dogordurov M. F. Mihail Doğorduurap. Seheen uonna kepseenner. / S. I. Timofeev red. – Yakutskaj: Saha sirineeđi kinige izdatel'stvota, 1972 s. – 416 s.
8. Dogordurov M. F. Mihail Doğorduurap. Kytyastar kyymnar: kepseenner, sehenner, drama / homujan onordo uonna aan tylý surujda Petr Avvakumov. – Pereizd. – Yakutskaj: Saha sirineeđi kinige izdatel'stvota, 1987. – 255 s.
9. NA RS(YA), F.R1482, d. 61.
10. NA RS(YA) F.R.R1482, d. 62.
11. NA RS(YA) F.R.R1482, d. 63.
12. NA RS(YA) F.R.R1482, d. 66.
13. NA RS(YA) F.R.R1482, d. 74.
14. NA RS(YA) F.R.R1482, d. 75.

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 398.8

A. A. Борисова

**Персонажи-помощники
в образной системе эпических чудовищ абаасы**

СВФУ им. М. К. Аммосова, г.Якутск, Россия

Аннотация. В статье впервые рассматриваются образы эпических чудовищ абаасы с функцией помощника главного героя олонхо. В качестве материалов использованы ранние записи олонхо, опубликованные в 1907-1918 гг. в академическом издании «Образцы народной литературы якутов» Э. К. Пекарского и сюжеты олонхо, записанные В. Л. Приклонским в 1890-1891 гг. Персонажи чудовищ абаасы не всегда выполняют функцию антагониста или вредителя. Чтобы определить функции персонажей чудовищ абаасы, использован метод В. Я. Проппа «круги действий». В итоге выявлены следующие персонажи-помощники: справедливый судья; преданный слуга и жених; персонаж с душой айыны и внешностью абаасы; верный путеводитель; гостеприимная старуха абаасы; опекунша. В целях установления более полной картины образной системы эпических чудовищ абаасы, ставится задача продолжить данную тему, применив сравнительный анализ с использованием текстов поздних изданий олонхо.

Ключевые слова: олонхо, система образов, классификация, функция, чудовища абаасы, помощники.

A. A. Borisova

**Character-helpers in the figurative system
of the epic monsters Abaahy**

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article deals for the first time with the images of the epic monsters abaahy acting as helpers to the olonkho protagonist. The materials used are early recordings of the olonkho published in 1907-1918 in the academic edition "Samples of the Yakut Folk Literature" by E. K. Pekarsky and olonkho plots recorded by V. L. Priklonsky in 1890-1891. Abaahy monster characters do not always perform the function of an antagonist or a pest. To determine the functions of the characters of the abaahy monsters,

БОРИСОВА Анастасия Анатольевна – младший научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

E-mail: harantaby@mail.ru

BORISOVA Anastasia Anatolievna – Junior Researcher, Olonkho Studies Sector, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

V. Y. Propp's method of "circles of action" was used. As a result, the following helper characters were identified: a fair judge; a devoted servant and groom; a character with the soul of aiyy deity and the appearance of an abaahy; a faithful guide; a hospitable old abaahy woman; and a guardian. In order to establish a more complete picture of the imagery system of the epic monsters of abaahy, the task is to continue this topic by applying a comparative analysis using the texts of later editions of the olonkho.

Keywords: olonkho, system of images, classification, function, abaahy monsters, helpers.

Введение

Чудовища абаасы являются одним из основных образов в сюжете олонко. Они обитатели Нижнего и Верхнего миров, главные противники жителей Среднего мира, враги людей из племени айыы. Но среди чудовищ абаасы встречаются и такие персонажи, которые не наносят вреда жителям айыы. Эпосовед И. В. Пухов обозначил богатырей абаасы главными врагами героев олонко: «Они нападают на племя айыы аймаа, разрушают его страну, убивают и уводят в плен его людей, разоряют их богатства» [7, с. 196]. Кроме этого ученый указал на установление невраждебных отношений между богатырями абаасы и богатырями айыы, таких как: союз между богатырем айыы и абаасы; временное побратимство главного героя с богатырем абаасы; постоянное побратимство героя с богатырями без особого указания причин этого; пленные богатыри в роли слуг и рабов; услуга абаасы богатырям айыы через огненное море.

Наличие невраждебных, а наоборот, дружественных отношений между образами айыы и абаасы можно встретить не только среди главных героев. В статье впервые рассматривается вопрос об изучении функций чудовищ абаасы с положительными признаками, что является нехарактерным явлением в якутской эпической традиции.

В качестве исследуемых материалов использованы ранние записи олонко, записанные в дореволюционное время. Во-первых, «Образцы народной литературы якутов» – академический труд, вышедший в 1907-1918 гг. под редакцией Э. К. Пекарского. Издание включает разные фольклорные материалы: пословицы и поговорки, загадки, сказки и предания, песни, а также тексты героических эпосов – олонко. Текстов олонко всего 24, из них 9 больших законченных произведений, в основном записанные в Таттинском и Верхоянском улусах. Эти материалы имеют огромную научную ценность в исследовании текстов олонко. Помимо этого издания в качестве дополнительного источника использованы сюжеты восьми олонко, записанные В. Л. Приклонским в журнале «Живая старина» в 1890-1891 гг.

Опираясь на метод В. Я. Проппа «круги действий», определены действия персонажей чудовищ абаасы с целью выявления их функций. Согласно теории Проппа имеется ограниченное число устойчивых типов персонажей, которые могут реализоваться по-разному. Например, основная функция персонажа-помощника заключается в установлении связей, облегчении коммуникации между другими персонажами. Круг его действий включает: пространственное перемещение героя; ликвидация беды или недостачи; спасение от преследования, разрешение трудных задач; трансфигурация героя. В противоположность персонажу-вредителю помощник выступает как партнер, устанавливает связь с главным героем, приносит пользу [9, с. 73].

Дефиниция понятия «абаасы»

Прежде чем приступить к анализу персонажей кратко ознакомимся с определением и значением понятия «абаасы» в целом. Этимологию данного слова находим в словаре Г. В. Попова, который приводит несколько гипотез ученых. Немецкий тюрколог,

алтайст Г. Дерфер сопоставил *абаасы* с тюркским словом *албасты* ‘страшный призрак; баба-яга; ведьма; колдунья; колдун’. Финский лингвист-тюрколог М. Рясянен предположил, что слово заимствовано от монгольского *абугачи* и бурятского *абаша* ‘получатель, приемщик’, возводя их к монгольскому *аб* брать, взять; принимать’. Г. В. Попов более правдоподобной версией посчитал точку зрения английского ученого Д. Ж. Клоусона, который писал, что слово *абаасы* по морфологическим признакам близко к тюркской лексеме *абачы*, а семантически оно связано со среднетюркским *абаакы*, караимским *абах*, крымско-татарским *абак* ‘идол’, турецким *анак* ‘джинн’ [8, с. 56–57]. Также в текстах олонхо встречается слово *адъарай*, которое представляется аналогичным слову *абаасы*. В словаре якутского языка слово истолковано как: 1) живущие в Нижнем мире враждебные людям чудовища, *абаасы*, причиняющие жителям Среднего мира различные бедствия; 2) дурной и ненадежный человек; 3) что-либо бесполезное и ничтожное (пренебрежительно, презрительно о ком-чем-либо) [1, с. 293]. К контексту олонхо *адъарай* в основном упоминается как название племени: як. *адъарай бинин ууна* ‘племя адъарай’, як. *адъарай аймаңа* ‘род адъарай’, як. *адъарай атамааннара* ‘атаманы адъарай’.

В философском представлении якутов *абаасы* имеет несколько видов. В словаре якутского языка обозначены несколько определений: 1) злой дух, злое начало; дьявол, сатана, вредные и враждебные человеку «обитатели» земли; 2) духи – покровители и помощники шаманов во время их камлания (дух-покровитель шаманов исполнял роль посредника между людьми и различными сверхъестественными существами); 3) в героическом эпосе олонхо – чудовища, враждебные племени *Айыы* и вступающие в сражения с богатырями светлого мира; 4) урод (прирожденный – обычно о теленке, ребенке); 5) дрянь, негодяй, паршивец; 6) дьявол, бестия, шельмец [1, с. 221–223].

А. Е. Кулаковский определил четыре вида «*абаасы*» в представлении якутов: 1) настоящие древние *абаасы*, существующие из начала мира; они живут в подземном мире, на западных и южных небесах <...>; 2) <...> все эпидемии, в особенности оспа, корь и сибирская язва <...> шаман открыто пасует перед ними, говоря, что их никак нельзя упросить <...>; 3) все мелкие *абаасы*, населяющие средний мир, то есть землю: все недоброжелательные и вредные для человека существа; 4) олонхо *абаасыты* – былинные и сказочные *абаасы*. А. Е. Кулаковский писал, что эпические чудовища *абаасы* являются существами физическими, телесными и смертными, поэтому не нужно смешивать с другими явлениями *абаасы* [5, с. 26].

Г. У. Гермогенов-Эргис писал, что «образы *абаасы* сложны, происхождение их теряется в глубине веков» [3, с. 205]. И. В. Пухов предполагал, что «образ богатыря *абаасы* в дошедших до нас олонхо представляет мифологизированное обобщение всякого зла, которое видел народ... отражены не только отношения с древними племенами, но и оценка явлений природы, стихии» [7, с. 147].

Владыка всех чудовищ *абаасы* в роли судьи

В текстах большинства олонхо владыкой всех хтонических чудовищ *абаасы*, господином Нижнего мира является Арсан Дуолай. В рассмотренных текстах его имя встречается в разных вариациях: Арсан / Ардъан / Арсын, иногда имеет второе имя – Буор Мангалай. Чаще всего назван как Арсан Дуолай. А. Е. Кулаковский писал, что якутский «Арсан» исходит от монгольского Арслан» – «лев» [5, с. 27]. Л. Л. Габышева считает, что «Арслан» исходит от якутских глаголов «арсай» или «ардай», означающие «выставлять зубы, скалить редкие большие зубы» [2, с. 134–137]. Такое предположение тоже возможно, либо Арсан изображается в некоторых материалах как «ардъайбыт» или «арсыын тиистээх». П. А. Ойунский выдвинул гипотезу о том, что племена Арсан Дуолай отражают представления наших предков о китайцах. Он сопоставлял один из вариантов произношения имени с китайским: «аар-суун дао-лин или ар-чун дао-лэн» [6, с. 327].

Образ Арсан Дуолай утратил свою функцию, в сюжете олонхо упоминается лишь в начале, далее не совершает каких-либо действий. Его персонаж активен в сюжете олонхо В. Л. Приклонского «Улкумнью Улан» и в тексте олонхо «Хаан Дъаргыстай». В версии В. Л. Приклонского Арсан Дуолай изображен как настоящий злодей, представляющий настоящую угрозу жителям Среднего мира. Он имеет восемь голов, обманом заманивает богатырей айыры и съедает их.

В олонхо «Хаан Дъаргыстай» выступает в роли владыки чудовищ абаасы Нижнего мира и судьи. В тексте есть момент, где герои Среднего мира сражаются с героями Верхнего мира из-за ложных доносов богатыря абаасы Ытык Кыйбырдаан. Узнав хитрость богатыря абаасы, главный герой Хаан Дъаргыстай отправляется в Нижний мир, в страну Арсын Дуолай Тойон. Он доносит, что их обитатель Ытык Кыйбырдаан распространяет неверные слухи и сражает людей. Арсын Дуолай Тойон не защищает своего представителя, а наоборот, поручает его наказать: «убайа турар уокка быраын, кини манынк хопчут буолбат буоллун!» дословно: «бросайте его в огонь за ябедничество!». Арсан Дуолай Тойон не относится к Хаан Дъаргыстай враждебно, называет его «оюом» – «дитя». После суда над Ытык Кыйбырдаан помогает Хаан Дъаргыстай отправиться обратно домой в Средний мир, также напоследок благословляет: «оюом, кини хара буол, кини төрдө буол дизн баран албаан-албаан баран, эрбэүн үрдүгэр олордон тыган кэбинэр» – дословно: «дитя мое, стань человеком, будь праотцом людей!». Таким образом, здесь Арсан Дуолай устраниет беду, спасает главного героя олонхо от преследования, разрешает трудных задачи. Персонаж Арсан Дуолай в олонхо наказывает, выполняет функцию судьи, он – помощник.

Богатырь абаасы в роли жениха

Самый главный злодей и вредитель в сюжете олонхо, в основном, -богатырь абаасы. Их основная функция – похищение девушек айыры и невесты богатыря айыры, попытка разрушения земли Срединного мира, ограбление имущества его жителей, борьба с богатырем айыры. Про персонажей богатырей абаасы И. В. Пухов писал, что при злой внутренней природе описываясь и внешний облик, изображаемый в карикатурно-сатирическом плане [7, с. 137]. Среди богатырей абаасы встречаются помощники, которые вступают в практическое отношение с главным героем и приносят пользу.

Кроме выделенных И. В. Пуховым невраждебных отношений между богатырями айыры и абаасы можно добавить роль богатыря абаасы в качестве жениха. В традиционном сюжете рабами становятся богатыри абаасы, оставленные в живых после поражения в бою. В сюжете олонхо «Хаан Дъаргыстай» богатырь абаасы Екsecюлях Бякистай проиграв в бою, умоляет главного героя не убивать его, сохранить жизнь, клянется за это быть ему надежным рабом. Герой, поверив словам Екsecюлях Бякистай, не только сохраняет ему жизнь, но и становится его побратимом. В один день Хан Джаргыстай решает найти невест, сначала сам, потом побратиму. Но Екsecюлях Бякистай расценивает его предложение не как установление очередности женитьбы, а как желание героя поработить его путем хитрости. Абаасы в гневе разрушает клятву, герой снова становится заклятыми врагами. Действия помощника прекращаются из-за поступков богатыря абаасы.

В сюжете олонхо, записанном В. Л. Приклонским, главная героиня Кылааннаах Кыыс бухатыр встречает железного человека, который улыбается ей «своим безобразным ртом». Им оказывается богатырь абаасы Ороойко Дохсун. В. Л. Приклонский переводит его имя как «Дерзкий Шалун». Он хочет жениться на ней, но в ответ девушка-богатырь чуть не убивает его. Неудавшийся жених просит ее не убивать и остается у нее работать слугой. На протяжении всего сюжета олонхо Ороойко Дохсун сопровождает главную героиню, помогает ей в бою, исполняет все ее приказы и капризы. За преданность в службе Кылааннаах Кыыс бухатыр обещает освободить богатыря

абаасы, а в случае гибели решает оставить все свое богатство ему. С помощью Ороойко Дохсун Кылааннаах кыыс истребляет всех своих врагов, остается в живых и выходит замуж за него. Сюжет олонхо заканчивается так: «Когда проснулась, то оказалось, что с нею спал прекрасный молодой человек огромного роста, за которого она охотно пошла замуж: это-то был ее бывший раб». Здесь наблюдаем трансформацию героя: в начале олонхо Ороойко Дохсун описан страшным, уродливым, а в конце олонхо превращается в прекрасного молодца.

Персонаж с душой айыны, с внешностью абаасы

Рожденные от воссоединения айыны и абаасы, становятся полуайыны и полуабаасы. Образ такого необычного персонажа находим в олонхо Н. Абрамова «Удаганки Уолумар и Айгыр», записанного в 1886 году. В сюжете действует персонаж Судалба, который сам рассказывает про свое происхождение: «Өлөр өлүү кэтэбү буолбут Дъэгэ Бааба иньэлээх, сибиэн буолбут сэттэ былас сууохтаах Сэлэнгэдэй удаан иньэм ... айыны кыын буолан кубулунан, Адынай боотуру албастаабыта. Ол ичин дыүүнүм бөрүкүтэ суюх. Айыны сиэнэ Адынай боотур уола буоламмын айыны санаалаахпын» [4, с. 120]. В отрывке примера говорится о том, что Судалба был рожден от удаганки абаасы Сэлэнгэдэй и богатыря айыны Адзынай Боотур. Из-за этого у него внешность уродливая, страшная, но душа светлая. Он выступает в роли слуги и в то же время дядей героев по матери, который опекает, воспитывает, сражается вместо них и потакает всем прихотям.

В завершении олонхо Судалба требует вознаграждения за свою службу и преданность – дать ему в жены дочку удаганки Уолумар. Родственники девушки отказываются выдать замуж красавицу за некрасивого родственника. Но Судалба силой уводит ее с собой. Из-за похищения девушки никто не воюет, никто не отнимает у него невестку, так и заканчивается олонхо.

Шаман абаасы – верный путеводитель

Образ шаманов и удаганок нередко появляются в сюжете олонхо. Их образ обычно связан с чудовищами абаасы Верхнего мира. В некоторых олонхо говорится о том, что племя Улуу Тойона представляет собой шаманов: «ойуун удаан олохтоох, омолун-чомолун аартыктаах» (олонхо «Ала Булкун»). Они выполняют функцию вредителя, представляющего опасность для людей Среднего мира, жители боятся их нападения. Например, в зacinе олонхо «Ала Булкун» говорится о том, что ветви Древа Аар Луук Сибээт Мас не обросли до Верхнего мира в страну Улуу Тойона, чтобы защитить людей и скотов Среднего мира от возможного проклятия безобразной удаганки Есех Харбыалай. Если дочь-удаганка Улуу Тойона будет камлать, тогда якуты и их скот станут бесплодными и несчастливыми.

В олонхо «Хан Джаргыстай» встречается злобный шаман абаасы Тимир Судалба, которого главный герой пытается убить, а он раскалывается на две части: одна половина которого превращается в трех серых волков, а другая – в трех черных воронов.

В олонхо «Ёлю Юёдэлбэ Бухатыр» Е. Д. Николаева-младшего, записанного Э. К. Пекарским в 1888 г., существует шаман абаасы Айаан Куйаан. Главный герой олонхо отправляется на юго-запад в поисках похищенной сестры. На пути находит место с деревянной юртой, в котором живет одногоний, однорукий шаман абаасы с конем Айдаарыкы Чуогур с восьмиветвистым хвостом.

Подробно описаны шаманские принадлежности: главный герой за балаганом замечает одежду шамана, направо – бубен и колотушку. Между главным героем и богатырем не завязывается борьба. Шаман абаасы указывает Ёлю Юёдюльбя верный путь, подсказывает, что его сестру украл богатырь Тойон Ёбюйюк. В данном случае действия и место обитания персонажа чудовища абаасы близки к образу айыны. Образ этого персонажа необычный для якутской эпической традиции. Чудовища абаасы зачастую имеют железные жилища, а в качестве средства передвижения у них – бык или огненная змея.

Удаганка абаасы в образе гостеприимной старухи

Персонажи удаганок абаасы зачастую выполняют функцию помощника богатыря абаасы во время сражения с богатырем айыы. Например, в олонхо «Строптивый Кулун Куллустур» богатырь абаасы Тимир Суордуйя, усомнившись в своей победе во время боя, призывает удаганку. В сюжете «Нюргун Боотур Стремительный» защитница и спасительница богатыря абаасы Тимир Ыйыста Хара – его сестра удаганка Ытык Хахайдаан.

Находим образ удаганки абаасы в качестве помощника и в сюжете олонхо «Мёгюлю Бёгё» В. Л. Приклонского. Так, главный герой отправляется вслед за богатырем абаасы в Нижний мир. От долгого и тяжелого пути богатырь айыы теряет свои силы, сильно худеет. В Нижнем мире доходит до одной железной юрты, в котором живет удаганка абаасы Алабыр старушка. Встретив чудовище абаасы, главный герой совершает следующие действия: поклоняется, здоровается, называет удаганку «солнцем», «госпожой здешнего мира», просит пожить у нее, работать, набираться сил. Удаганка абаасы соглашается на просьбу богатыря айыы, поручает пасти ее восемь кобыл. Во время нахождения Мёгюлю Бёгё в доме удаганки абаасы, кормит его мясом разных зверей. По истечении восьми месяцев Мёгюлю Бёгё заканчивает работу, набирается сил и готовится дальше отправиться за богатырем абаасы. В качестве благодарности за верную службу удаганка абаасы возвращает главному герою прежний богатырский вид, напоив его живой водою, богатырь становится еще сильнее и получает в подарок от удаганки жеребенка.

Старушка абаасы в роли опекуна

Образ старушек абаасы изображается ужасающим – они пожирают людей, также своих детей, похищают и держат в плену богатырей айыы и девушек айыы. Но с другой стороны изображаются наивными и глупыми. К качеству примера рассмотрим сюжет олонхо «Шаманки Уолумар уонна Айгыр». Старушка абаасы Дъэг бааба сильно радуется, когда ее муж привозит в их дом шаманку Уолумар. Сестра шаманки Уолумар приходит в Нижний мир, уничтожает их девятерых детей. Старушка абаасы находит своих мертвых детей и съедает их останки. В «Өлүү Үөдэлбэ» одногая и однорукая старушка абаасы Кюкё Хахат чуть не съедает главного героя, ему удается перехитрить абаасы и ускользнуть от нее.

В небольшом отрывке олонхо Н. Прядезникова «Ого Тулаайах на черном коне, родившийся позднее в Среднем мире» встречаем необычного персонажа чудовища абаасы – старушку Тимир Джегеликян. Олонхо примечателен тем, что в зчине сразу описывается среда обитания старушки абаасы. Ее внешность антропоморфная, но с длинным языком. Однажды к ней прилетает Ытык Чыбыстаан и советует украдь и усыновить Ого Тулаайах. Объясняет этот поступок тем, что если воспитает старушка Тимир Джегеликян, Ого Тулаайах вырастет отличным молодцом: «бэрт киңи буолуоңа». Следуя совету Ытык Чыбыстаан она растит и воспитывает его. Позднее он узнает свою настоящую семью. К нему приходит Күн тойон кыына Күөгэлдын удаңан и помогает ему вернуть прежний облик айыы: «үөһөттэн үс көңөн сымытын курдук ас түспүтүн иңгэр сиэн таңыгар онгунохтамытын кэннэ ... урукку дүүңүнэ уларыйан бэрт үтүө көрүнгөммит». В течение сюжетной линии олонхо старушка абаасы защищает и оберегает Ого Тулаайах.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что олонхо имеет сложную образную систему. Каждый персонаж олонхо как отдельная личность, которая имеет свою индивидуальность и характерные черты. Чудовища абаасы выполняют не только функцию антагониста или вредителя, которая укоренилась в стереотипных негативных оценках, связанных с понятием «абаасы». Функциональные особенности персонажей чудовищ абаасы зависят от круга их действий в сюжетной линии олонхо.

Рассмотренные в данной статье материалы выявили следующие персонажи с функцией помощников: справедливый судья; преданный слуга и жених; персонаж с душой айны и внешностью абаасы; верный путеводитель; гостеприимная старуха абаасы; опекунша.

В целях выявления более полной картины образной системы эпических чудовищ абаасы, ставится задача продолжить данную тему, применив сравнительный анализ с использованием текстов поздних изданий олонхо.

Л и т е р а т у р а

1. Большой толковый словарь якутского языка / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2015. – 595 с.
2. Габышева Л. Л. Семантические особенности слова в фольклорном тексте (на материале якутского эпоса олонхо). Дисс. канд. филол. наук. Якутск, 1986.
3. Гермогенов Г. У.-Эргис Очерки по якутскому фольклору. – Якутск: Бичик, 2008. – 400 с.
4. Дъүлэй нэхилиэгин олонхолоро = Олонхо Жүлэйского наслега. Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2013. – 266 с. (на якут. яз.).
5. Кулаковский, А. Е. Научные труды / А.Е. Кулаковский; сост. Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
6. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Сочинения. Т. 7. – Якутск: Кн. изд-во, 1962. – 128-194 с.
7. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.
8. Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. (Ч. 1: А - Д') / Г.В. Попов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с.
9. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки; собр. тр. / коммент. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой; сост., науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. – М., 1998. – 512 с.

R e f e r e n c e s

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo jazyka / pod obshh. red. P. A. Slepcova. Novosibirsk: Nauka, 2015. 595 s.
2. Gabysheva L. L. Semanticheskie osobennosti slova v fol'klornom tekste (na materiale jakutskogo jeposa olonho). Diss. kand. filol. nauk. Yakutsk, 1986.
3. Germogenov G. U.-Ergis. Ocherki po yakutskomu fol'kloru. – Yakutsk: Bichik, 2008. – 400 s.
4. D'yljej njehilijegin olonholoro = Olonho Zhulejskogo naslega. Obrazcy narodnoj literatury jakutov, sobrannye Je. K. Pekarskim. – Yakutsk: IGliPMNS SO RAN, 2013. – 266 s. (na jakut. jaz.).
5. Kulakovskij, A. E. Nauchnye trudy / A. E. Kulakovskij; sost. N. V. Emel'janov, P. A. Slepco. – Yakutsk: Kn. izd-vo, 1979. - 484 s.
6. Ojunskij P.A. Yakutskaja skazka (olonho), ee sjuzhet i soderzhanie // Sochinenija. T. 7. – Yakutsk: Kn. izd-vo, 1962. – S. 128-194
7. Puhov I. V. Yakutskij geroicheskij epos olonho. Osnovnye obrazy. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 256 s.
8. Popov G.V. Etimologicheskij slovar' jakutskogo jazyka. (Ch. 1: A - D') / G.V. Popov. – Novosibirsk: Nauka, 2003. – S. 180
9. Propp V. Ja. Morfologiya volshebnoj skazki; sobr. tr. / komment. E. M. Meletinskogo, A. V. Rafaevoj; sost., nauch. red., tekstol. komment. I. V. Peshkova. – M., 1998. – 512 s.

УДК 82-131

G. R. Xусайнова

Татарские романнические дастаны: причины распространения и особенности, характерные для письменных и устных вариантов

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, г. Казань, Россия

Аннотация. У каждого народа свой путь и история к достижению грамотности. Татары Поволжья достигли этого успеха довольно рано. Умение читать и писать открыло для них новые возможности. Одним из них является знакомство с литературой других народов, а также распространение определенных произведений в этой местности. Интересно отметить, что поэмы постепенно становились фольклорными произведениями, переходя из уст в уста или в письменной форме. Народ обогатил их национальными красками, таким образом, появились фольклорные версии - дастаны этих литературных произведений.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточностью изучения особенностей татарских романнических дастанов. Материал для исследования составляют тексты дастанов любовного характера, бытующие у татар, как «Лейла и Меджнун», «Тахир и Зухра», «Сайфульмулюк», «Кузы-Курпяч и Баян-сылу», «Сказание о Йусуфе».

Цель статьи – выявить причины распространения и популярность любовных дастанов на территории Поволжья, определить особенности, которые еще не были обнаружены. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: рассмотрена история просвещения татарского народа; раскрыты качества героев и их духовные ценности в татарском романническом эпосе; проанализированы произведения Средневековых поэтов, которые являются литературными версиями любовных дастанов.

В данной статье применяются сравнительно-сопоставительный и историко-типологический методы.

Ключевые слова: татары, дастан, любовные поэмы, история, фольклор, ислам, герой, мотив, сюжет, образ.

G. R. Khusainova

Tatar romantic dastans: reasons for the spread and features characteristic of written and oral variants

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Kazan, Russia

Abstract. Each nation had its own path and history to achieving literacy. The Tatars of the Volga region achieved this success quite early. The ability to read and write opened up new opportunities for

ХУСАЙНОВА Гульнира Разифовна – аспирант отдела народного творчества обособленного структурного подразделения АН Республики Татарстан, «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова».

E-mail.ru: gulnira2010@yandex.ru

HUSAINOVA Gulnira Razifovna – postgraduate student of the Department of Folk Art, separate structural subdivision of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, "G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art".

them. One of them was to get acquainted with the literature of other peoples, as well as to distribute certain works in this area. It is interesting to note that these poems gradually became folklore works, passing from mouth to mouth or in writing. The people enriched them with national colors, thus, folklore versions of dastan, these literary works, appeared.

The relevance of this study is due to the insufficient study of the features of Tatar love *dastans*. The material for research was the texts of dastans of a love nature that are common among the Tatars, such as "Leila and Majnun", "Takhir and Zukhra", "Sayfulmuluk", "Kuzy-Kurpyach and Bayan-sylu", "The Legend of Yusuf".

The purpose of the article is to identify the reasons for the spread and popularity of love dastans on the territory of the Volga region, to determine the features that have not yet been discovered. To achieve this goal, the following tasks were solved: the history of the education of the Tatar people was considered; the qualities of the heroes and their spiritual values in the Tatar romantic epic were revealed; were analyzed the works of Medieval poets, which were literary versions of love dastans.

This article uses comparative and historical-typological methods.

Keywords: tatars, dastan, love poems, story, folklore, Islam, hero, motive, plot, image.

Введение

Татары издревле были просвещенным народом. Письменная культура, наличие большого количества письменных памятников, которые накапливались веками, оказали существенное влияние на татарский фольклор. Формирование у татар жанра дастан в качестве письменного творчества объясняется той самой причиной. Эти дастаны ценные тем, что продолжили фольклорные традиции в письменном виде, что наряду с местным эпическим своеобразием, характерным для поволжских татар, на протяжении веков сохраняли духовное наследие других народов и смогли донести это бесценное богатство до наших дней [7, 240].

Среди татарских дастанов есть такие, в которых описывается любовь двух юношей. Их мы называем романическими дастанами. Эти произведения, находящиеся между литературой и фольклором, относят и к группе книжных дастанов. Действительно, в них присутствуют свойственные для народного творчества мотивы, символы и изобразительные средства. Но немало вовравших в себя особенностей и идеалов татарского народа, его мировоззрения. Новизной данной статьи является определение главных причин распространения любовных дастанов на территории Поволжья, отношения народа к просвещению и религии после принятия ислама, выявление сформированных особенностей татарского романического дастана в тесной связи с самосознанием народа.

Причины распространения

Стремление нации к знаниям, пристрастие к сочинительству – явление не случайное. Причины этого восходят своими корнями к далекому прошлому. После официального принятия Ислама Волжской Болгарией в 922 г. население края начинает в корне менять свое мировоззрение. Эти изменения проявились не только в вере в единого создателя, но и в стремлении к чтению, письменности, т.е. в целом в стремлении к получению знаний. В отличие от язычества Ислам считается религией, обладающей развитой религиозной письменной культурой и богатой литературой философского или религиозного характера [4, 245]. Для изучения этой литературы было недостаточным лишь знание алфавита, а требовался достаточно высокий уровень умения читать и писать. Этим и объясняется интерес народа к получению знаний.

У татар в дополнение к умению читать и писать признаком просвещенности считалось еще и владение арабским и персидским языками (это было характерно для всего тюркского мусульманского мира). Например, татарский ученый XIX века Ш. Марджани некоторые свои труды писал на арабском языке [6, 20]. Любовные поэмы поэтов древних и средних веков (Джами, Физули, Низами Ганджави, А. Навои, Меджлиси) получили признание, будучи созданными на этих языках. Свободное владение татарского просвещенного люда арабским и персидским языками, их возможность знакомства с книгами на этих языках стали причиной широкого распространения в народе сюжетов известных произведений. Соответствуя местным традициям, они получили новое звучание и влились в литературно-культурный процесс в качестве жанра дастана фольклорного стиля. У поволжских татар эти дастаны распространялись и в рукописном виде, были известны и в изустной форме, а в эпоху книжной письменности издавались отдельными книгами.

Следует отметить, что в основе произведений, основанных на “бродячих сюжетах”, лежит идея великой силы любви. Приверженность главных героев к нравственным, религиозным нормам пришла по душе народу, жившему по исламскому шариату, стала причиной возникновения новых вариантов.

Не только проникшие с Востока литературные поэмы, но и произведения, “рожденные” там, где проживали татары, воспринимались народом с любовью. К таким относится произведение “Кыйссай Йосыф” (“Сказание о Йусуфе”), созданное поэтом Волжской Болгарии XIII века Кул Гали. То, что, начиная с 1839 г., оно было издано в Казани 100 раз, использовано в медресе в качестве учебного материала – все это говорит о том, какое важное место на протяжении веков это произведение занимало в духовном мире тюрко-татарского народа [6, 24]. Переходя из уст в уста, будучи многократно переписанной шакирдами медресе, оно способствовало созданию “безавторских” вариантов поэмы (это явление характерно для всех дастанов на любовный сюжет). Сегодня мы имеем десятки народных вариантов этого сюжета. Следовательно, известная поэма сохранилась в народе не только как литературное произведение, созданное Кул Гали, но и распространялась как фольклорное творчество.

Суть татарского романического дастана и упоминание героев в других дастанах

Выше мы рассмотрели причины распространения сюжетов на любовную тему в Поволжье, проблемы возникновения новых вариантов, отражающих национальные особенности народа. А теперь обратим внимание на определение и своеобразие этих дастанов. Дастаны, отличающиеся множеством вариантов, активным распространением и популярностью в народе, называют романтическими и романическими. Известные ученые Е. М. Мелетинский [5, 141, 143, 145, 167], П. А. Гринцер [3, 3 – 44] и С. Ю. Неклюдов [8, 251 – 267] отдают предпочтение термину “романический”. Фольклорист Л. Х. Мухаметзянова [7, 261–318 и др.] в своих трудах также использует этот термин. На наш взгляд, термин “романический” в теории литературы близок к направлению “романтизм”, а термин “романизм” близок к принципу разделения жанров в литературе. Смысл названия близких к фольклору любовных дастанов этим термином состоит в стремлении рассматривать находящиеся между фольклором и литературой произведения как своеобразный жанр или разновидность жанра. Татарский эпос, известный как любовный дастан, называется “романическим эпосом” или “романическим дастаном”, подразумевает дополнительно к тематической близости и желание охватить их в рамках одного жанра. Опираясь на позицию известных ученых, в то же время в целях более объективной оценки этих произведений в рамках классификации татарских дастанов, мы в своей работе сочли нужным использование термина “романические дастаны”.

Как говорилось выше, романические дастаны тесно связаны с именами поэтов древних и средних веков Джами, Физули, Низами Ганджави, А. Навои, Меджлиси – авторов известных поэм. Иными словами, индивидуальное письменное творчество – область, тесно

связанная с литературой. Наряду с другими жанрами фольклора, например, сказками, байками, мунаджатами, легендами, афористическим и обрядовым фольклором это и является главной особенностью жанра дастан. Но своеобразие татарского романического дастана не ограничивается только этим. Эти произведения интересны тем, что внутри одного упоминается другое, т. е. в рукописные тексты, описывающие историю любви двух влюбленных, проникают герои других романических дастанов. Например, в одном из дастанов, основанных на сюжете Тахир-Зухра, совет и одновременно угроза дервиша царю и визирю выглядят следующим образом:

Әгәр дә бер-беренән аерсаңыз, башларына Фәрһад илә Шириң, Ләйли илән Мәжәнүн, Арзу илән Канбер, Вамику илән Гарәр, Варика илән Гөлшән башларына күлгән хәлләр шикелле гәжәп хәлләр килем, кыямәткәчә телләрдә хикәят улын сөйләнәр ди [11, 208].

(Если разлучите их, то с ними может приключиться то, что случилось с Фархад и Шириң, Лейла и Меджнун, Арзу и Канбер, Вамику и Гарэр, Вака и Гульшах, и это будет как рассказ переходить из уст в уста вплоть до судного дня).

Как видим из примера, дервиш во избежание несчастий еще до рождения детей предупреждает отцов, напоминает, что в случае разлуки в судьбе Тахира и Зухры повторится трагедия героев произведения, широко распространенного у мусульманских народов. Но несмотря на предупреждение дервиша царь не выполняет своего обещания и делает все, чтобы разлучить детей. Это становится причиной того, что жизни юноши и девушки заканчиваются трагически. В конце дастана имена влюбленных пар, упомянутых ранее, повторяются снова: ...*Тахир илән Зәһрә, Фәрһат илән Шириң, Ләйлә белән Мәжәнүн, Арзу илән Канбер, Варика илән Гөлшән-бонлар бер-беренә хакыйкать гашыйклардыр. Ахырыл-әмер һәркайсы моратларына жәтә алмый китмешләрдер. Бу фани әөньяда кыйссаларны гыйбәт өчен вә укучылар дога кылмак өчен калдырмышлардыр* [11, 248].

(... Тахир и Зухра, Фархад и Шириң, Лейла и Меджнун, Арзу и Канбер, Вака и Гульшах были истинными влюбленными. Но в конце они не достигли своей цели. В этом бренном мире эти повествования остаются для поучительного примера и для молитв читателей).

В данном случае переписчик дастана в список влюбленных включает Тахира и Зухру, повествует о том, что эти влюбленные не смогли быть счастливыми в этом мире и погибли молодыми. Любовное повествование о влюбленных надо воспринимать как поучительный пример и молитву для будущих поколений.

Упоминание в одном дастане имен других героев мы видим и в дастане “Шахсенем и Гарип”. В зчине этого произведения нет предупреждения, но встречается только в конце дастана:

Иляни, гашыйк бәндәләреңне, Йосыф-Зөләйхадик морадларыга йиткергәйсен. Амин [11, 245].

(О, Аллах, ты своих влюбленных уподобил судьбе Юсуфа-Зулейхи. Аминь).

В этом месте также повествуется о безвременной гибели юноши и девушки. Главные герои стоят в одном ряду с Юсуфом и Зулейхой. Как известно, любовь Юсуфа и Зулейхи заканчивается мотивом счастливого соединения. Среди романических дастанов это довольно редкое явление. Как правило, в конце дастана почти всегда герои трагически погибают. Шахсенем и Гарibu также не было суждено обрести счастье в этом мире, поэтому в конце произведения есть молитва о том, чтобы любовь всех влюбленных мира была крепкая и долгая, как любовь Юсуфа и Зулейхи.

Приведенные выше примеры интересны тем, что переписчик или рассказчик делают выводы, исходя из религиозных взглядов. Рассмотренные нами отрывки также заканчиваются молитвой. В них чувствуется скорбное, сочувствующее отношение автора к вере, к трагедии молодых. В целом, своеобразие татарских романических дастанов состоит в значительной степени в проникновении исламской идеологии.

Явление упоминания в одном любовном дастане героев другого любовного дастана часто встречается и в литературных версиях. Например, в поэме Низами «Лейла и Меджнун» с целью наращения образности поэт использует внешний вид Юсуфа как объект сравнения:

*Когда очнется утренний восток,
Юсуфоликий царь приходит в срок [2].*
Еще один пример с этим же героем:
*Так сонм к Зулейхе приглашенных жен
Красой Юсуфа был заворожен,
Что восхитясь при виде красоты,
Забыв лимон, порезали персты [2].*

В этой же поэме он обращается к произведению «Вамик и Азра», восходящему своими корнями к греческому роману:

*Так шел в песках, скрывая слезный лык.
По Азре стосковавшийся Вамик,
Так, прихватив нехитрый скарб с собой,
Тюрк с караваном бродит кочевой [2].*

Следует отметить, что если в татарских фольклорных вариантах упоминание о любовных героях служит предупреждением родителям, напоминанием об истории любви с трагическим концом, в литературных поэмах эта картина используется для придания главным героям более красивой внешности.

Как мы видим, упоминание в одном дастане героев другого дастана наблюдается и в романических дастанах, и в литературных версиях. Герои трагической судьбы, живущие в памяти народа, сформировались как идеальные образы влюбленных. Имена героев повторяются в повествовании об истории влюбленных героев со схожей судьбой. На наш взгляд, народ, который правильно понимал идею и мораль дастанов, руководствовался мыслью “влюбленных нельзя разлучать”, а события произведений оценивал с этой точки зрения.

Особенности передачи в татарских романических дастанах понятия нравственности

Ранее, когда мы выявляли причины активного распространения татарского романического дастана, отметили, что произведения соответствовали менталитету народа, его духовным ценностям, и, таким образом, в соответствии с исламским шариатом обрели чрезвычайную популярность. Эти ценности отражают нрав, поведение и мировоззрение героев дастана. Для полноты представления этих явлений обратимся к образам главных героев произведений.

Главный герой татарских романических дастанов – красивый, внешне совершенный, отважный, преданный своей возлюбленной, искренне уверовавший в Аллаха, уважающий и почитающий своих родителей, в то же время верный своим жизненным принципам, сильный, волевой образ. Для него разлука с любимой девушкой – испытание хуже смерти, поэтому становится понятно, почему герой, видящий смысл жизни лишь в любви и верности к объекту любви, в конце произведения трагически погибает.

Если обратимся к народным вариантам дастана, то и разговорные формы, и рукописи получили широкое распространение. До сего времени находят древние рукописи дастана, посвященные Юсуфу. Если обратиться к народным вариантам этого романического дастана, в них, как и в других романических дастанах, юноша не страдает от своего чувства любви. Юсуф – посланник Аллаха. Своими поступками он демонстрирует силу ислама – истинную веру в Аллаха. Если в других, построенных на другом сюжете, любовных дастанах изображается стремление юноши и девушки к встрече, то Юсуф сам сбегает от Зулейхи. Он боится совершить грех, чрезмерно увлекшись красотой женщины.

В произведении поэта Кул Гали “Сказание о Йусуфе” в качестве советника Юсуфа предстает образ Джебраила. Он терпеливо обещает Юсуфу, что если тот будет воздержанным в желаниях, то они непременно встретятся. И, действительно, слова ангелов подтверждаются: через много лет Зулейха отрекается от идолов и становится правоверной Аллаха [11, 163].

Дастаны “Тахир и Зухра”, “Лейла и Меджнун”, “Сайфульмулюк”, “Йосыф китабы”, “Шахсенем и Гарип” и другие дастаны с любовной тематикой – вечные произведения, посвященные описанию чистой, целомудренной любви молодых. Через образы безвременно погибших молодых людей татарский народ описал свое представление о храбрости, преданности, целомудренных чувствах и красоте, которые соответствовали его идеалу. В них наряду с любовью пропагандируются идеи свободы личности, стремления к эстетическому идеалу, разоблачается несправедливость, но религиозная идеология критике не подвергается. В силу формирования мировоззрения главных героев на основе канонов шариата герои в связи с трудностями постоянно обращаются к Аллаху и находят его поддержку. Это явление свидетельствует о сильном влиянии ислама на романические дастаны.

Эпических произведений, построенных на любовном сюжете, когда влюбленные до последнего дыхания остаются верными друг к другу, создано немало. В них красной нитью проходит идея любви как самого сильного, великого и бессмертного чувства. Но в таких произведениях отношение героев к нравственным нормам различное. Яркий тому пример средневековый рыцарский роман “Тристан и Изольда”.

Обманывая своего мужа Марка, Изольда продолжает тайно встречаться с Тристаном, а Тристан перед смертью через свою жену зовет Изольду – все это иллюстрирует несоответствие поступков героев с канонами общества, однако любовь все равно выходит на передний план. Выясняется, что чувство влюбленных оказывается сильнее нравственных норм, различных испытаний и даже смерти. Г. И. Поспелов пишет по этому поводу: «“Тристан и Изольда” – это поэма по своей жанровой форме и роман по жанровому аспекту своего содержания. Хотя он заключает в себе побочные мотивы героического эпоса, он переосмысливает характеры рыцаря и королевы по-новому видит и утверждает в них право личности на нравственную свободу» [9, с. 196].

Аналогичным примером служат и стихотворные строки персоязычного поэта XI в. Фахретдина Гургани из эпоса “Вис и Рамин”. Здесь также чувство любви доминирует над нравственными и религиозными нормами, а также над понятиями совести и чувства родства [1].

Рассмотрим один из вариантов дастана на татарском языке “Лейла и Меджнун”, обладающего множеством тюркоязычных фольклорных вариантов и литературных версий. В произведении Лейла с целью встретиться с возлюбленным Меджнуном приходит в степь. Влюбленные встречаются. Несмотря на сильную любовь к Меджнуну, считая его смыслом своей жизни, Лейла не подходит к юноше близко, ее останавливает прочитанный с Ибн Саламом никах.

Как видим, тесно связанные с исламской идеологией романические дастаны, описывая историю любви двух влюбленных, не переходят границы совести и нравственности. Это явление – одна из важных особенностей татарских романических дастанов.

Заключение

Татарские романические дастаны не отражали повседневные проблемы народа или исторические события. В них главное внимание направлено на чувства и переживания героев, на внешнюю и внутреннюю красоту, на борьбу против несправедливых канонов общества. В то же время, дастаны показывают, что татарский народ был хорошо знаком с литературой, фольклором, понимая заложенную в них мораль, мог разумно и уместно ее использовать.

Как видно из исследования, татарский народ в той или иной мере был знаком с восточной литературой, произведения в устной или письменной форме на этой почве нашли широкое распространение. Что интересно, народ в процессе пересказа или переписывания в одну историю любви очень уместно, органично умел включать историю другой любви.

На наш взгляд, явление использования влюбленных героев в качестве примера, возможно, пришло из восточной литературы, ибо в процессе исследования было замечено, что упоминание влюбленного героя в другом произведении наблюдается и в литературных поэмах. Исходя из этого, можно предположить, что в процессе фольклоризации литературного произведения сохранялись стиль произведения и его языковые особенности.

Отмечаем, что наблюдается тесное взаимопроникновение татарского романического дастана и литературы. Действительно, общность сюжета, использование одних и тех же символов, мотивов свидетельствуют о близости границ между ними. Тем не менее, татарские дастаны, основанные на любовном сюжете, отражают мировоззрение народа, его отношение к знаниям, а сохранение дастанов как письменное творчество дают большую возможность создать общее представление о прошлой истории народа.

Л и т е р а т у р а

1. Гургани Фахриддин Вис и Рамин [Электронный ресурс]. URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/21812-fahriddin-gurgani-vis-i-ramin.html>
2. Гянджеви Низами Лейли и Меджнун [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=130843&p=4>
3. Гринцер П. А. Две эпохи романа (вводная статья) // Генезис романа в литературах Азии и Африки. Национальные истоки жанра. М: Наука, 1980. С. 3-14.
4. Давлетшин Г. М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – 431с., с табл. и рис.
5. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. – 320 с.
6. Миннегулов Х. Ю. Тюркское народное творчество. – Казань, 2014. – 60 с.
7. Мухаметзянова Л. Х. Татарской эпос: книжные дастаны. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2014. – 380 с.
8. Неклюдов С. Ю. От эпоса к роману // Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. – М.: Наука, 1984. – С. 251-267.
9. Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Русский язык и литература». – М., «Просвещение», 1971.
10. Татар әдәбияты тарихы: 6 томда. Казань: Таткнигоиздат, 1985. – Т.2. – 568с.
11. Татар халык ижаты. Дастаннар. – Казан: Татар.кит. нәшр., 1984. – 384 с.

R e f e r e n c e s

1. Gurgani Fahriddin Vis i Ramin [Elektronnyj resurs]. URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/21812-fahriddin-gurgani-vis-i-ramin.html>
2. Gyandzhevi Nizami Lejli i Medzhnun [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=130843&p=4>
3. Grincer P. A. Dve epohi romana (vvodnaya stat'ya) // Genezis romana v literaturah Azii i Afriki. Nacional'nye istoki zhanra. M.: Nauka, 1980. S. 3-14.
4. Davletshin G. M. Ocherki po istorii duhovnoj kul'tury predkov tatarskogo naroda (istoki, stanovlenie i razvitiye). – Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2004. – 431 s., s tabl. i ris.
5. Meletinskij E. M. Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana. M: Nauka, 1986. – 320 s.
6. Minnegulov H. Yu. Tyurkskoe narodnoe tvorchestvo. – Kazan', 2014. – 60 s.
7. Muhametzyanova L. H. Tatarskoj epos: knizhnye dastany. – Kazan': IYALI im. G. Ibragimova, 2014. – 380 s.

8. Neklyudov S. Yu. Ot eposa k romanu // Neklyudov S. Yu. Geroicheskij epos mongol'skikh narodov. – M.: Nauka, 1984. – S. 251-267.

9. Pospelov G. N. Problemy istoricheskogo razvitiya literatury. Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po spec. №2101 «Russkij yazyk i literatura». – M., «Prosveshchenie», 1971.

10. Tatar ədəbiyatı tarixi: 6 tomda. Kazan': Tatknigoizdat, 1985. – T.2. – 568s.

11. Tatar halyk iżaty. Dastannar. – Kazan: Tatar.kit. nəshr.,1984. – 384 s.

– ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ –

УДК 821.512.157-31 Кулаковский.09

А. Г. Дарбасова

Из истории создания повести Р. А. Кулаковского «Жизнь отца»

СВФУ им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что интерес к «личному творчеству» выдвигает на первый план творческую индивидуальность автора и историю созданного им произведения. Так, для воссоздания творческой истории документальных повестей и романов необходимо установление литературных источников и влияний. Данная статья посвящена изучению творческой истории основного произведения поэта, прозаика, фольклориста Реаса Алексеевича Кулаковского повести-воспоминания «Абам олоо» («Жизнь отца»). Произведение имеет богатую творческую историю, которое берет начало с 1960-х гг. Первые главы повести были напечатаны на страницах журнала «Хотугу сулус» в 1988 г., в номерах 9, 10. Отдельной книгой повесть вышла в 1990 г. в Якутском книжном издательстве. В создании повести автор основывается на подлинные факты и документы о жизни и деятельности классика якутской литературы, а также на собственные наблюдения и рассказы близких родственников. В поисках материала для книги Р. А. Кулаковский объездил места пребывания отца с целью сбора фактологических источников. Вышесказанное позволяет сделать вывод об актуальности исследования творческой истории повести «Жизнь отца». Цель работы состоит в определении роли фактического материала и воспоминаний современников в создании повести-воспоминания на основе рукописных материалов из личного архива писателя. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: произвести анализ рукописей, писем, воспоминаний из личного архива писателя; исследовать особенности использования в повести записей, сделанных со слов современников главного героя; изучить имеющийся материал о жизни и творчестве писателя в период работы над повестью. Методологическую основу исследования составляют системно-комплексный подход в изучении явлений литературы, следования принципам и методам конкретно-исторического анализа, раскрытия причинно-следственных связей в литературе. Основой исследования явились труды Н. К. Пиксанова, Б. В. Томашевского, Л. Р. Кулаковской, П. В. Сивцовой-Максимовой, Л. Н. Романовой и др.

Ключевые слова: Р. А. Кулаковский, творческая история, художественное наследие, история якутской литературы, замысел, личный архив, фактологические источники.

ДАРБАСОВА Анастасия Григорьевна – магистрант Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

E-mail: nana93.93@inbox.ru

DARBASOVA Anastasia Grigorievna – Master's student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University M. K. Ammosov.

A. G. Darbasova

**From the history of the creation of the novel « My father's life»
by Reas Kulakovskiy**

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The relevance of the topic of the article is due to the fact that the interest in "personal creativity" highlights the creative individuality of the author and the history of the work created by him. Thus, in order to recreate the creative history of documentary stories and novels, it is necessary to establish literary sources and influences. This article is devoted to the study of the creative history of the main work of the poet, prose writer, folklorist Reas Kulakovskiy story-memoirs "My father's life". The work has a rich creative history, which dates back to the 1960s. The first chapters of the story were published on the pages of the Khotugu Sulus (Polar Star) magazine in 1988, issue 9, 10. The story was published as a separate book in 1990 by the Yakutsk publishing house. The story is based on true facts and documents about the life and work of the classic of Yakut literature, as well as on author's own observing and stories told by close relatives. In search of material for the book, he traveled around the places of his father's residence in order to collect factual sources. The above mentioned allows us to conclude about the relevance of the study of the creative history of the story "My father's life". The purpose of the work was to determine the role of factual material and the memories of contemporaries in creation of a story-memoir based on manuscript materials from the personal archive of the writer. To achieve this goal, the following tasks were solved: to analyze manuscripts, letters, memoirs from the writer's personal archive; to study the peculiarities of using the records that were made from the words of the main character's contemporaries; to study the available material about the life and work of the writer during the period of work on the story. The methodological basis of the study was a system-integrated approach to the study of the phenomena of literature, adherence to the principles and methods of particular historical analysis, and revealing of causal link in literature. The research was based on the works of N. K. Piksanov, B. V. Tomashevsky, L. R. Kulakovskaya, P. V. Sivtseva-Maksimova, L. N. Romanova, and others.

Keywords: Reas Kulakovskiy, creative history, artistic heritage, history of Yakut literature, idea, personal archive, factual resources.

Введение

Объективность прочтения и толкования любого художественного произведения во многом зависит от знания его творческой истории. Именно в работе автора над произведением выявляется его творческая воля и тот аспект литературной деятельности, который будет воздействовать на читателя после выхода произведения в свет.

Понятие «творческая история произведения» как *тип научного исследования* начинает использоваться в литературоведении с 1920-х гг. Проблема получила подробное обоснование в работах Н. К. Пиксанова «Новый путь литературной науки» и «Творческая история «Горя от ума» [10]. Исследователь считает воссоздание творческой истории основой генетического изучения литературы, при этом говорит о необходимости рассмотрения относящихся к произведению материалов. Это могут быть письменные и устные автосвидетельства, зафиксированные в письмах, дневниках, мемуарах

современников, а также планы, наброски, черновые и беловые автографы, списки, корректурные листы, прижизненные и печатные издания. Таким образом, опираясь на данные окончательного текста с использованием вышеперечисленных материалов, можно воссоздать эволюцию основного замысла произведения. Кроме этого, Н. К. Пиксанов рекомендует привлекать биографию писателя, различные типы комментариев (литературный, реальный, исторический) [9]. Для воссоздания творческой истории произведения необходимо также исследовать и эволюцию языка произведения, его стихи, метрики, сюжета, композиции.

Воссоздание творческой истории тесно связано с текстологией и обязательно опирается на ее данные. Сравнение разных редакций и вариантов одного произведения проясняет отдельные сцены, эпизоды, действия героев, причины которых не всегда бывают очевидны из-за того, что автор в процессе доработки по каким-либо причинам устраниет в более позднем тексте отдельные реплики, действия.

Поэт, прозаик, фольклорист Реас Алексеевич Кулаковский, яркий представитель второй волны якутской интеллигенции, оставил после себя заметный след в якутской литературе – уникальное наследие с точки зрения широкой тематики и системы образов своих произведений, отражающих реалии жизни общества второй половины XX века. В статье «Художественные поиски якутской литературы 1960-1990-х годов. Повести Р. А. Кулаковского» П. В. Сивцева-Максимова пишет, что «литературное наследие Р. А. Кулаковского можно назвать одной из заметных и значительных страниц истории якутской литературы второй половины XX в., которая отличается идейно-тематическими и даровыми новациями, возрастанием роли и значения авторства» [8, с.82].

Основное произведение Р. А. Кулаковского – повесть-воспоминание «Аճам олою» («Жизнь отца») о жизни основоположника якутской литературы А. Е. Кулаковского [11], единственным сыном которого является автор. Произведение имеет богатую творческую историю, которое берет начало с 1960-х гг. Первые главы повести были напечатаны на страницах журнала «Хотугу сулус» в 1988 г., в номерах 9, 10. Отдельной книгой повесть вышла в 1990 г. в Якутском книжном издательстве.

В создании повести автор основывается на подлинных фактах и документах о жизни и деятельности классика якутской литературы, на материалах периодической печати начала XX века [3], также на собственных наблюдениях и воспоминаниях близких родственников. В поисках материала для книги Реас Алексеевич объездил места пребывания отца с целью сбора фактологических источников.

В результате изучения рукописей из личного архива писателя обнаружены записи с воспоминаниями современников А. Е. Кулаковского, которые нашли отражение в повести. Некоторые из них даны автором почти в неизмененном виде, другие стали основой для построения сюжетных линий. Р. А. Кулаковский записал также песни народных исполнителей, чьи имена упоминаются в повести. По каким соображениям автор не включил их в окончательную редакцию – стоит еще установить.

Основная часть

Специального издания о жизни и творчестве Р. А. Кулаковского нет. Только в 2014 году был издан Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Проблемы национальной литературы: художественные поиски второй половины XX в. и современность», посвященной 100-летию со дня рождения писателя.

Статья Л. Н. Романовой «Якутская поэзия 60-80-х годов XX в. в контексте общероссийской литературы» посвящена поэзии «шестидесятичества», когда сформировался новый тип писателя, сочетавшего в себе и активного преобразователя мира и рефлексирующую личность. Внимание исследователя привлекает пейзажная лирика Р. А. Кулаковского, имеющая большой эстетический эффект, пристекающий из чуткого отношения поэта к окружающему миру. Автор выделяет и стихи дидактического

плана, в которых проявляется «учительская сущность автора, но при этом назидания не носят характер нравоучения, они даны в виде добрых советов, пожеланий, плавно переходящих в благословение-алгыс» [8, с. 90].

Сатирический и юмористический тон рассказов Р. А. Кулаковского рассмотрен в статье Т. П. Самсоновой в контексте философско-эстетических категорий в сравнении с рассказами И. П. Никифорова. Обнаруживая общность объектов осмейния и приемов их изображения, которые обусловлены мировоззренческой близостью эстетических и нравственных взглядов обоих писателей, исследователь говорит о том, что их рассказы созданы в духе традиции классиков якутской литературы.

В статье М. А. Кириллиной «Р. А. Кулаковской айар үлэтин уратыта» («Особенности творчества Р. А. Кулаковского») впервые дана жанровая классификация прозы писателя: документальная повесть («Абам олою»), историческая повесть («Аан аылынна», «Тиит төрдүн аайы – чооруостар»), детективная повесть («Олох лабаалара»), социально-психологический рассказ («Оо, абаккам!»), бытовые рассказы, охотничьи рассказы («Киhi доююро»), предания, легенды («Бойуот», «Нъаат атаын санатар»), юмористические рассказы («Тииспект-тааспат буоллахха», «Сурук», «Маттамабыыл барахсан», «Оччюо ынахпын абал»), рассказы для детей («Антыр бафайы», «Быыны килиэп») [8, с.243].

Особенности поэтики повестей, основанных на преданиях, рассматривает Н. И. Бережнева, подчеркивая присутствие в сюжете повестей Р. А. Кулаковского нравственных норм, ментальных понятий якутов о жизни, любви, судьбе, а также представлений о будущем человека [8, с.252].

Вопрос языка произведений писателя рассмотрен в статье Н. И. Даниловой «О языке произведений Р. А. Кулаковского» на материале анализа рассказов и повестей в сборнике «Сээннэр-кэпсээннэр» («Повести-рассказы») (1984). Автор делает следующие выводы: частое использование писателем звукоподражательных и образных глаголов; употребление функциональных форм глагола, которые способствуют яркости, образности, эмоциональности описания; употребление служебных частей речи и специфичных слов, свойственных только стилю писателя. При этом исследователь отмечает, что «до сих пор комплексное системное описание языка произведений якутских авторов ни в лингвистическом, ни в междисциплинарном аспекте с привлечением методов языкоznания и литературоведения не проводилось» [8, с.324].

На материале произведений Р. А. Кулаковского написана статья Н. Н. Ефремова «Функционирование конструкций с отношениями обусловленности в художественном тексте (по материалам произведения Р. А. Кулаковского)». Автор говорит о том, что мастерство писателя во многом достигается использованием базовых синтаксических структур якутского языка, а именно все разновидности полипредикативных предложений и конструкций [8, с.330].

Языку произведений Р.А. Кулаковского посвящены также статьи Л. М. Готовцевой и Е. М. Самсоновой о функционировании фразеологизмов в повести-воспоминании «Абам олою» и особенностях выражения повторяемости действия в художественном тексте [8, с. 343, с. 350].

Вопросам воспитательного значения творчества Р. А. Кулаковского, опыту изучения его произведений на уроках внеклассного чтения, а также воспитывающему значению языка произведений для учащихся школ посвящены статьи С. Д. Дарбасовой, В. Р. Шишигиной, А. Н. Моисеевой, Р. Н. Гороховой и др. Произведения Р. А. Кулаковского заставляют читателя задуматься, дают душевную разрядку, которая позволяет сопереживать событиям и испытывать сострадание, что говорит о большой методической помощи произведений Р. А. Кулаковского учителям и преподавателям.

В якутской литературе повесть-воспоминание Р. А. Кулаковского «Жизнь отца» занимает особое место. Во-первых, это повествование сына об отце, который еще при жизни стал духовным лидером родного народа и был первым исследователем из якутов в

разных областях науки, человеком, положившим начало якутской литературе. Во-вторых, появление жанра «повесть-воспоминание», основанного на документах, для якутской литературы этого периода было значительным явлением.

Из воспоминаний Р. А. Кулаковского следует, что в 1962 г. во время 85-летнего юбилея отца он решил попробовать себя в писательской деятельности и обратился известному ученому Г. П. Башарину. Знаток и исследователь жизни и деятельности первого якутского поэта благословил его и посоветовал обратиться народному писателю Д. К. Сивцеву-Суорун Омolloону. В том году Р. А. Кулаковский написал свои первые произведения: рассказ «Наммаңа» и повесть «Бойуот», которые получили положительные оценки читателей.

В 1965 г. увидела свет первая книга «Сыккыс» («Ручеек»). Д. К. Сивцев благословил Р. А. Кулаковского на дальнейшую творческую деятельность: «Эн үгүс эрэйинэн, санааъын биэрбит кинигэн дъэ табыста! Онон эйиигин тохсус օбобунан (бастакы духовнай օбобунан) ис сурэхпиттэн эбэрэллибин! ... Аны мин бишири баъарабын – бу кинигэн օбото тулаайах буолбатыгар – бырааттардаах, балыстардаах буоларыгар» [5] («Наконец-то увидела свет книга, созданная через долгие муки и душевную боль! От всего сердца поздравляю с девятым ребенком (с первым духовным детищем)! ... Теперь я пожелаю, чтобы твое детище не было сиротой, а имело братьев и сестер»).

В 1977 г. в возрасте 63 лет Р. А. Кулаковский стал членом Союза писателей СССР. За свою тридцатилетнюю творческую деятельность он создал высокохудожественные произведения, которые напечатаны в 13 книгах. При жизни писателя увидели свет 9 книг, после смерти изданы еще 4 книги.

Как писатель-прозаик Р. А. Кулаковский одним из первых в якутской литературе поставил социальные и экологические проблемы. Он раскрывает современную деятельность, картину жизни трудовых будней, а также взаимоотношение людей друг к другу. Так, в произведениях «Киши доборо» («Друг человека»), «Булчут кэпсээннэрэ» («Рассказы охотника») показывает связь человека с окружающей средой, ставит проблему охраны природы. В таких произведениях как «Бойуот», «Олох лабаалара» («Ветви жизни»), «Сэмэй таптал қүүхэ» («Сила любви»), «Кистэлэн кэпсээннэрим» («Мои тайные рассказы») описание настоящей и прошлой жизни приведены правдиво и с убеждающей силой.

В поэтическом творчестве Реаса Кулаковского особое место занимает пейзажная лирика. Практически все его произведения связаны с природой, которую он описывает с особым упоением вплоть до ее обожествления.

Но главным произведением и делом всей жизни писателя является повесть-воспоминание об отце, над которым он работал в течение 11-ти с лишним лет. Современное литературоведение определяет «повесть» как эпический прозаический жанр, занимающий промежуточное место между романом, с одной стороны, и рассказом и новеллой – с другой. Повесть-воспоминание – соединение двух жанров в один. Как, например, роман-эпопея или роман в письмах.

В период работы Реаса Кулаковского над повестью в 1984 г. в журнале «Хотугу сулус» была напечатана статья П. Д. Аввакумова, будущего редактора книги, где речь идет о замысле повести-воспоминания. Р. А. Кулаковский сначала задумал художественный роман об отце и начал работать над ним, но после того как прочел, написанным не удовлетворился. «Отец перенес много бед из-за беспочвенной клеветы, страдал, поэтому я решил написать произведение, основываясь на документы, чтобы как можно достовернее воссоздать его образ. Изучил изданные Г. П. Башариным, Е. Е. Алексеевым и др. книги про отца, после чего основываясь на документы, которые передал мне П. И. Филиппов, И. Е. Федосеев, на советы ученых про гражданскую войну в Якутии, а также на рассказы людей, с которыми ездил отец, начал свою работу. Так, писал эту работу одиннадцать лет» [12, с.108-109].

В статье «Өксөкүлээх Өлөксөй өлбөөдүйбэт мөссүөнүн арыйар кинигэ» («Книга, раскрывающая нетускнеющую личность Екsekюляха Алексея») из материалов конференции, посвященной повести-воспоминанию «Жизнь отца», напечатанной в журнале «Чолбон» №8 в 1991 г. Д. Н. Павлов пишет: «Стоит отметить, что Рeас Алексеевич написал книгу, понятную читателю, про рано ушедшего отца, перенесшего все тяготы, которые выпадают на долю одного человека, выдающуюся личность, кем восхищается вся Якутия. Очевидно, что произведение с большим вниманием читали ценители якутской литературы. Язык произведения прост, ясен, значителен, книга написана подлинно материнским языком» [8, с. 122].

Книга увидела свет в 1990 году тиражом в 15000 экземпляров и стала большим событием в литературной жизни Якутии. Но история создания произведения: от замысла до публикации, имеет отдельную историю. О начале работы над повестью мы узнаем из автобиографии писателя «Олохпуттан абыяах тыл» («Несколько слов о моей жизни»), где он вспоминает о разговоре с народным писателем Якутии Д. К. Сивцевым-Суорун Омolloоном: «Абан туңунаң докуменнарга олобуран, биографическая сэһэннэ дуу, туохта эрэ сурый эрэ» диэн турда. Мин аккаастанан көрдүм да, кыах биэрбэтэ. «Эн уонна бу биниги көлүөнэ өллөхпүтүнэ, ким билэн-көрөн суруйуой? Эн, дьөрү, тиис аннынар мас саңа солуну суруйдааххына да – ол туһа, улахан туһа буолуох этэ. Эн хайаан да сурый», диэн булгуччулаахтык сорудаахтаата. Ити сорудаахтык ыар сојус буолла. Уонтан тахса сыл устатыгар сүүрдүм-көттүм. Эт-тирии баранан баран, дьэ бүтэрдим» [5] («Напиши биографическую повесть про своего отца, основываясь на документы». Я попытался было отказаться, но тот не дал возможности. «Когда нас, нашего поколения не станет, кто сможет об этом написать? Если ты напишешь работу размером хоть в зубную палочку – это будет большой заслугой. Ты обязательно напиши». Это задание действительно оказалась трудным. Больше десяти лет трудился в поте лица и вот только закончил» [5, с.5].

Однако мысль о создании произведения о своем отце писатель вынашивал долго. В архиве Р. А. Кулаковского мы нашли пожелевший листок со стихотворением о клятве рассказать правду об отце, имя которого незаслуженно очернена властью тех лет. Точную дату, когда были написаны эти строки, установить не удалось, но по предположению Л. Р. Кулаковской это 1945-1950 гг. (по специфике бумаги, чернил):

Кэмчى кэрэгэй да буоллар
Кэпсээн сурыйан хаалларарга
А҃ам сордоох күлүгэр
Алта сыл анараа өттүгэр
Андаңар биэрбитим [7, с. 53].

Шесть лет тому назад
Перед образом несчастного отца
Дал я клятву, что напишу
Хоть скучно, хоть недостаточно
То, что знаю о нем. (перевод наш – А.Д.)

«Издание романа “А҃ам олою” – своего рода драма в нескольких действиях. Тут была и двойная цензура (ОК КПСС и КГБ), и попытка запрета издания, неуместного вмешательства со стороны редколлегии, апелляции к КГБ СССР о запрете со стороны критика Г. Г. Окорокова и старого коммуниста А. В. Паулина, уничтожение по указу обкома уже набранного текста. Порой нападали совсем с неожиданной стороны. Например, народный писатель Н. Е. Мордиков-Амма Аччыгыйя на заседаниях редколлегии без основания настаивал на сокращении произведения и на изменении жанра, говоря, что это не роман, даже не повесть, а воспоминание. При этом он категорически требовал изменить название на «Кини олою» («Его жизнь») или «Тонгуу хаарынан» («По глубокому снегу»), чем привел в изумлении других членов редколлегии» [7, с. 53].

Известный журналист Д. В. Кириллин с огромным сожалением констатировал: «Директивнэй органнаар быначчы орооһууларынан набордаммым тиэкинэ ыныллан

турар. Бу суруйааччы айар улэтигэр толоостук орооюу буолар. Онон сээн хас да сыл сытан баран 1990 сыллаахха кинигэнэн тахсыбыта. Айымныны сэнээрии, ырытыы, суруйааччыга субэ-ама оногуллубатада» («Вследствие прямого вмешательством директивных органов был рассыпан набранный текст. Это было грубым вмешательством в творчество писателя. Поэтому повесть, пролежав несколько лет на полке, была напечатана отдельной книгой лишь в 1990 г. Не последовало никаких откликов на произведение, не было обсуждений, не было дано советов писателю») [5, с. 26].

Тут необходимо отметить воспоминание редактора газеты «Коммунист» Наримана Голикова «Үтүөкэн киһи эт» («Прекрасный был человек»), напечатанное в книге «Өксөкүлээх уола» («Сын Екесекюляха»), где автор вспоминает один из разговоров с писателем, откуда узнаем о том, что при редакции произведения, сократили вторую часть повести, вследствие чего, может остаться ощущение незавершенности произведения.

В связи с работой о жизни и деятельности отца давление на Р. А. Кулаковского со стороны власти имущих и некоторых партократов усилилось. Кроме морального давления он был лишен надбавок к заработной плате учителя и т.п. В своих воспоминаниях о Peace Кулаковском писатель Савва Тарасов: «Улуу киһи оюто буолар ыарылаабын-ынчыктаабын, абалаабын-саталаабын Peace Алексеевич билбэтэх буоллааына, сахалартан, ама, ким билбит, ким амсайбыт уhy!» («Кто из якутов познал такую боль, горечь и отчаяние, почувствовал, каково оно быть сыном великого человека, как не Peace Алексеевич!») [5, с. 23].

В книге «Өксөкүлээх уола» находим также воспоминание редактора повести П. Д. Аввакумова, где он дает полный текст предисловия к повести «Жизнь отца», написанный рукой Р. А. Кулаковского. Мы не знаем, почему Кулаковский не включил предисловие в окончательный вариант повести, но здесь он сформулировал цель своей работы: «Бу суруйуубар мин анардас афам эрэ олодун туңунан кэпсээбэккэ, оччотоою олоду, оччотоою дьону, ол эбэтэр афам туюх-ханык дьону кытта бодоруңан, хайдах-туох олохxo олорон аасптын көрдөрөр сыйлтан суруйдум» («Я написал не только про жизнь отца, но и собственно о жизни того времени, о людях той эпохи, с кем общался, в какое время и какую жизнь прожил отец – это было моей целью »). Кроме этого, чтобы открыть занавес творческой лаборатории писателя, П. Д. Аввакумов приводит несколько писем Р. А. Кулаковского к нему, откуда мы делаем вывод, насколько добросовестно он работает над замечаниями редактора [5, с.77].

Кроме скрупулезной работы над документами Peace Алексеевич проделал поистине беспрецедентный подвиг, объездив пол-Якутии в поисках воспоминаний современников отца. Известно, что писатель в 1970-1979-е гг. ездил по тропам отца в Вилюйск, Качикат, Мирный, Сунтар, Зырянку, Оймякон, Тикси, Кюсюри и Сеймчан.

Из статьи М. С. Иванова-Багдарыны Сүлбэ «Суруктар кэпсийиллэр» («Письма рассказывают») в журнале в третьем номере журнала «Чолбон» 2013 г. следует, что они с Peace Алексеевичем тесно общались, время от времени гостили друг у друга. Летом 1972 года писатель съездил к М. С. Иванову [2, с. 72].

В результате многолетней кропотливой работы и поездок по поиску документов и воспоминаний, связанных с его отцом, Р. А. Кулаковскому удалось собрать немалое количество материала, которые легли в основу повести.

В личном архиве писателя мы нашли воспоминания Павла Васильевича Дмитриева от 2 декабря 1914 г. о посещении А. Е. Кулаковским наслегов II Хоро и Аныкай Верхне-Вилюйского улуса. В зафиксированных записях Р. А. Кулаковский записал диалог между А. Е. Кулаковским и П. В. Дмитриевым, где речь идет об определении понятия «буржуй» от А. Е. Кулаковского. Данный факт отражается в повести на страницах 111-112 главы XX о пребывании А. Е. Кулаковского в Вилюйске. Воспоминание П. В. Дмитриева Peace Алексеевич использует в полном объеме, но в форме диалога не с Дмитриевым, а с Иваном Николаевичем (Быччаакы) и А. Е. Кулаковским, где первый

приносит выполненное задание от Павла Дмитриева. В записях зафиксирована просьба Екsecюляха Дмитриеву записать однодневную работу одного представителя из бедняков села. В повести Быччака приносит письмо от Павла Дмитриева, который по просьбе Кулаковского записал трудовой день бедняка. Третий момент в записях автора повести: А. Е. Кулаковский у Семена Кривошапкина, головы с. Аныкай, узнавал расходы 100 десятин земли, и получил такой ответ: «Икки-үс бөдөн ынах сүөһү атыты» («Цена двух-трех хороших коров»). Об этом разговоре в повести мы узнаем из уст того же Быччакы, который говорит, что Павел Дмитриев помнит разговор Кулаковского с Семеном Кривошапкиным. Тут необходимо отметить форму отражения данной информации, так как об этом разговоре автор узнал от современника отца П. В. Дмитриева, но посчитал это отразить в форме диалога между литературными героями, что воспринимается читателем более реалистично и понятно.

Также Р. А. Кулаковский зафиксировал текст песни танца (үнкүү тыла) Марии Ивановны Кирилловой (Чөнгөөт кыыһа):

«Эрэй бөбө эккирэтэн,
Сор-мун сойуолаан,
Аас-туор аймаан,
Үөскээбит үтүө дойдубуттан үүрүлүнүм
Иитилибүт ийэ дойдубуттан тэскилээтиим.
Абылапты аалай алааспыйттан
Атахынан куоттум.
Алтыарданыахпар диэри
Айан суолун батыныам,
Умса түнүөхнэр диэри
Унун суолу тутунуом».

В повесть данный текст не включен, но в XXI главе, на странице 115, автор упоминает имя М. И. Кирилловой. Речь идет о том, что в первое время пребывания А. Е. Кулаковского в Вилюйске в доме, где он остановился, собирались известные певцы и сказители, которые демонстрировали свои таланты. Данный сюжет, вероятно, основывается на следующую запись: «Учүгэй Марының үнкүү тылын этээччи, Мэнкэр Сэмэн үнкүү этээччи, Өлөкsey ону онгостон олорон истээччи» («Хорошая Марина говорила слова песни танца, Семен тоже водил танец с песнями, а Алексей внимательно слушал их»).

Далее из фиксированных в записях воспоминаний современников А. Е. Кулаковского следует: «Битнер «В области таинственного»... Өлөкsey ону ааған өр толкуйдуу сыйлыбыйт. Өлөкsey научнай өттүн үлүүйэн, бэккэ утатан турган аағара уонна ону бэккэ илдөөрүтэн үнүнүк толкуйдуур үгэстээбэ» (Алексей вчитывался в научные труды Битнера «В области таинственного», долго раздумывал. Алексей с упоением читал научные труды, содержание которых долго обдумывал). Автор записи не указан. В повести данный материал находит свое отражение в XXI главе, на странице 113, где автор описывает деятельность отца в Вилюйске, а именно исследования диалекта, грамматики и тюркского языка в целом, а также природных особенностей, народного творчества, изучал научные труды известных ученых.

На рукописном листе Р. А. Кулаковского сохранилась еще одна запись, написанная от лица А. Е. Кулаковского: «1921 г. Закончил печатать 1922 г. I) «Материалы для изучения «Верования якутов». В этом же году был командирован на северо-восточные окраины Як. губернии: для изучения диалектов як. яз., собирания и обработки материалов нар. творчества сроком 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г.». Данный факт биографии отражен в повести, оформившись в самостоятельную сюжетную линию об исследовательской деятельности А. Е. Кулаковского.

В записях Реаса Алексеевича фиксированы также события 1921-1923 гг. о пути А. Е. Кулаковского в Сеймчан через с. Баяга Баягантайского улуса, Охотск, оттуда в

с. Черкех. Мы узнаем ценную для биографии классика запись о том, что зимой 1922 г. больше месяца Алексей Елисеевич провел в заимке Назара Аммосова (Нанаар Омуохан). Автор воспоминания неизвестен. Данные воспоминания стали основой для построения сюжетных линий в произведении.

Отсюда можно сделать вывод, что встреча с людьми, которые в свое время сумели встретиться с А. Е. Кулаковским, позволила Р. А. Кулаковскому собрать информацию от современников отца, о чем говорят сделанные писателем записи. Приведенные факты нашли отражение в повести как источник воссоздания событий жизни классика, что является свидетельством того, что в произведении присутствует не только творческий вымысел автора, но и события, действительно имевшие место в жизни А. Е. Кулаковского.

Заключение

Исследование показало, что Р. А. Кулаковский прожил непростую жизнь, стал писателем после шестидесяти лет, что наблюдается крайне редко, но несмотря на это, он внес свой вклад и оставил заметный след в якутской литературе. Как сын выдающейся личности он создал цельный образ первого якутского поэта и мыслителя, фольклориста и глубокого исследователя культуры народа саха на основе собственных наблюдений, рассказов близких родственников и друзей, воспоминаний очевидцев и подлинных фактов и документов. Несомненно повесть-воспоминание может послужить ценным источником для исследователей жизни и творчества А. Е. Кулаковского.

Таким образом установлено, что повесть-воспоминание «Жизнь отца», основная работа Р. А. Кулаковского, незаслуженно осталась незамеченной критиками и ведущими писателями якутской литературы.

Изучение истории создания произведения – важная часть изучения художественной литературы. В этой связи результаты проведенного анализа записей Р. А. Кулаковского как подготовительного этапа создания повести-воспоминания позволяют сделать следующие выводы: автор провел большую работу по сбору материалов, послуживших источником воссоздания художественного образа А. Е. Кулаковского; воспоминания родственников и ближайшего окружения классика позволили осуществить авторский замысел о воспроизведении времени, в которое жил и творил А. Е. Кулаковский, а также об отношениях к нему окружающих людей; собранный автором фактографический материал стал основой для создания сюжетных линий, раскрывающих образ главного героя произведения; мастерство писателя отражается в умелом соединении авторского замысла и фактографического материала с целью довести до читателя полную драматизма, но в то же время плодотворную жизнь основоположника якутской литературы.

Отдавая должное тому, что было сделано исследователями, считаем, что история создания повести-воспоминания Р. А. Кулаковского требует более углубленного изучения как уникального произведения якутской литературы второй половины XX в.

Л и т е р а т у р а

1. Абам олоо: [Ахтыы-сээн] // Хотугу сулус. – 1988. – № 9. – С. 3-50; № 10. – С.3-58.
2. Багдарын Сүлбэ. Суруктар кэпсийлэр // Чолбон. – 2013. - № 3. – С. 72-75.
3. Дарбасова С. Д. Творчество А. Е. Кулаковского в якутской литературной критике 1920-1930-х гг.: начальный период осмысления и оценки наследия классика // Вестник Северо-Восточного федерального университета, серия «Вопросы национальных литератур» – 2021. – №2 (02). – С. 40-58.
4. Кулаковский Р. А. Жизнь отца: повесть-воспоминание. – Якутское книжное издательство, 1990. – 288 с.
5. Кулаковский А. Р. Өксөкуллээх уола. – Якутск: Сайдам, 2009. – 304 с.
6. Лихачев. Д. С. Текстология: краткий очерк. М.; Л.: Наука, 1964. – 102 с.
7. Павлов Д. Н. Өксөкуллээх Өлөкөсий өлбөөдүйбэт мөсүүнүн арыйар кинигэ: Реас Алексеевич «Абам олоо» дин ахтыы сэхэнгэр буолбут аабааччылао конференцияларын матырыяаллара // Чолбон. – 1991. – № 8. – С. 122-129.

8. Проблемы национальной литературы: художественные поиски второй половины XX в. И современность: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя, учителя, фольклориста Р. А. Кулаковского (г. Якутск, 18-19 июня 2014 г.) – Новосибирск: Наука, 2015. – 428 с.

9. Пиксанов Н. К. Новый путь литературной науки. Изучение творческой истории шедевра. Принципы и методы // Искусство. – 1923. – С. 94-113.

10. Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума». – М.: Наука, 1971. – 402 с.

11. Сивцева-Максимова П. В., Ильина Н. И. Фольклорные источники как моделирующие категории в художественных текстах А. Е. Кулаковского // Вестник Северо-Восточного федерального университета, серия «Вопросы национальных литератур» – 2021. – № 1 (01). – С. 41-52.

12. «Суруйуу кырдьыгы көрдөрөрүнэн күүстээх»: [Суруяааччылын кэпсэтийн / суруйда П. Д. Аввакумов] // Хотугу сулус. – 1984. – № 3. – С. 107-109.

R e f e r e n c e s

1. Ажам олоо: [Ahtyy-sehen] // Hotugu sulus. – 1988. – № 9. – С. 3-50; № 10. – С.3-58.

2. Bagdaryyn Sylbe. Suruktur kepsiiller // Cholbon. – 2013. – № 3. – С. 72-75.

3. Darbasova S. D. Tvorchestvo A. E. Kulakovskogo v yakutskoj literaturnoj kritike 1920-1930-h gg.: nachal'nyj period osmysleniya i ocenki naslediya klassika // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta, seriya «Voprosy nacional'nyh literatur» – 2021. – №2 (02). – С. 40-58.

4. Kulakovskij R. A. Zhizn' otca: povest'-vospominanie. – Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. – 288 s.

5. Kulakovskij A. R. Oksokyleekh uola. – Yakutsk: Sajdam, 2009. – 304 s.

6. Lihachev. D. S. Tekstologiya: kratkij ocherk. M.; L.: Nauka, 1964. -102 s.

7. Pavlov D. N. Oksokyleekh Өлөксөй өлбөөдүйжет мөсүүёнүн арыжар киниге: Reas Alekseevich «Ажам олоо» dien ahtyy seheniger buolbut ааңааччылao konferenciyalaryn matyryjaallara // Cholbon. – 1991. – № 8. – С. 122-129.

8. Problemy nacional'noj literatury: hudozhestvennye poiski vtoroj poloviny XX v. I sovremennost': materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya, uchitelya, fol'klorista R.A. Kulakovskogo (g. Yakutsk, 18-19 iyunya 2014 g.) – Novosibirsk: Nauka, 2015. – 428 s.

9. Piksarov N. K. Novyj put' literaturnoj nauki. Izuchenie tvorcheskoj istorii shedevra. Principy i metody // Iskusstvo. – 1923. – С. 94-113.

10. Piksarov N. K. Tvorcheskaya istoriya «Gorya ot uma». – M.: Nauka, 1971. – 402 s.

11. Sivceva-Maksimova P. V., Il'ina N. I. Fol'klornye istoki kak modeliruyushchie kategorii v hudozhestvennyh tekstah A. E. Kulakovskogo // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta, seriya «Voprosy nacional'nyh literatur» – 2021. – № 1 (01). – С. 41-52.

12. «Surujuu kyrd'ygy kөrderөrүnен күүsteekh»: [Curujaachchyllynn kepseti / surujda P. D. Avvakumov] // Hotugu sulus. – 1984. – № 3. – С. 107-109.

УДК 398.2(=512.1)+82-13

А. Ф. Корякина

История публикаций ранних записей эпических памятников якутов (вторая половина XIX-начало XX вв.)

СВФУ им. М. К. Аммосова, г.Якутск, Россия

Аннотация. Якутский героический эпос сегодня занял свое достойное место среди эпического творчества других народов мира. О том, что якуты любят хорошую песню, отмечали первые исследователи олончо. Народ передавал свое искусство от поколения к поколению в устном виде. Однако сегодня нельзя учесть, сколько древних, архаичных олончо история не смогла сохранить. В статье ведется изучение истории, особенностей собирания, публикаций и научного исследования ранних записей эпических памятников якутов, зафиксированных за период со второй половины XIX до начала XX вв. Вопрос сохранения якутских архаичных эпосов вызывает до сих пор интерес со стороны науки. Цель исследования: изучить историю собирания, проследить эволюцию и формирование фиксаций и публикаций ранних записей эпических памятников якутов в период со второй половины XIX по начало XX в. Для достижения цели решаются конкретные задачи: систематизирование по временной последовательности публикаций с ранними записями олончо; анализ ранних опытов фиксаций; прослеживание этапов формирования и эволюции последующих ранних записей олончо; предварительная попытка составления мотивного фонда ранних записей олончо. В результате в хронологической последовательности систематизированы публикации, в которых изданы ранние записи олончо, изучен опыт первых фиксаций, отражено научное изучение ранних текстов олончо.

Собранные из разных источников и систематизированные в хронологической последовательности ранние записи олончо; определенные особенности первых фиксаций и публикаций; выявление тематики, содержания, сюжетного состава, образной системы и составление предварительного мотивного фонда ранних текстов олончо; конкретизированные степени значимости исследований отдельных авторов могут стать важным источником для дальнейшего научного изучения олончо, привести к выявлению новых концепций, проблем и тенденций развития фольклористики в свете современных достижений эпосоведения.

Ключевые слова: якутское олончо; ранние исследователи; собирание текстов; история фиксаций; публикации; ранние записи; систематизация; обобщение опыта; мотивный состав.

Исследование выполнено в рамках НИП № 2 СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты».

КОРЯКИНА Антонина Федоровна – к. пед. н., старший научный сотрудник сектора «Олончоведение» Научно-исследовательского института Олончо, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: aitalilen@mail.ru

KORYAKINA Antonina Fedorovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of the sector “Olonch Studies” of the Olonch Research Institute, North-Eastern Federal University.

A. F. Koryakina

The history of documenting and publishing early records of the Yakut epic monuments (second half of the 19th – early 20th century)

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Surprisingly rich in content, fantastically grand in composition of heroes, distinguished by the beauty and richness of artistic and visual means and admirable for the uniqueness of the songs, the Yakut heroic epic today, undoubtedly, has taken its rightful place among the epic creativity of other peoples of the world. The fact that the Yakuts love a good song was noted by the first researchers of the olonkho. The people tried to transmit their art from generation to generation orally. However, today it is impossible to take into account how many ancient, archaic olonkho history could not preserve. The article studies the history, features of collection, publications and scientific research of early records of epic monuments of the Yakuts, recorded in the period from the second half of the 19th to the beginning of the 20th centuries. The issue of preserving the Yakut archaic epics is still of interest from science. Objective of the research: to study the history of collection, to trace the evolution and formation of documentations and publications of early records of epic monuments of the Yakuts in the period from the second half of the 19th to the beginning of the 20th century. To achieve the goal, specific tasks must be solved: systematization according to the time sequence of publications with early olonkho records; analysis of early documentation experiences; tracing the stages of formation and evolution of subsequent early records of olonkho; a preliminary attempt to compile the motif pool of early olonkho records. As a result, the publications in which the early olonkho records were published were systematized according to the temporal sequence, the experiments of the first fixations, the scholarly study of the early olonkho texts were studied. The scholarly novelty is determined by a preliminary generalization of the features of the work of researchers, a brief analysis of some documentations, identification of differences and definition of evolutions, an attempt to compile a motivational fund of early olonkho texts.

The results obtained (collected from various sources and systematized according to the temporal sequence of early olonkho records; certain features of the first documentation and publications; identifying the theme, content, plot composition, figurative system and compiling a preliminary motivational fund of early olonkho texts; specific degrees of significance of research by individual authors) will become an important source for further scientific study of olonkho, may lead to the identification of new concepts, problems and trends in the development of folklore studies in the light of modern achievements of epic studies.

Keywords: Yakut olonkho; early explorers; collecting texts; commit history; publications; early records; systematization; generalization of experience; motif composition.

The research was carried out within the framework of NIP # 2 of NEFU "An epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects."

Введение

Начиная с середины XIX в. российские, а затем уже якутские энтузиасты, фольклористы, исследователи начали записывать сохранившие свои архаичные особенности тексты олонхо от живых носителей и хранителей эпических традиций.

Предусмотренный статьей сбор историографических сведений из разных источников, систематизирование публикаций, обобщение данных предназначены подготовить почву для выявления особенностей ранних записей олонхо в системе якутского эпоса, разработать материал для проведения текстологического, типологического, когнитивного и историко-генетического исследования ранних записей эпических памятников. В этом актуальность работы.

В исследовании изучены и анализированы материалы первых фиксаторов якутского героического эпоса олонхо в ракурсах историко-сравнительного, сравнительно-типологического методов фольклористики. Определены особенности исторически ранних записей текстов якутского эпоса, прослежены этапы формирования и эволюции записей ранних текстов олонхо. В этом плане расширяются знания по изучению эпического наследия, определяются тематика, сюжетный состав, образная система в ранних фиксациях олонхо и составляется предварительный общий мотивный фонд ранних текстов олонхо.

Теоретической базой исследования послужили научные идеи В. Я. Проппа о принципах классификации фольклорных жанров, об особом значении письменной фиксации эпических произведений из-за естественности их устной передачи. Ранние тексты соответствуют нормальному звуковому, речевому бытию слова, органической связи слова с интонацией и мимикой, естественному контакту объекта и субъекта [1, с. 35-45]. В статье придерживаются принципы Б. Н. Путилова о периодах развития изучения фольклорных произведений, а именно то, что «фольклор <...> сначала записывается, систематизируется, публикуется, на сравнительно позднем этапе его истории и предстает уже как результат длительного развития» [2, с. 47]. Кроме того, теоретической базой статьи являются работы по якутскому эпосу: В. Л. Серошевского, П. А. Ойунского, Г. В. Ксенофонтова, А. П. Окладникова, И. В. Пухова, Г. У. Эргиса, Н. В. Емельянова, В. Н. Иванова и др. Впервые предпринятая попытка текстологического описания "многослойной" рукописи олонхо основывается на материалах К. Г. Оросина "Нюргун Бootур Стремительный" и серии "Образцы народной литературы якутов" под редакцией Э. К. Пекарского. При этом учитывается проведенная работа Н. А. Оросиной в статье «Самозапись олонхо К. Г. Оросина "Нюргун Бootур Стремительный": архивный первоисточник и научное издание» как выявление основных типов правок, сделанных самим фиксатором и редактором: замена диалектных слов литературной версией, перевод графических знаков алфавита Хитрова в алфавит Бетлингка, поправки грамматических ошибок в виде добавления недостающих букв, слогов, слов и удаления повторов. На основе изучения архивного первоисточника, в статье затронута проблема научного редактирования эпического текста в XIX веке [4, с. 159-162]. Это направление непременно найдет продолжение в научном изучении ранних текстов олонхо.

Первые фиксации и публикации ранних текстов эпического наследия якутов

Сегодня якутское олонхо как уникальный вид фольклора якутов, вызывает интерес мирового научного сообщества и заслуженно стал объектом изучения исследователей разных стран.

По достоверным фактам, по огромной территории Якутии бытовало очень много олонхо. Тут уместно напомнить слова Г. У. Эргиса, который написал, что «богатство содержания и обилие олонхо являются результатом многовекового развития богатырского эпоса якутов: одни сюжеты и сюжетные мотивы могли возникать в глубочайшей древности, другие в более позднее время» [5, с. 192].

Благодаря собирательскому и публикационному труду энтузиастов, фольклористов, исследователей разных времен мы имеем богатый фонд олонхо. Ценность ранних эпических текстов состоит в том, что они записаны от живых информантов-носителей, которые сохранили древние эпические традиции.

Как писал профессор В. Н. Иванов, XIX век оказался счастливым для эпического наследия якутов – на него обратила внимание наука [6, с. 6]. Наличие “сказаний” у якутов впервые замечено в 40-х годах XVIII в. шведским ученым, участником Второй Камчатской экспедиции Я. И. Линденеу (1710-1795). В этих «сказаниях» он нашел элементы эпического повествования «о сотворении мира, метеоров и о конце мира» [7, с. 45].

Начиная с XVIII в. олонхо входит в поле зрения русских путешественников, политссыльных, исследователей, благодаря собирательскому и издательскому труду которых мы сегодня имеем фонд ранних текстов олонхо, сохранивших свою эпическую уникальность.

Во время экспедиции на север и восток Сибири 1842-1845 гг. А. Ф. Миддендорф записал олонхо «Сын Эриэн Тойона, Эбириэлждин Хотуна Эриэлдэл Бэрэгэн» в кратком изложении латинским алфавитом на якутском языке. Часть текста была переведена на русский язык, предположительно, с помощью местных грамотных. Олонхо А. Ф. Миддендорф опубликовал в своем в труде «Путешествие на север и восток Сибири» [8, с. 808-819]. Это была первая публикация якутского олонхо.

В 1845-1850 гг. А. Я. Уваровский, русский по национальности, хорошо владеющий якутским языком, по памяти записал олонхо “Олонхо” об одиноком богатыре Эр Соготох. Текст был опубликован А. Ф. Миддендорфом на якутском языке с подстрочным немецким переводом в приложении к работе О. Н. Бетлингка «О языке якутов» [9, с. 79-95]. Это был один из вариантов популярного сказания о богатыре Эр Соготох. По И. В. Пухову, в кратком изложении Уваровскому удалось не только передать основное содержание олонхо, но и дать представление о стилевых и композиционных особенностях якутского олонхо в целом [10, с. 7]. Олонхо И. В. Емельянов отнес к группе олонхо о родоначальниках племени ураангхай саха [11, с. 76-80].

Огромный вклад в сохранение ранних текстов олонхо внес Р. К. Маак. Участник Вилюйской экспедиции, организованной Сибирским отделением РГО в 1854-1855 г.г., он зафиксировал на русском языке текст олонхо со слов неизвестного олонхосута из Вилюйского региона, названного «Якутская сказка, рассказанная якутом Средневилюйского улуса на реке Кюрга». Он был опубликован в третьем томе издания «Вилюйский округ Якутской области» [12]. Маак впервые определил правильное название жанра якутского эпоса написав; «сказка – по-якутски олонгхо». В 1994 г. был издан научно-популярный вариант труда Р. К. Маака. По извлеченному из 3-й ч. кн. Р. К. Маака «Вилюйский округ Якутской области» (1887) тексту Н. В. Емельянов составил сюжет олонхо под названием «Кёгюл Бёгё» и определил тип текста как олонхо о родоначальниках племени ураангхай саха [11, с. 123-127].

Краткое содержание раннего текста олонхо из эпического наследия Сунтарского улуса дореволюционного времени под названием “Якутская сказка, рассказанная якутом в селе Сунтаре”, записал Р. К. Маак с помощью казака-переводчика в 1854-1855 гг. и опубликовал на якутском языке в 3-й ч. кн. «Вилюйский округ Якутской области» [3, с. 123-127], озаглавив «Олонгхо». Извлеченный из этого издания текст олонхо опубликован Э. К. Пекарским в «Образцах...». Герой олонхо богатырь с чудесным происхождением, родившийся от престарелых родителей. По мнению исследователей, качество записи не отвечает сегодняшним требованиям. Р. К. Маак записью фольклорных произведений занимался в свободное от основной работы время. Он старался понять смысл каждого слова, чтобы правильно передать его в записи. Заслуга Р. К. Маака в том, что он впервые зафиксировал бытование олонхо в вилюйском регионе с переводом с русского на якутский, во-вторых, Мааку удалось сохранить «специфику

эпического слова, основную сюжетную канву олонхо». В переводе: «особый колорит и особенности языка олонхо» [6, с. 107].

До революции было опубликовано еще 2 олонхо из Олекминского улуса: «Сордохай-богатырь» и «Повесть о якутском богатыре». Оба олонхо были записаны в 1889 г. М. П. Овчинниковым, известным археологом, этнографом. «Повесть о якутском богатыре» представляла подробное изложение олонхо «Эрбэхтэй Бэргэн». При записи олонхо Овчинников не указал, от кого записан текст и кем переведен. Он опубликовал олонхо в 1897 г. в 3-м номере журнала [14, с. 1-8]. По тематике, сюжету, системе образов, имена богатырей (отца и сына) данный текст здесь представлен как текст одного из ранних якутских богатырских сказаний. В нем сказывается о боевых приключениях богатыря по имени Эрбях Бэргэн и его сына по имени Младший сын Белого бога.

«Сордохай-богатырь» в 1904 г. в вольном пересказе М. Овчинникова был издан в «Известиях Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества» [15, с. 1-8]. А в 1908 г. на русском языке без якутского текста олонхо было опубликовано в приложении к этнографическим очеркам В. Л. Приклонского [14, с. 63-83.]. Изначально текст был на якутском языке. Подлинная запись олонхо, переданная Иннокентию Габышеву для перевода, была утеряна. Подстрочный перевод И. Габышева получился вполне адекватным. Нет сведений об олонхосуте. В начале олонхо называется «Уранхай саха олонхото», а в примечании – «Сказка неразумного якута». Здесь уместно вспомнить И. В. Пухова, который писал, что «в дореволюционных русских изданиях олонхо ошибочно называли сказкой, а олонхосутов – сказочниками» [16, с. 16].

Начатая российскими исследователями собирательская работа фольклора якутов имела цель сохранить этот уникальный вид устного народного творчества якутов. Работа строилась на чистом энтузиазме. Первые записи олонхо оформлялись без учета их жанровых особенностей, так как жанр олонхо тогда еще не был определен. В записи не указывались год, место записи, фамилия, имя информанта. Несмотря на указанные недостатки надо признать заслугу исследователей Я. И. Линденеу, А. Ф. Миддендорфа, О. Н. Бетлингка, М. К. Маака, М. П. Овчинникова как первых фиксаторов, сохранивших ранние произведения эпического наследия якутов.

Журнал «Живая старина» (1890-1891 гг.)

В нескольких выпусках журнала «Живая старина» в качестве приложения к статье В. Л. Приклонского «Три года в якутской области» были опубликованы разные варианты популярного олонхо «Многострадальный Эр Соготох» [17, с. 165-167], [18, с. 168-172], [19, с. 172-174].

Имя Эр Соготох носит герой впервые записанного А. Я. Уваровским олонхо, опубликованного О. Н. Бетлингком в 1851. В образе Эр Соготох представляются черты героев архаических якутских олонхо. Это – одинокие люди, первые и единственные жители Среднего мира. В центральной эпической традиции олонхо «Эр Соготох» исполняли многие известные олонхосуты: Н. А. Абрамов-Кынат, И. И. Бурнашев-Тонг Суорун (Мегино-Кангаласский), П. А. Охлопков-Наара Суох (Усть-Алданский), С. Н. Карапаев-Ырыа Дыгыйар (Вилюйск), Н. С. Александров-Ынта Никиитэ (Верхневилюйск), Я. С. Васильев-Тага Уола Ырджанг Джаакып (Сунтарский) и др. В северной эпической традиции олонхо «Эрис халлаан уола Эр Соготох» исполняли Г. Ф. Никулин-Хабытта, Н. В. Слепцов (Абыйский), К. В. Винокуров (Нижнеколымский), И. Н. Ефимов (Аллаиховский) и др. О персонаже Эр Соготох было известно якутам Красноярского края, его знают также и долганы. Сюжеты некоторых олонхо о Эр Соготохе составлены Н. В. Емельяновым и включены в монографию «Сюжеты якутских олонхо» в подгруппу «Герои – родоначальники племени ураангхай саха» [11].

В «Живой старине» были опубликованы «Кырчыт Сильный» [19], «Бэриэт Бэргэн» (по записи В. Л. Приклонского) [19, с. 141-146], «Мегюмо Беге» (по записи В. Л. Приклонского) [19, с. 146-148].

В журнале «Живая старина» было опубликовано краткое изложение сюжета олонхо «Сказка о могучем богатыре Кис Сангыяхе и сыне его Бардам Саналахе». [20, с. 171-174].

Образцы народной литературы якутов» в трех томах на якутском языке под редакцией Э. К. Пекарского (1907-1911)

Академические издания «Образцы народной литературы якутов» в трех томах на якутском языке, издававшиеся под редакцией Э. К. Пекарского, имеют огромное значение в сохранении и в развитии научного изучения эпического творчества якутов: В этом издании было опубликовано 24 олонхо Таттинского и Верхоянского улусов. Среди них было 9 полных текстов олонхо. А в пяти выпусках первого тома (1907-1911) Э. К. Пекарский включил 15 олонхо, записанных им самим от сказителей Чурапчинского, Таттинского и Амгинского улусов. При записи и редакции Э. К. Пекарский старался придерживаться научных требований к текстам памятников устного народного творчества того времени. В некоторых записях указывались фамилия, имя, отчество, возраст информанта, место записи, кем записано, дата записи, ареал бытования, а это был новый уровень изучения произведений якутского фольклора.

В академической серии «Образцов...» под редакцией Э. К. Пекарского в 1907 г. была опубликована самозапись олонхо “Нюргун Боотур Стремительный” К. Г. Оросина, олонхосута из 1-го Игидейского н-га (ныне Таттинского улуса) [21]. Это было распространенное на территории нынешнего Таттинского улуса олонхо. По преданиям, олонхо в старину исполнял Великий Кээмпэс, который передал его Бабыат Макарову. Дальше оно вошло в репертуары многих известных таттинских сказителей-олонхосотов. Появились разные варианты олонхо. Считается, что К. Г. Оросин записал вариант, который исполнял Егор Минович Егоров, прославленный знаток старины, якутского фольклора. Записанный Оросиным русским алфавитом с добавлением якутских букв на латинице текст был перепечатан Э. К. Пекарским по академической транскрипции О. Н. Бетлинга. Из местных образованных жителей помогал С. М. Афанасьев. В последующих фиксациях исследователи стали особое внимание обращать на примечания олонхосотов, что давало немало сведений.

Самозапись одного из популярных в центральном регионе олонхо “Богатырь Тойон Нюргун” произведена Н. Ф. Поповым, олонхосутом из 1-го Хаяхсытского наслега Ботурусского улуса (ныне Арылахский наслег Чурапчинского улуса) по совету И. Н. Оросина. Начатый в 1895 г., законченный полностью в 1898 г., текст олонхо И. Н. Оросин отправил Э. К. Пекарскому. Тот сверенную с рукописью текст перевел в академическую транскрипцию, разработанную академиком О. Н. Бетлингом. Рукопись Н. Ф. Попова хранится в архиве Санкт-Петербургского филиала Российской Академии Наук. Олонхо “Тойон Нюргун” впервые издано в “Образцах...” в 1908 г. [22, с. 81-112].

Олонхо “Бессмертный Витязь” в записи Р. Александрова со слов Н. А. Абрамова-Кынат, небольшое по объему олонхо “Шаманки Уолумар и Айгыр” со слов того же олонхосута Н. А. Абрамова-Кынат в записи Э. К. Пекарского (1886 г.) опубликованы в первом томе [23] и в издании «Олонхо в Жюлейского наслега». Н. В. Емельянов отнес олонхо «Бессмертный Витязь» к группе о защитниках племени айны и урангхай саха [11, с. 187].

Самозапись олонхо «Старик Кюлкюл-бёё и старуха Силирикээн» произведена таттинским олонхосутом М. Н. Андросовой-Ионовой. В сюжете, бытавшем в таттинской локальной эпической традиции олонхо, описывается жизнь старика Кюлкюл-бёё, слепой старухи Силирикээн с дочерью Бэйбэлджин-куо. Девушка выходит замуж за богатыря Эрэйдээх-Буруйдаах Эр Соготох. Как отметили якутские исследователи Г. В. Ксенофонтов, И. В. Пухов, Е. И. Коркина и др., в дальнейшем развитии сюжета судьба Айтальыын-куо, в чем-то напоминает судьбу самой М. Н. Андросовой-Ионовой. В олонхо богатыри айны борются против законов Верховного небесного божества якутской мифологии Юрюнг Аар Тойона. В образе богатыря Халлаан уола Хаарылла-мохсогол

угадывается образ Э. К. Пекарского, с которым М. Н. Андросова-Ионова была знакома и помогала ему в редактировании «Словаря якутского языка». Факт ее знакомства с В. М. Ионовым отражен в истории богатыря Джулунтай Бэргэн. Присутствие в олонхо узнаваемых исторических черт, признаков эпохи, времени, даже автобиографических моментов не снижает ценность олонхо одного из ранних записей. У имеющего черты сказительства центрального региона олонхо – композиция, основные эпические формулы, эпические персонажи, обороты речи – полностью соответствуют канонам олонхо [24, с. 90].

Самозапись олонхо Р. К. Большакова “Басымни Батыр и Эрбэхтэй Бэргэн” – (1896 г.) впервые опубликована в “Образцах...” Э. К. Пекарского (1910 г.) [25, с. 281-310]. Впоследствии включена в книгу “Олонхо Джюлейского наслега”.

Олонхо «Элик Боотур и Нигыл Боотур» записано 1886 г. по просьбе Э. К. Пекарского со слов олонхосута Н. А. Абрамова, образованными представителями из местных жителей Р. А. Александровым и Р. К. Большаковым. В 1896 г. опубликовано в «Образцах...». Относится к типу олонхо о родоначальниках племени ураангхай саха [25, с. 311-395].

Существуют разные версии записи текста, записанных в краткой форме олонхо «Богатыри братья – Ала Хара, внук Айыыңыт, Илэ Хара, внук Иэйэхсит». По первой версии текст записан Татьяной Андреевной Афанасьевой из Амгинского улуса. Но на подлинной рукописи нашлась дата «2 апр. 1859 г.» и неразборчивая подпись старосты «О...», что создает другую версию, по которой запись осуществлена И. Н. Оросиным или другим представителем из Оросиных. [25, с. 396-400]. По классификации Н. В. Емельянова, олонхо о родоначальниках племени ураангхай саха. Из самозаписей М. Н. Андросовой-Ионовой (1864-1941) в «Образцы ...» было включено начало исполненияемого ею самой олонхо «Потомки Юрюнг Айыы Тойона» [27, с. 401-426].

Отрывок из олонхо “Обо Тулаайах на черном коне, родившийся позднее в Среднем мире” записан от Н. Прядезникова, олонхосута из Хатырыкского наслега Намского улуса. Год и автор записи неизвестны. Опубликован в V выпуске.

Неуточнен действительный автор записи олонхо «Богатырь Смертоносный Ёдюлбэ». По существующей первой версии, в 1888 г. краткая запись олонхо осуществлена Е. Д. Николаевым со слов олонхосута Черкесского наслега Таттинского улуса С. Саввина-Куохайан. По другой версии, краткая запись олонхо сделана самим Э. К. Пекарским в 1888 г. от Е. Д. Николаева-младшего из 1-го Жексогонского наслега. Олонхо издано в «Образцах...» [28, с. 441-452]. По классификации Н. В. Емельянова относится к типу олонхо о родоначальниках племени ураангай саха.

Некоторые особенности редактирования Э. К. Пекарского указаны в примечаниях Г. У. Эргиса. Пекарский все исправления первоначальных ошибок писал на каждой странице в сносках, в подстрочных примечаниях издатель указывал место и время записи, имя и родовое происхождение сказителя. Пекарский также указывает, кем осуществлена запись. Даже местами писал об участниках редактирования. Единственным недостатком Г. У. Эргис считает не разбитые на стихотворные строки сплошные тексты всех олонхо.

«Образцы народной литературы якутов» 2 том (1913-1918)

И. В. Пухов считал «фактическим первооткрывателем» якутского эпоса И. А. Худякова [15, с. 20]. Прибывший в якутскую ссылку в 1867 г., И. А. Худяков, хорошо овладев якутским языком за 4 месяца, начал записывать тексты олонхо от самих сказителей. В начале 1869 г., закончив этот важный по содержанию, грандиозный по объему труд, передал в статистический комитет, но все работы, кроме «Верхоянского округа», были возвращены ему. 3 малых олонхо «Старик Ураныкаан», «Бэрт Хара», «Старик со старушкой» и одно крупное олонхо «Хаан Джаргытай» из «Верхоянского сборника», сверенные с оригиналом и отредактированные Э. К. Пекарским, вошли в «Образцы народной литературы якутов».

Записанный И. А. Худяковым полный текст олонхо «Хаан Джаргыстай» на якутском языке повествует о боевых походах трех поколений богатырей айыы. Сегодня, сохранившее древний устойчивый сюжетно-композиционный строй, образную систему, особенности языка олонхо, служит важным объектом для проведения изысканий с разных ракурсов в соответствии с требованиями современной науки.

Текст записи олонхо верхоянской локальной эпической традиции «Лучший Юёдюйэн» в записи И. А. Худякова издан в 1913 г. в «Образцах...» [29]. Относящееся к группе о родоначальниках племени и их сыновьях олонхо неизвестного олонхосута «Лучший Силач» записано И. А. Худяковым (1867-1874). В олонхо присутствует древний эпический мотив чудесного зачатия жены богатыря Бэрт Хара (Бюёрсюон Бёгё), которая после смерти мужа с его могилы вырвала травинку с корнем, съев которую, забеременела. Опубликован на русском языке в издании И. А. Худякова «Верхоянский сборник». При записи он придерживался принципа В. Г. Белинского «ни малейших отступлений от оригинала». Текст на якутском языке включен в 1-й выпуск 2-го тома в серии «Образцы...» Э. К. Пекарского [Верхоянский сборник, с. 95-112, и с. 112-131] [16, с. 34-50 и с. 51-72].

Благодаря И. А. Худякову введены в научный оборот ранние тексты Верхоянского олонхо. Даже небольшие по объему олонхи, опубликованные в (Образцах...), не лишены научных ценностей. Впервые именно И. А. Худяковым отмечено, что якутский олонхосут излагает в повествовательной и песенной форме целую эпопею, в которой описываются множество событий, богов, дьяволов, героев. Э. К. Пекарский отметил «точный, близкий к тексту, выразительный» перевод И. А. Худякова на русский язык.

Таким образом, уже до революции было собрано большое количество текстов олонхо, значительная часть которых была опубликована благодаря поддержке Академии наук и Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Неоспорим огромный собирательский, издательский труд И. А. Худякова, Э. К. Пекарского, С. В. Ястремского, М. П. Овчинникова, В. Н. Васильева. В своих изданиях они еще вели текстологическую работу, что было важно. Помощь собирателям оказывали местные любители и знатоки устного народного творчества: А. Я. Уваровский, Н. С. Горохов, М. Н. Ионова-Андрюсова и др.

Образцы народной литературы якутов. III том, первый выпуск 1918 г.

В первый выпуск третьего тома (1918) вошло олонхо “Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур” (“Строптивый Кулун Куллустуур”), записанное известным этнографом и фольклористом В. Н. Васильевым в 1906 г. от сказителя И. Г. Тимофеева-Теплоухова из Хаяхсытского н-га Ботурусского (ныне Чурапчинского) улуса. Позднее научное редактирование текста этого олонхо было осуществлено И. В. Пуховым. Далее Г. У. Эргис отмечал, что это олонхо является “одним из лучших и по объему одна из крупнейших записей олонхо (196 стр.)”.

“Образцы народной литературы якутов” С.В. Ястремского 1929 г. В 1929 г. комиссия по изучению Якутской АССР Академии наук СССР издала большой том “Образцов...” с материалами, записанными С. В. Ястремским в ссылке. В издание вошли пять больших олонх: “Эр Соготох”, текст которого был записан в 1895 г. от уроженца Мегинского улуса Г. Н. Свинобоева; “Вороным конем владеющий, в оборотничестве искусившийся Кулун Куллустуур” – от олонхосута Дюпсинского улуса Н. А. Каприна. Тексты на якутском языке “Бессмертный витязь” и “Шаманки Уолумар и Айгыр” были изданы в «Образцах...» под редакцией Э. К. Пекарского. «Образцы...» С. В. Ястремского вышли с предисловиями С. Е. Малова и С. В. Ястремского. С. Е. Малов составил краткие сюжеты олонх и библиографию, помещенных в «Образцах» С. В. Ястремского, он впервые поставил вопрос о разбивке стихотворных частей олонх на стихи. Проведенный им этимологический разбор имен некоторых героев олонх сблизил якутское олонхо с эпосом тюрко-монгольских народов.

Издания большого количества олонхо якутов на русском языке и на языке оригинала в «Образцах ...» открыли дорогу для развития нового направления в якутской фольклористике – олонховедения.

Заключение

В проведенном исследовании согласно задачам собраны и систематизированы ранние записи олонхо, изданные со второй половины XIX по начало XX вв. в публикациях Я. И. Линденеау, А. Ф. Миддендорфа, Р. К. Маака, М. Овчинникова, И. А. Худякова, С. В. Ястремского, Э. К. Пекарского. Записи первооткрывателей А. Ф. Миддендорфа, О. Н. Бетлингка, С. В. Малова, Р. К. Маака, М. Овчинникова, И. А. Худякова – первых фиксаторов и издателей считались неудовлетворительными в силу отсутствия общих требований, невладения якутским языком. Однако тексты были записаны от первых лиц и благодаря ответственности исследователей мы сегодня имеем возможность сравнить их с текстами, фиксированными в последующие годы, получить сведения об их особенностях содержания, композиции, образной системы, поэтического языка. Начиная с публикаций фольклорных произведений якутов в Академическом издании «Образцы...» по заслугам О. Н. Бетлингка, С. В. Малова, С. В. Ястремского, Э. К. Пекарского фиксации стали производиться с соблюдением требований развивающейся фольклористики и дают ценные сведения для современной науки.

Бескорыстный энтузиазм собирателей, исследователей Я. И. Линденеау, А. Ф. Миддендорфа, О. Н. Бетлингка, С. В. Малова, Р. К. Маака, М. Овчинникова, И. А. Худякова, С. В. Ястремского, Э. К. Пекарского сегодня позволяет определить общую тематику и мотивный фонд ранних записей якутского олонхо. Общая устойчивая тематика ранних олонхо: героическое сватовство и защита соплеменников от чудовищ-абаасы. Сказители оперируют заданными архаичными каноническими традициями построения сюжетов и мотивов, обозначаемых как модели эпического нарратива: чудесное появление богатыря, богатырское предназначение, сражение за освобождение женщин айыы, месть за разоренное хозяйство, героическое сватовство, рождение детей, установление счастливой жизни. Устойчивыми мотивами выражают: мотив чудесного рождения богатыря; сватовства; сражений богатырей с чудовищами; оборотничества героев; помочи богатырям родственников и шаманов в трудные минуты; сражения и состязания между собой богатырей айыы, сражения неузнанных родственников; испытания богатырей родственниками суженых. Эти мотивы, несомненно, составляют мотивный фонд эпической традиции ранних типов олонхо и переняты последующими сказителями.

Олонхо в последнее время уверенно вошло в мировое эпическое пространство. Полученные результаты станут важным источником по поиску новых теоретических подходов для дальнейшего научного изучения олонхо, приведут к выявлению новых концепций, проблем и тенденций развития фольклористики в свете современных достижений эпосоведения.

Л и т е р а т у р а

1. Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. - М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1976 – 324 с.
2. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. – Л.: Наука, 1976 – 242 с.
3. Жирмунский В. М. Избранные труды. Тюркский героический эпос. – Л., 1974. – 722 с.
4. Оросина Н. А. Самозапись олонхо К. Г. Оросина «Нюргун Бootур Стремительный»: архивный первоисточник и научное издание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. I. С. 159-162.
5. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис, отв. ред. В. Е. Гусев, подгот. к печати Н. В. Емельянов, П. Е. Ефремов; ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. – Москва: Наука, 1974.

6. Иванов В. Н. Олонхо – уникальное явление в мировой эпической культуре: монография / В. Н. Иванов, – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. – 175 с.
7. Линденau Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1984.
8. Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири, ч. II, отдел VI: Коренные жители Сибири. – СПб., 1878.
9. Über die Sprache der Jakuten, von O. Böhtlingk. – СПб., 1851.
10. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.
11. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов, отв. ред. – М.: Наука, 1983 – 247 с.
12. Маак Р. К. Вилуйский округ Якутской области. Ч. 2. – СПб., 1887.
13. Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества», т. XXXV, 1904, № 2.
14. Пухов И. В. Якутский героический эпос – олонхо. Публикация, перевод, теория, типология. – Якутск, 2004 – 212 с.
15. Живая старина, 1891, вып. 3, С. 165-167.
16. Живая старина, 1891, вып. 3, С. 168-172.
17. Живая старина, 1891, вып. 3, С. 172-174.
18. Образцы народной литературы якутов / под ред Э. К. Пекарского СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1907. Т. 1. Вып. 1.
19. Образцы народной литературы якутов 2 том (1913-1918).
20. Образцы народной литературы якутов 2 том (1913-1918).
21. Образцы народной литературы якутов. III том, первый выпуск. 1918.
22. Образцы народной литературы якутов / Под ред. Э. К. Пекарского, ч. 1, вып. 2, [Пер. на русский язык в кн.: С. В. Ястремский].
23. Образцы народной литературы якутов» в трех томах на якутском языке под редакцией Э. К. Пекарского (1907-1911).
24. Верхоянский сборник. – Иркутск, 1890, Образцы народной литературы якутов, ч. 2, вып. 1.
25. Б. Н. Путилов; АН СССР, Сиб. отд-ие, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории. – М.: Наука, 1980.
26. Приклонский В. Л. Три года въ Якутской области: Этнографические очерки // Живая старина. – С.-Петербург: Тип. Е. Евдокимова, 1890. – Вып. I.
27. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 254 с.
28. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969.
29. Худяков И. А. Образцы народной литературы якутов Э. К. Пекарского, 1890, вып. 1, 1890.
30. Якутский героический эпос олонхо: библиографический указатель / сост.: В. Н. Павлова. Якутск: Бичик, 2015. – 448 с.
31. Ястремский, С. В. Образцы народной литературы якутов / С. В. Ястремский; [ред. изд. В. Л. Комаров; авт. предисл. С. Е. Малов]. – Ленинград: Изд-во АН СССР.

References

1. Propp V. Ya. Fol'klor i dejstvitel'nost': Izbrannye stat'i. – М.: Izdatel'stvo «Nauka». Glavnaya redakciya vostochnoj literatur, 1976 – 324 s.
2. Putilov B. N. Metodologiya sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya fol'klora. – L.: Nauka, 1976 – 242 s.
3. Zhirmunskij V. M. Izbrannye trudy. Tyurkskij geroicheskij epos. – L., 1974. – 722 s.
4. Orosina N. A. Samozapis' olonho K. G. Orosina «Nyurgun Bootur Stremitel'nyj»: arhivnyj pervoistochnik i nauchnoe izdanie // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2015. № 3 (45): v 3-h ch. Ch. I. C. 159-162.
5. Ergis G. U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru / G. U. Ergis, otv. red. V. E. Gusev, podgot. k pechati N. V. Emel'yanov, P. E. Efremov; IYALI YAF SO AN SSSR. – Moskva: Nauka, 1974.
6. Ivanov V. N. Olonho – unikal'noe yavlenie v mirovoj epicheskoy kul'ture: monografiya / V. N. Ivanov, – Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2014. – 175 s.
7. Lindenau Ya. I. Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka). Magadan, 1984.

8. Middendorf A. F. Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri, ch. II, otdel VI: Korennye zhiteli Sibiri. – SPb., 1878.
9. Über die Sprache der Jakuten, von O. Böhtlingk. – SPb., 1851.
10. Puhov I. V. Yakutskij geroicheskij epos olonho. Osnovnye obrazy. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1962.
11. Emel'yanov N. V. Syuzhety yakutskih olonho / N. V. Emel'yanov, otv. red. – M.: Nauka, 1983 – 247 s.
12. Maak R. K. Vilyujskij okrug YAKutskoj oblasti. CH. 2. - SPb., 1887.
13. Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva», t. XXXV, 1904, № 2.
14. Puhov I. V. Yakutskij geroicheskij epos – olonho. Publikaciya, perevod, teoriya, tipologiya. – Yakutsk, 2004 – 212 s.
15. Zhivaya starina, 1891, vyp. 3, S. 165-167.
16. Zhivaya starina, 1891, vyp. 3, S. 168-172.
17. Zhivaya starina, 1891, vyp. 3, S. 172-174.
18. Obrazcy narodnoj literatury yakutov / pod red E. K. Pekarskogo SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1907. T. 1. Vyp. 1.
19. Obrazcy narodnoj literatury yakutov 2 tom (1913-1918).
20. Obrazcy narodnoj literatury yakutov 2 tom (1913-1918).
21. Obrazcy narodnoj literatury yakutov. III tom, pervyj vypusk. 1918.
22. Obrazcy narodnoj literatury yakutov / Pod red. E. K. Pekarskogo, ch. 1, vyp. 2, [Per. na russkij yazyk v kn.: S. V. Yastremskij].
23. Obrazcy narodnoj literatury yakutov» v trekh tomah na yakutskom yazyke pod redakcijej E. K. Pekarskogo (1907-1911).
24. Verhoyanskij sbornik. – Irkutsk, 1890, Obrazcy narodnoj literatury yakutov, ch. 2, vyp. 1.
25. B. N. Putilov; AN SSSR, Sib. otd-je, Yakut. fil., In-t yaz., lit. i istorii. – M.: Nauka, 1980.
26. Priklonskij V. L. Tri goda v" Yakutskoj oblasti: Etnograficheskie ocherki // Zhivaya starina. – S.-Peterburg": Tip. E. Evdokimova, 1890. – Vyp. I.
27. Puhov I. V. Yakutskij geroicheskij epos olonho. Osnovnye obrazy. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 254 s.
28. Hudyakov I. A. Kratkoe opisanie Verhoyanskogo okruga. L., 1969.
29. Hudyakov I. A. Obrazcy narodnoj literatury yakutov E. K. Pekarskogo, 1890, vyp. 1, 1890.
30. Yakutskij geroicheskij epos olonho: bibliograficheskij ukazatel' / sost.: V. N. Pavlova. Yakutsk: Bichik, 2015. – 448 s.
31. Yastremskij, S. V. Obrazcy narodnoj literatury yakutov / S. V. Yastremskij; [red. izd. V. L. Komarov; avt. predisl. S. E. Malov]. – Leningrad: Izd-vo AN SSSR.

B. V. Orekhov

Башкирская антология «Из века в век» в стиховедческой перспективе

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается стих двуязычной антологии «Из века в век» (2008), представляющей башкирский поэтический канон. Двуязычный характер этого поэтического собрания создает особенные условия для знакомства иноязычного читателя с оригинальным обликом стихотворного текста. Исследовательские задачи, которые открываются благодаря этому материалу, состоят в том, чтобы уяснить, насколько состав корпуса, отражающий реальные поэтические практики, соотносится с поэтическим каноном. Основным методом рассмотрения стало сопоставление представленных в книге количественных характеристик тех или иных аспектов системы башкирского стихосложения с аналогичными показателями для башкирского поэтического корпуса, описанного в монографии «Башкирский стих XX века. Корпусное исследование». В качестве вспомогательного эпизодически привлекается материал многоязычной антологии «Современная литература народов России». Благодаря такому сопоставлению стало ясно, что в антологии гораздо чаще, чем в реальной истории башкирской поэзии, обнаруживаются формы узун-кюй (чередование 10- и 9-сложных стихов) и вообще 10-сложных стихов. Наоборот, реже ожидаемого наблюдается форма кыска-кюй (чередование 8- и 7-сложных строк) и изосиллабических стихотворений, состоящих из 7- и 9-сложных строк. Общая тенденция, которую можно отметить в результате такого сопоставления, — установка на увеличение длины строки, которая благодаря такому облику канона может оказать влияние и на будущую практику башкирской поэзии.

Ключевые слова. башкирский стих, антология, поэтический корпус, силлабический стих.

B. V. Orekhov

The Bashkir anthology “Century after century” from a verse study perspective

Higher School of Economics University, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the verse of the bilingual anthology “Century after century” (2008), which presents the Bashkir poetic canon. The bilingual nature of this poetry collection provides particular conditions for introducing a foreign-language reader to the original poetic text. The research tasks opened up by this collection are to clarify the degree to which the contents of the corpus, reflecting real poetic practices, correlate with the poetic canon. The main method of analysis is to compare the quantitative indicators of various aspects of the Bashkir verse system, presented in the

OREXOV Борис Валерьевич – к. филол. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент Школы лингвистики.

E-mail: nevmenandr@gmail.com

OREKHOV Boris Valerievich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, School of Linguistics, Higher School of Economics University.

book, with the analogous indicators for the Bashkir poetic corpus, described in the monograph “Bashkir Verse in the 20th century. A Corpus Study.” Material from the multilingual anthology “Contemporary Literature of the Peoples of Russia” is occasionally used as support material. This comparison made it clear that the forms of *uzin-kyuy* (the alternation of 10- and 9-syllable verses) and generally 10-syllable verses are found in the Anthology much more often than in the real history of Bashkir poetry. On the contrary, less often than expected one may observe *kyska-kyuy* (alternation of 8- and 7-syllable lines) and isosyllabic poems, consisting of 7- and 9-syllable lines. The general tendency, which can be noted as a result of this comparison, is an attitude towards increasing the line length, which, thanks to this appearance of the canon, can also have an impact on the future practice of Bashkir poetry.

Keywords: bashkir verse, anthology, poetic corpus, syllabic verse.

Введение

В 2008 году в издательстве «Пранат» в ряду подобных изданий (см., например, [2]) вышла антология башкирской поэзии [3]. Внушительный семисотстраничный том не стал ни первой (см. другие примеры: [9], [10]), ни самой заметной (см. многочисленные переводы М. Карима [4], [5], [6], [7], Т. Арслана [1] и др.) для башкирской поэзии попыткой выхода в мир языка доминирующего культурного контекста. Создание антологий так или иначе связано с процессом производства канона [12]. Ориентированная на русскоязычного читателя антология не просто призвана закрепить каноничность тех или иных авторов, но и создать своего рода «канон на экспорт», то есть представить поэтическое наследие для внешнего по отношению к традиции наблюдателя и одновременно легитимизировать принадлежность канону путем утверждения соответствующего места в сознании носителя доминирующей культуры.

Важен здесь и аспект очевидной прагматики: эта антология составлена в постсоветское время, не повторяет традиционный набор авторов и произведений, отобранных в канон ушедшей идеологической системы, содержит новые по сравнению с привычно упоминавшимися имена. Нельзя назвать ее радикально обновленческой: закрепившиеся в советском каноне авторы вошли и в этот том, но у читателя неизбежно должно сформироваться впечатление, что в отсутствие идеологического давления отбор авторов здесь более «честный», продиктованный действительными художественными достоинствами, а не внелитературными факторами.

Но более важное для нас отличие состоит в том, что эта антология была двуязычной.

Антологии такого рода, помимо обычной в таких случаях функции репрезентации культурной традиции, актуализируют для воспринимающего исходный текст (см. [11], аккумулирующую в двуязычном представлении произведения более 50 национальных поэтических традиций). Кроме ученых-филологов, которые получают удобный материал для анализа переводов, в особой ситуации оказывается и подготовленный читатель, обретающий возможность сравнить доступный перевод с оригиналом, пусть и написанном на неизвестном языке. Речь в таком случае не идет о полноценном академическом сравнении, включающем анализ эквивалентности языковой семантики. Однако как минимум оценку эквилинеарности переводов может провести любой читатель (стихотворение и его перевод традиционно даются на одном развороте), что делает рискованным включение в такую антологию слишком вольных в смысле формы

переводов, серьезно отклоняющихся от оригинала — их появление тут же будет замечено. Читатель с высокой вероятностью обратит внимание на соответствие строфической формы оригинала и перевода и вообще сделает наблюдения над тенденциями в организации строфики той поэтической культуры, с которой он знакомится.

В случае с башкирским кириллической графика облегчает оценку читателем наличия в переводе рифмы, а многочисленные случаи общей для русского и башкирского языков лексики (батыр, байрам, алтын, пуля, брезент, февраль) и имен собственных (Салаут — Салават, Агизел — Агидель, Пушкин — Пушкин) облегчают восприятие текста на незнакомом языке.

Разумеется, проводящий такое сравнение внимательный читатель в достаточной степени научный конструкт. В то же время при знакомстве с билингвальным форматом книги несомненна для читателя любого уровня актуализация концепции Другого: переводимая на его язык поэзия подвергается остранению, а перевод лишается монополии на презентацию исходного текста, которой он обладает в моноязычных сборниках переводов.

В антологии такого облика еще больше обостряется значимость художественной формы. Безусловно, выбор текстов главным образом обусловливается содержанием текстов, литературной репутацией их авторов, высокоуровневыми (то есть проявляющими себя не на уровне отдельных приемов, а на уровне, в котором все приемы представлены синтетически, комплексно) представлениями о литературном мастерстве. Но формальное измерение исходного произведения в двуязычном издании так или иначе находится в области видимости.

Поэтому нас будет интересовать стиховедческий облик произведений, отобранных для этой антологии. Вряд ли составители сознательно подходили к тому, чтобы полноценно представить в книге именно стихосложение. Тем интереснее изучить, адекватно ли отражена в антологии система башкирского стиха, представленная как бессознательный результат сознательного отбора текстов по другим параметрам.

Долгое время у многих национальных литератур не было самого научного языка для описания стихосложения. Обзор того, как в течение второй половины XX века постепенно вырабатывалась терминология и набор подходов к тюркскоязычным традициям, дан в [8]. Прежде всего, такая лакуна обусловливала недостаточное внимание к стиховедческой проблематике со стороны переводчиков, а как следствие — со стороны иноязычных читателей.

К настоящему моменту существует полное и подробное квантитативное описание системы башкирского стиха в XX веке [8], и мы предполагаем сделать вывод о том, насколько антология «Из века в век», охватывающая тот же период, моделирует стиховедческий уровень башкирской поэзии.

Частотность метров и стиховых форм антологии на фоне башкирского поэтического корпуса

Антология насчитывает 4719 строк, что соответствует корпусу из 468 459 строк, на котором строилось исследование, представленное в монографии о башкирском стихе [8]. Удобно, что одна величина приблизительно в 100 раз больше другой. Из 71 автора антологии 43 находятся среди авторов корпуса (60,56 %), это меньше половины от вошедших в корпус 103 башкирских поэтов. Такие цифры указывают, что состав авторов в двух выборках совпадает в незначительной степени, то есть близкие стиховедческие показатели, которые могут продемонстрировать монография и антология, будут обусловлены не индивидуальной поэтической манерой, а системными факторами, действующими на уровне целой традиции. Иными словами, высокая частотность того или иного размера и в антологии, и в книге о башкирском стихе будет продиктована не предпочтениями определенных поэтов, а тем, насколько этот размер распространен во всей литературной системе. Из 5 авторов, включенных в многоязычную антологию

2017-го года [11], все присутствуют и в [3], но только двое (М. Карим и Р. Назар) есть в поэтическом корпусе. Таким образом, можно говорить, что поэтический корпус в большей степени отражает недифференцированную с точки зрения иерархии литературных reputаций реальную поэтическую практику.

Башкирская поэзия XX века, практикуемая после создания башкирского литературного языка, силлабическая. Это значит, что используемые в ней размеры отличаются длиной строки, измеряемой в количестве слогов.

Самым распространенным размером башкирской поэзии является 9-сложник (28,19 %), вторым по частотности — 10-сложник (23,43 %). Вместе они покрывают чуть больше половины всех строк корпуса. В антологии мы видим те же размеры в списке лидеров, но с гораздо более близкими между собой значениями распространенности: 30,85 % для 9-сложника и 30,37 % для 10-сложника.

Известно, что частотность 9- и 10-сложника в башкирской поэзии обусловлена большой распространенностью формы узун-кюй, предполагающей правильное чередование 10- и 9-сложных строк. Эта первоначально песенная фольклорная форма, являющаяся «визитной карточкой» поволжско-кыпчакского стихосложения,очно закрепилась в авторской поэзии. Она характеризует 11,64 % всех произведений корпуса [8, с. 165]. Кроме строгих узун-кюй, в башкирской поэзии мы видим дериваты этой формы, то есть такие случаи, при которых прослеживается узнаваемый шаблон чередования 10- и 9-сложников, но отдельные фрагменты текста не подпадают под эту схему за счет тех или иных преобразований. Например, при том, что доминирующим принципом организации текста является правильное чередование 10- и 9-сложников, в стихотворении встречаются более короткие строки, получившиеся благодаря разбиению 10-сложной строки на два 5-сложника или 9-сложной строки на два стиха по 4 и 5 слогов. В нижеследующем примере 10-сложник разбивается на два стиха по 4 и 6 слогов, а за ним следует 9-сложная строка, вместе это составляет дериват узун-кюй (10+9):

¹Төн ²ур³та⁴ны.

¹Ут²тар ³ни⁴рәк⁵лән⁶де

¹Бар²лыг³у⁴ра⁵мын⁶да ⁷ка⁸лам⁹дың.

(Катиба Киньябулата «Салаут тураында баллада») [3, с. 150]

Можно говорить, что башкирский поэтический корпус примерно на треть (33,86 %) состоит из строгих узун-кюй и дериватов этой формы. Кроме того, доминирующее положение 9-сложника подкрепляется значительным числом изосиллабических стихотворений (то есть таких, в которых все строки имеют одинаковую длину) этого метра: 19,68 % всех изосиллабических стихотворений, что уступает лишь числу изосиллабических 8-сложных стихотворений (28,29 % от всех изосиллабических) [8, с. 167].

В антологии мы находим 51 текст, строго следующий схеме узун-кюй, что составляет 19,92 % от всех 256 стихотворных произведений, включенных в книгу, и еще 86 стихотворений (33,52 %), которые в той или иной мере являются дериватами этой формы. Суммарно (137 текстов; 53,51 %) эти тексты представляют более половины произведений антологии, что значительно отличается от цифр представленности в большом поэтическом корпусе.

В [11] строгие формы узун-кюй (7 текстов) вместе с дериватами (2 текста) составляют ровно половину от всех 18 произведений на башкирском языке. Таким образом, доминирование узун-кюй — это общая черта башкирских двуязычных антологий, которая входит в некоторое противоречие с реальной ситуацией представленности этой формы в поэтической традиции.

Важной особенностью башкирских 9-сложных строк является их соответствие «правилу Болотова» [8, с. 132]. Это правило предполагает обязательный словораздел после 6-го слога. Этому правилу подчиняется более 95 % 9-сложных стихов. Тем значимее нарушения этого правила.

В антологии мы видим такие строки, как «¹Бо²гу³чар⁴зы ⁵hy⁶ы⁷шып ⁸a⁹лып» («Дон ярында» Б. Бикбая), «¹Бал²кий ³ми⁴нен ⁵Баш⁶кор⁷тос⁸та⁹ным!» («Башкортостан» И. Киньябулатова; что существенно, это последняя строка стихотворения, находящаяся в сильной композиционной позиции, таким образом, нарушение общего правила здесь может быть сознательным поэтическим приемом привлечения внимания и нарушения автоматизма восприятия) и т. д. Как мы видим, словораздела между 6 и 7 слогами нет (номера слогов отмечены верхними индексами), правило Болотова нарушено. Но всего таких случаев находится 14, это менее одного процента от всех 9-сложников. Таким образом, антология еще строже следует правилу Болотова, чем тексты поэтического корпуса.

Изосиллабические стихотворения составляют 12,88 % поэтического корпуса. Это сравнительно небольшая величина на фоне ошибочного, но распространенного в науке стереотипа, гласящего, что изосиллабичность является главным признаком силлабической системы стихосложения вообще.

Антология содержит 36 изосиллабичных произведений (14,06 %), что сопоставимо с аналогичными значениями в поэтическом корпусе. Но представленность изосиллабики по отдельным метрам в корпусе и антологии сильно отличается. Как уже следовало предположить, значительно уступает показателям корпуса число 9-сложных изосиллабических текстов (11,11 %). Изосиллабичных 10-сложных стихотворений, напротив, в антологии заметно больше: 25 % против 9,72 %, что и приводит к описанному выше почти полному паритету 9- и 10-сложных строк. В результате изосиллабические 8-сложники смещаются на вторую позицию (22,22 %).

Изосиллабические 8-сложники довольно распространены в тюркских поэтических традициях, так что их меньшая доля в антологии может быть продиктована сознательным или бессознательным стремлением составителей представить оригинальный метрический образ именно башкирской поэзии.

Разнится по сравнению с поэтическим корпусом в антологии также доля изосиллабических 7-сложных (2,77 % против 9,2 %) и 12-сложных текстов (19,44 % против 11,41 %). Последние во многом (но не исключительно) представляют собой цикл рубаи Ф. Гумерова.

В [11] доля изосиллабичных стихотворений гораздо больше: 6 из 18 (33,33 %), и представлены они только двумя метрами: 4 текста написаны 8-сложником и 2–10-сложником.

Другая важная для башкирской поэзии форма – это кыска-кюй, подразумевающая правильное чередование 8- и 7-сложных строк. Поэтический корпус включает 8,12 % произведений, строго выдерживающих эту схему, и 14,23 % текстов, являющихся ее дериватами [8, с. 165–166]. Эта форма в отличие от узун-кюй не является уникальной для поволжско-кыпчакской поэзии и встречается в других тюркских традициях. Кроме того, можно говорить, что в своем творчестве башкирские поэты чаще всего не пользуются этими формами в равной мере, а существуют «в ситуации выбора между узун-кюй и кыска-кюй» [8, с. 176].

Антология дает 27 образцов строгой кыска-кюй (10,54 %) и всего 8 ее дериватов (3,12 %), таким образом, общая представленность этой формы оказывается значительно ниже той, которую мы видим в поэтическом корпусе (13 % против 22 %). Доля 8- и 7-сложных строк в антологии тоже ниже, чем в корпусе: 12,16 % против 16,91 % для первого и 7,06 % против 12,08 % для второго.

В [11] кыска-кюй также дискриминирована, в ней написано только 1 стихотворение из 18.

Цифры для менее частотных размеров отличаются незначительно: 4,85 % в антологии и 4,2 % в корпусе 4-сложников, 0,78 % и 2,94 % 5-сложников, 4,39 % и 4,51 % 6-сложников, 3,56 % и 3,92 % 11-сложников, 4,3 % и 2,49 % 12-сложников.

Частотность размеров больше 12 слогов не поднимается выше 1 %. В этом ряду обращают на себя внимание только колебания в представленности 5- и 12-сложных строк. Первых в антологии почти нет, а показатели вторых растут за счет уже упомянутых изосиллабических стихотворений.

Еще одна важная часть стиховедческой характеристики башкирской системы – это представленность вольного стиха [8, с. 185 и далее], то есть такого, который не предполагает упорядоченности строк стихотворения по длине, но при этом и не является чистым верлибром, в котором мы наблюдаем отказ от формальных особенностей классического стихосложения (например, рифмы). Башкирский поэтический корпус сформирован преимущественно из текстов поэтов XX века, в антологию вошли произведения и авторов XXI века, вероятно, хотя бы отчасти стремящихся к обновлению поэтической формы.

Таких стихотворений в антологии насчитывается 14 (5,46 %). При этом по антологии они распределены равномерно, а не сосредоточены в последних разделах книги, как бы это ожидалось, если бы мы прослеживали эволюцию башкирского стиха в сторону вольной силлабики. Таким образом, антология отражает сформированное на поэтическом корпусе представление о большой инерционной силе традиции в башкирской поэзии, не расположенной к обновлению поэтической формы [8, с. 292].

Кроме общих тенденций стоит отметить включенные в антологию метрические раритеты. К таким можно отнести чередование 10- и 6-сложников в «Бөгөн төн мин ниңең янда җалам» («Прервав свой путь, с тобою остаюсь...») М. Карима (переведено как чередование 5-стопных и 2-стопных ямбов), 8- и 4-сложников «Кем мин?» («Кто я?») Г. Ситдиковой (переведено 5-стопным ямбом), 6- и 3-сложников «Курай йыры» («Песня курая») З. Ханнановой (переведено 4-стопным хореем).

Любопытный материал дает антология и для анализа межъязыкового и межсистемного поэтического перевода: сами принципы, лежащие в основании русской и башкирской системы стихосложения различны. В одном случае мы имеем дело с силлабикой, ключевой единицей которой является слог, а в другом с силлабо-тоникой, ключевой единицей которой является стопа (объединение безударных слогов вокруг ударного или метрически выделяемого как ударный – икта).

Воспроизведение исходных стихотворных форм в переводе в таких условиях выглядит как экспериментальный акт (ср. силлабический перевод «Божественной комедии», выполненный А. А. Илюшиным), на который переводчики чаще всего пойти не готовы. Поэтому перевод осуществляется не только на уровне лексики и грамматики, но и на уровне стиха, то есть в языке-мишени выбирается стихотворный размер, входящий в систему стихосложения той культуры, на которую осуществляется перевод. В [8, с. 189] прослежены русские поэтические формы, которые выбираются для перевода кыска-кюй М. Карима. Антология дает богатый материал для обобщений в отношении перевода башкирских узун-кюй как самой предпочтаемой составителями поэтической формы.

Как и в случае с кыска-кюй, переводчики не создают системы при выборе силлабо-тонического эквивалента узун-кюй. Для передачи строгого варианта этой формы в 43,13 % случаев (22 текста) они пользуются самым распространенным русским размером XX века, 5-стопным ямбом, в 13,72 % случаев (7 текстов) избирают 5-стопный хорей. Остальные размеры (общим числом 8) используются эпизодически. Что касается дериватов узун-кюй, то примерно ту же долю показывает 5-стопный ямб (44,18 %; 38 текстов), несколько большую — 5-стопный хорей (18,6 %; 16 произведений). Можно отметить также заметное число дольников (9,3 %; 8 текстов) и несколько большее метрическое разнообразие по сравнению с эквивалентами строгой формы: для дериватов переводчики используют 4-стопный хорей и 3-стопный амфибрахий, отсутствующие в репертуаре переводов строгой узун-кюй.

Необходимо отметить в целом прослеживающееся стремление переводчиков следовать графическому облику оригинала. Среди незначительных отступлений от этого принципа — выполненный В. Казанским перевод стихотворения Р. Нигмати «Эгэр мин кайта алмаһам...» («Если не вернусь я»), который бросается в глаза как отрицающий эквилинеарность: 26 строкам оригинала соответствует 21 строка перевода.

Заключение

В стиховедческой перспективе антология «Из века в век» демонстрирует заметный сдвиг в сторону поэтической формы с более длинной силлабической строкой: составители предпочитают узун-кюй, нежели кыска-кюй, изосиллабичные 12-сложники 7- и 9-сложникам. Противопоставление узун-кюй и кыска-кюй в заостренном виде встречаются и в другой двуязычной антологии последнего времени [11].

Форма кыска-кюй всегда была в башкирской поэзии менее частотной, чем узун-кюй, но в 1940-е годы популярность первой повысилась настолько, что они почти сравнялись по частотности употребления [8, с. 175]. Очевидно, те литературные факторы, которые привели к подобной динамике, не имеют большой силы для формирования канона башкирской поэзии XX века. При этом сами по себе стихотворения военного времени и военной тематики в канон башкирской поэзии включены, это прежде всего произведения Р. Нигмати «Низә язмайың?», «Ининә хаттарың» и др.

В контексте разговора о каноне на фоне реальной поэтической практики XX века в башкирской поэзии обращают на себя внимание более заметная роль 10-сложных строк и изосиллабических стихотворений, написанных 10-сложным метром.

Поскольку «антологии <...> были (и остаются) привилегированными объектами чтения, способными производить интерпретационные эффекты, ощущаемые далеко за пределами их страниц» [13, с. 187], стоит ожидать, что современная башкирская поэзия, в основном следующая в фарватере традиционных поэтических форм, станет следовать именно этим тенденциям, оттесняя кыска-кюй на периферию литературного процесса и выделяя больше места узун-кюй. Кроме того, интерес должна представлять дальнейшая конкуренция между изосиллабичными 10- и 8-сложниками. Если в ретроспективе поэтического корпуса приоритет оказывался за вторыми, то канонизированные образцы первых могут дать импульс изменению этого соотношения. Мы можем увидеть повышение доли 10-сложных изосиллабичных стихотворений и постепенную сдачу позиций текстов, состоящих из равных 9-сложных строк.

Это также вписывалось бы в общую тенденцию предпочтения более длинных метров более коротким.

Л и т е р а т у р а

1. Арслан Т. Стихи. Перевод с башкирского. М.: Советский писатель – 1957. 84 с.
2. Из века в век. Хорватская поэзия: Стихотворения / Пер. с хорв. Сост. С. Н. Гловюка; Предисл. Ф. Цацана; Предисл. к серии С. Н. Гловюка. – М.: Пранат, 2007. – 608 с.
3. Из века в век. Башкирская поэзия. Сост. Р. Т. Бикбаев, С. Н. Гловюк, В. А. Широков, А. Р. Юлдашбаев; Предисл. Р. Бикбаева; Предисл. В. Широкова; Предисл. к серии С. Н. Гловюка. – М.: Пранат, 2007. – 704 с.
4. Карим М. Реки разговаривают. Стихи. Сказки. Поэмы. Перевод с башкирского. – М.: Советский писатель, 1964. – 160 с.
5. Карим М. Берега остаются. Стихи. Перевод с башкирского. – М.: Художественная литература, 1966. – 192 с.
6. Карим М. Жду вестей. Стихи и поэма. Перевод с башкирского. – М.: Детская литература, 1976. – 191 с.
7. Карим М. Время – конь крылатый. Переводы с башкирского. – М.: Современник, 1972. – 328 с.
8. Орехов Б. В. Башкирский стих XX века. Корпусное исследование. – СПб.: Алетейя, 2019. 344 с.
9. Поэты Башкирии / под ред. С. Кирьянова и Г. Миняева. – Уфа: Башкгосиздат, 1950. – 280 с.

10. Поэты Башкирии. Антология советской башкирской поэзии в двух томах. - Уфа: Башкирское книжное издательство, 1979.
11. Современная литература народов России: Поэзия / Антология. – М.: Организационный комитет по поддержке литературы, книгоиздания и чтения в Российской Федерации; Объединенное гуманитарное издательство, 2017. – 568 с.
12. Houston, Natalie M. Anthologies and the Making of the poetic Canon // A Companion to Victorian Poetry. – Blackwell, 2002. – 361-377 с.
13. Mole, Tom. What the Victorians Made of Romanticism. Princeton UP – 2017.

R e f e r e n c e s

1. Arslan T. Stikhi. Perevod s bashkirskogo. - M.: Sovetskii pisatel', 1957. 84 s.
2. Iz veka v vek. Khorvatskaia poezia: Stikhotvoreniiia / Per. s khrov. Sost. S. N. Gloviuka; Predisl. F. Tsatsana; Predisl. k serii S. N. Gloviuka. – M.: Pranat, 2007. – 608 s.
3. Iz veka v vek. Bashkirскаia poezia. Sost. R. T. Bikbaev, S. N. Gloviuk, V. A. Shirokov, A. R. Iuldashbaev; Predisl. R. Bikbaeva; Predisl. V. Shirokova; Predisl. k serii S. N. Gloviuka. – M.: Pranat, 2007. – 704 s.
4. Karim M. Reki razgovarivaiut. Stikhi. Skazki. Poemy. Perevod s bashkirskogo. – M.: Sovetskii pisatel', 1964. – 160 s.
5. Karim M. Berega ostaiutsia. Stikhi. Perevod s bashkirskogo. – M.: Khudozhestvennaia literatura, 1966. – 192 s.
6. Karim M. Zhdu vestei. Stikhi i poema. Perevod s bashkirskogo. – M.: Detskaia literatura, 1976. – 191 s.
7. Karim M. Vremia – kon' krylatyi. Perevody s bashkirskogo. – M.: Sovremennik, 1972. – 328 s.
8. Orekhov B. V. Bashkirskii stikh XX veka. Korpusnoe issledovanie. – SPb.: Aleteiia, 2019. – 344 s.
9. Poety Bashkirii / pod red. S. Kir'ianova i G. Miniaeva. – Ufa: Bashkgosizdat, 1950. – 280 s.
10. Poety Bashkirii. Antologija sovetskoi bashkirskoi poezii v dvukh tomakh. – Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979.
11. Sovremennaia literatura narodov Rossii: Poezia / Antologija. – M.: Organizatsionnyi komitet po podderzhke literatury, knigoizdaniia i chteniia v Rossiiskoi Federatsii; Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2017. 568 s.
12. Houston, Natalie M. Anthologies and the Making of the poetic Canon // A Companion to Victorian Poetry. – Blackwell, 2002. – 361-377.
13. Mole, Tom. What the Victorians Made of Romanticism. Princeton UP, 2017.

— РЕЦЕНЗИЯ —

Н. А. Сивцева

Сообщение о книге:

**«Ырыа буолбут олох» (=«Жизнь, ставшая песней»):
Советской Союз Геройа Ф. К. Попов кэриэнигэр анаммыт
уус-урал айымнылар, ахтыылар, чинчийиилэр / [Хомуйан
онгордулар: П. В. Сивцева-Максимова, Е. А. Архипова,
И. И. Коркин; науч. ред. П. В. Сивцева-Максимова].
—Дьокуускай: ХИФУ кинигэ кыната, 2021. — 372 с.**

СВФУ им. М. К. Аммосова; ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Россия

В 2021 году исполнилось 100 лет со дня рождения Федора Кузьмича Попова (1921-1943 гг.), первого из якутов Героя Советского Союза, посмертно удостоившегося высшей степени отличия за мужество и совершение героического подвига во время Великой Отечественной войны при форсировании Днепра на территории Белоруссии. В этой связи знаменательным событием стало издание книги «Ырыа буолбут олох» (=«Жизнь, ставшая песней»), приуроченное к 100-летию со дня рождения Героя.

В данной книге, предназначеннной для филологов, краеведов, учителей, студентов и для широкого круга читателей, произведена систематизация источников на основе серьезной работы по выбору ценных и редких материалов о жизни и подвиге первого Героя Советского Союза Федора Попова. Составителями издания являются П. В. Сивцева-Максимова, доктор филологических наук, профессор СВФУ им. М. К. Аммосова, Е. А. Архипова, кандидат филологических наук и И. И. Корякин, кандидат юридических наук, профессор СВФУ им. М. К. Аммосова. Рецензентами, представившими оценку рукописи книги на издание, выступили Н. В. Покатилова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела фольклора и литературы ИГИиПМНС СО РАН) и Л. П. Григорьева, кандидат филологических наук, доцент кафедры якутской литературы ИЯКН СВ РФ СВФУ имени М. К. Аммосова. Книга, утвержденная к печати научно-техническим советом СВФУ им. М. К. Аммосова, напечатанная в Издательском доме указанного федерального университета, издана при финансовой поддержке МР «Мегино-Кангаласский улус» Республики Саха (Якутия).

Уникальность подвига Героя Федора Кузьмича Попова обозначается во вступительной части издания, содержащей тезисы должностных лиц Республики Саха (Якутия) о значении книги «Ырыа буолбут олох» (=«Жизнь, ставшая песней»). Вступительное слово составителей издания отражает его актуальную концепцию, состоящей в представлении существенных исторических сведений, ранее неизвестных и малоизвестных фактов по биографии Героя Федора Попова, не повторяющих известные и опубликованные ранее источники. Особенno отмечается новизна изложенного материала,

заключающаяся в систематизации источников по воссозданию его образа в литературе и научных изысканиях. Во вступительной части книги на основе изложения отрывка из документальной повести Г. Колесова «Саллаат санаата» (=«Думы солдата») раскрываются подробности совершения героического подвига Героя, а также приведены сведения из его наградного листа и других документов для представления на почетное звание Героя Советского Союза с подписями командира 467 с/п полковника Рыбченко от 05.10.1943, командира 51-й стрелковой дивизии генерал-майора Баринова от 06.10.1943, командира 29-го стрелкового корпуса генерал-майора Слушкина от 07.10.1943, Командующего 61-й Армией гвардии генерал-лейтенанта Белова, члена Военного Совета Армии генерал-майора Дубровского от 08.10.1943, командующего войсками Армии генерала Рокоссовского, члена Военного Совета Армии генерал-лейтенанта Телегина от 10.10.1943. Интересными являются тексты телеграмм с подписями Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР И.В. Сталина, генерал-майора бронетанковыми войсками Липодаева о танке «Герой якут Федор Кузьмич Попов», построенном на пожертвованные средства жителей Мегино-Кангаласского района ЯАССР.

Реализации концепции издания посвящены восемь разделов книги. В первом разделе представлены первые очерки о Герое Федоре Попове, опубликованные в 1944 г. Очерки Л. Попова и Софр. Данилова «Советский Союз Героя Федор Кузьмич Попов» (=«Герой Советского Союза»), А. Олбинского «Би́ниги геройбут» (=«Наш герой») являются источниками исторической информации, в которых художественно описываются осмыслиенные авторами явления суповой действительности прошлых лет. Во втором разделе книги изложены содержательные воспоминания современников Героя, раскрывающие малоизвестные факты по его биографии. В следующих пяти разделах представлены прозаические и поэтические произведения, тексты песен, статьи, посвященные Герою Федору Кузьмичу Попову и его подвигу: отрывки из романа И. Сысолятина «Ох курдук онгостон» (= «Снарядившись, как стрела»), повести Г. Колесова «Саллаат санаата» (=«Думы солдата»), девять поэм, стихотворения – всего более 60 названий. Восьмой раздел состоит из двух глав научного исследования Н. Ильиной «Произведения, воспоминания о Герое Федоре Попове, статьи, документы: текстологическое исследование, жанровая классификация» – магистерской диссертации по направлению «Текстология и литературная критика». Завершается раздел статьей П. В. Сивцовой-Максимовой «Федор Попов убараа» (=«Образ Федора Попова в якутской поэме»), подытоживающей общую концепцию издания выводом, что поэмы, посвященные Герою Федору Попову, представляя классический жанр с особым значением в истории любой художественной литературы, являются одной из вершин якутского словесного искусства. Издание снабжено информацией о персоналиях, включающей всего 23 имени. В книге сосредоточены результаты деятельности преподавателей СВФУ им. М. К. Аммосова: осуществлена систематизация корпуса, состоящей из более 60 различных текстов, в подборе и поисках источников периодической печати принимали участие студенты Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ. По подготовке книги к печати «Ырыа буолбут олох» (=«Жизнь, ставшая песней») проделана кропотливая работа по отбору материалов из периодической печати, по выбору литературных произведений, опубликованных с середины XX в. – до начала XXI в.

09 декабря 2021 г. в Историческом здании Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) в торжественной и волнительной обстановке состоялась республиканская презентация книги в рамках завершения года, посвященного жизни и подвигу Героя СССР Федора Кузьмича Попова, погибшего на фронте в возрасте 21 года. Появление этого труда, опубликованного к 100-летию со дня его рождения, вызывая живой интерес читателей, является значительным событием в увековечивании имен Героев Великой Отечественной войны.

– ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА –

B. E. Степанова

**Всероссийская конференция
«Актуальные вопросы изучения национальных литератур»**

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Сотрудники Института А. Е. Кулаковского провели 25 ноября 2021 г. в Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова Всероссийскую научно-практическую конференцию студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные вопросы изучения национальных литератур». Работа конференции проходила в онлайн-формате по следующим секциям: «Наследие классиков», «От фольклора к литературе», «Вопросы сравнительного литературоведения» «Язык произведений. Поэтика», «Вопросы жанрологии, сюжетографии». С докладами выступили 52 участника конференции.

В работе интересного научного мероприятия приняли участие, кроме студентов, аспирантов, учителей общеобразовательных школ, журналистов республики, молодые ученые и исследователи Москвы, Татарстана, Республики Тыва; из зарубежных стран в онлайн-формате свои информации представили филологи Германии, США (штат Орегон).

На пленарном заседании с основными докладами по вопросам новых направлений в исследовании литературы выступили Л. Н. Романова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и А. П. Ноговицын, магистр филологии, заведующий Музеем истории города Якутска. Они представили источниковедческие направления в изучении творчества классиков и научное значение текстологического анализа ранних публикаций А. Е. Кулаковского-Өксөкулээх Өлөксөй. Также внимание молодых ученых привлекла информация Наоми Бет Каффи, доктора философии, доцента Рид Колледжа г. Портленд (штат Орегон, США) о практике изучения якутского языка на материалах фольклорных текстов якутских и переведенных на якутский язык русских сказок. Ее научным консультантом в онлайн-формате

СТЕПАНОВА Варвара Егоровна – магистр филологии, научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: varvarast77@mail.ru

STEPANOVA Varvara Egorovna – Master of Philology, researcher at the Kulakovskiy Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

обучения является магистр филологии старший преподаватель кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода кафедры СВФУ У. Р. Плотникова.

Одним из современных инновационных практик была работа по переводу на турецкий язык поэмы А. Е. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксяй «Сон шамана», что было представлено в докладе по секции «Вопросы сравнительного литературоведения». Сообщение основывалось на обмене практическим опытом по подготовке подстрочника текста поэмы якутского мыслителя. Автором и научным консультантом проекта является Надежда Гаврильева, исследователь, литературовед, докторант Московского гуманитарного университета. Подстрочный перевод на турецкий язык был сделан Юмютом Шахиным, аспирантом и преподавателем института Анкары. Работа по подготовке подстрочного перевода с якутского на турецкий язык была проведена в онлайн-связи в течение определенного времени. В настоящее время литературная обработка перевода выполнена профессиональными переводчиками из Стамбула. Автор идеи, участник конференции Н. Г. Гаврильева выражает благодарность якутским и московским коллегам за помощь в издании поэмы «Сон шамана» на турецком языке.

Экспертами на пяти секциях конференции работали сотрудники отдела фольклора и литературы ИГИиПМНС СО РАН, НИИ Кулаковского, преподаватели кафедры якутской литературы и кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации СВФУ.

В процессе работы конференции обсуждались различные аспекты изучения якутской, татарской, тувинской литературы и фольклора в контекстах современных исследований. По решению экспертов участникам с лучшими докладами были отправлены дипломы, всем представившим свои исследования — сертификаты участников конференции.

**СЕРИЯ «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР»
ВЕСТНИКА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Сетевое издание

4 (04) 2021

Технический редактор *В. Е. Степанова*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.12.2021

Формат 70×108/16.

Дата выхода в свет 29.12.2021